

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 2
2024

ISSN 2079-0295

Автономная некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 (58) 2024
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2024

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 2 (58) 2024
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

«Научно-исследовательский институт

актуальных проблем современного права»

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49

Подписано в печать 5.07.2024. Выход в свет 25.07.2024г. Формат 70×100 1/16. Объем
23,6 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2024

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саиданевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межотраслевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации.
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитонова Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process FGBOU IN «Perm State National Research University»

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the FGKOU HE Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalievich**, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.
- Kurmanalieva Asel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Honorary Worker of Higher professional Education of Russia, Honored Scientist of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- Molchanov Alexander Alexandrovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

"Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-Business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В. П. О юридической сущности самовольной постройки: опыт логического толкования</i>	16
--	----

Актуальные проблемы современного права

<i>Камышанский В. П. О праве цивилистической методологии на самоопределение</i>	28
<i>Ротань В.Г., Камышанский В.П. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическое учение о правоотношении и интерпретация этого влияния С.В. Третьяковым</i>	43
<i>Андреев Ю.Н. О плюралистических направлениях в цивилистической методологии</i>	72
<i>Годованик Е.В. Конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики современных государств: сравнительно-правовой анализ</i>	88
<i>Иншакова А.О., Квициния Н.В. Цифровые решения для семейных компаний: юридические технологии и автоматизация юридических процессов</i>	99
<i>Левушкин А.Н. Исключение супруга или бывшего супруга-участника из семейной корпорации и кооператива</i>	111
<i>Новоселова Л. А., Медведева Т.М. Механизм углеродного регулирования в Республике Казахстан</i>	129
<i>Попондопуло В.Ф., Лю Цюсэнь Международное частное право России и Китая: основные законодательные подходы</i>	141
<i>Потапенко С.В. К вопросу об авторских правах на результаты интеллектуальной деятельности, созданные человеком с использованием искусственного интеллекта</i>	160

<i>Хоружая С.В., Мхитарьянц Д.О. Русский и иностранный языки в юридических текстах: проблемы конкуренции и сотрудничества.....</i>	<i>172</i>
<i>Джумагазиева Г.С., Датцкая Т.С. Договор доверительного управления имуществом: юридическая природа, специфика и его отличие от смежных гражданско-правовых договоров.....</i>	<i>182</i>
<i>Мантул Г.А. О Методах гражданско-правового регулирования отношений в условиях незаконных международных ограничений.....</i>	<i>192</i>
<i>Рудченко И.И. Гражданско-правовая ответственность публичных образований за ненадлежащее осуществление вещных прав.....</i>	<i>201</i>
<i>Шеховцова А.С. Правовые аспекты регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий.....</i>	<i>212</i>

Наука и практика стран СНГ

<i>Скрябин С.В. Толкование норм гражданского законодательства Республики Казахстан о приобретательной давности.....</i>	<i>222</i>
---	------------

Трибуна молодого ученого

<i>Абдуллаев Р.И. О становлении советского уголовного права и об особенностях его возникновения.....</i>	<i>248</i>
<i>Брысин А.А. Основания для пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражном процессе</i>	<i>262</i>
<i>Унэнц Ганболд Право собственности административно-территориальных образований низшего уровня на постсоветском пространстве.....</i>	<i>275</i>
<i>Иванов А.А. Юридическая природа представительного органа муниципального образования.....</i>	<i>290</i>
<i>Костицын А.В. Опыт арбитражирования и администрирования как критерий выбора сторонами арбитра для международного коммерческого арбитража ad hoc.....</i>	<i>301</i>

<i>Костышина Д.Д. Межгосударственная интеграция как фактор воздействия на регулирование частных отношений: теоретико-методологические аспекты.....</i>	<i>317</i>
<i>Папин А.И. Достоинство личности как объект субъективного права.....</i>	<i>330</i>
<i>Соколов Н.Н. Теоретико-методологические аспекты определения критериев эффективности деятельности государственных гражданских служащих</i>	<i>340</i>
<i>Хахимов И.Р. Четыре взгляда на правовую природу погасительной давности</i>	<i>352</i>
<i>Черкасова Е.В.. Правовая категория «лишение родительских прав» как юридический факт</i>	<i>366</i>

Рецензии. Критика

<i>Малько А.В. Рецензия на книгу Андреев Ю. Н. Методология юридической науки: Учебник. – м.: проспект, 2024. – 656 с... ..</i>	<i>376</i>
--	------------

Contents

Column of the chief editor

<i>Kamyshansky V. P. On the right of civilisational methodology to self-determination.....</i>	16
--	----

Actual problems of modern law

<i>Kamyshansky V. P. On the right of civilisational methodology to self-determination.....</i>	28
<i>Rotan V.G., Kamyshansky V.P. The influence of n. G. Alexandrov's ideas on the civilistic concept of legal relationships and the interpretation of this influence by s. V. Tretyakov.....</i>	43
<i>Andreev Yu.N. About pluralistic trends in civilisational methodology.....</i>	72
<i>Godovanik E.V. The constitutional-legal mechanism of implementation of foreign policy of modern states: comparative legal analysis.....</i>	88
<i>Inshakova A.O., Kvitsinia N.V. The digital solutions for family companies: Legaltech and legal process automation.....</i>	99
<i>Levushkin A.N. The exclusion of a spouse or former spouse of a member from a family corporation and cooperative.....</i>	111
<i>Novoselova L. A., Medvedeva T.M. the mechanism of current regulation in the republic of Kazakhstan.....</i>	129
<i>Popondopulo V.F., Liu Qiusen the international private law of Russia and China: main legislative approaches.....</i>	141
<i>Potapenko S.V. To the issue of copyright on the results of intellectual activity created by man with the use of artificial intelligence.....</i>	160
<i>Khoruzhaya S.V., Mkhitaryants D.O. The Russian and foreign languages in legal texts: problems of competition and co-operation.....</i>	172

<i>Dzhumagazieva G.S., Dattskaya T.S. The contract of property trust management: legal nature, specifics and its difference from related civil law contracts</i>	<i>182</i>
<i>Mantul G.A. On methods of civil law regulation of relations under illegal international restrictions</i>	<i>192</i>
<i>Rudchenko I.I. The civil legal liability of public entities for inadequate exercise of property rights.....</i>	<i>201</i>
<i>Shekhovtsova A.S. The legal aspects of regulation of service providership using digital technologies.....</i>	<i>212</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Scriabin S.V. The interpretation of civil law norms of the kazakhstan republic about acquisition limitation</i>	<i>222</i>
--	------------

Tribune of a young scientist

<i>Abdullaev R.I. About the formation of soviet criminal law and the peculiarities of its emergence.....</i>	<i>248</i>
<i>Brysin A.A. The reasons for review of judicial acts on new and revealed feasibilities in the arbitration process</i>	<i>262</i>
<i>Unench Ganbold The property rights of lower tier administrative territorial unities in the post-soviet space.....</i>	<i>275</i>
<i>Ivanov A.A. The legal nature of the representative body of a municipality.....</i>	<i>290</i>
<i>Kostitsin A.V. The experience of arbitration and administration as a criterion for parties to select an arbitrator for international commercial arbitration ad hoc</i>	<i>301</i>
<i>Kostyshina D.D. The interstate integration as a factor of influence on the regulation of private relations: theoretical and methodological aspects</i>	<i>317</i>
<i>Papin A.I. The personal dignity of the person as an object of subjective right</i>	<i>330</i>

<i>Sokolov N.N. The theoretical and methodological aspects of defining criteria for the effectiveness of public civil servants' performance.....</i>	<i>340</i>
<i>Khakimov I.R. Four views on the legal nature of extinguishing limitation</i>	<i>352</i>
<i>Cherkasova E.V. The legal category "deprivation of parental rights" as a legal fact.....</i>	<i>366</i>

Reviews. Criticism

<i>Malko A.V. The book review Andreev y. N. The methodology of legal science: A textbook. - Moscow: prospect, 2024. - 656 p.....</i>	<i>376</i>
--	------------

Колонка главного редактора

**О ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ:
ОПЫТ ЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ**

**ON THE LEGAL ESSENCE OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION:
THE EXPERIENCE OF LOGICAL INTERPRETATION**

В соответствии с действующим законодательством собственнику земельного участка предоставлено право возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их реконструкцию или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам. Такие права осуществляются не только собственниками, но и иными правообладателями земельных участков, в том числе арендаторами. Для этого необходимо соблюдать гражданско-правовой режим земельного участка, а также требования законодательства о градостроительной деятельности, технических регламентов, экологические требования, санитарно-гигиенические правила и нормативы, требования пожарной безопасности и иные требования, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ), Земельным кодексом (ЗК) РФ, Градостроительным кодексом (ГрК) РФ, Федеральным законом от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о

безопасности зданий и сооружений», Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» и др.¹

Из вышеизложенного следует, что отношения строительства, как объект правового регулирования, носят межотраслевой характер. При уяснении сущности норм из перечисленных источников следует помнить о том, что толкование норм не может останавливаться на определении прямого, непосредственного смысла норм, а необходимо раскрывать еще и скрытое их содержание².

Нарушение установленных законодательством требований при осуществлении строительной деятельности может свидетельствовать о самовольности возведенной постройки. С принятием ГК РФ в новейшем гражданском законодательстве, в ст. 222 ГК РФ, получило закрепление понятие самовольной постройки.

Изначально с 1 января 1995 г. законодатель, закрепляя в ГК РФ ст. 222 «Самовольная постройка», преследовал в качестве основной цели легализовать и вовлечь в гражданский оборот объекты самовольной постройки. Гражданско-правовой институт самовольной постройки представляет собой одно из оснований приобретения права собственности, что следует из содержания п. 3 указанной статьи и расположения этого института в главе 14 ГК РФ, посвященной приобретению права собственности.

Согласно действующей редакции ст. 222 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 339-ФЗ) самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные на земельном участке, не

¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 // Справ. -правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464555/#dst100008 (дата обращения: 20.04.2024).

² Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 88.

предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные без получения на это необходимых ввиду закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если разрешенное использование земельного участка, требование о получении соответствующих согласований, разрешений и (или) указанные градостроительные и строительные нормы и правила установлены на дату начала возведения или создания самовольной постройки и являются действующими на дату выявления самовольной постройки. Из приведенного определения можно вычленить следующие признаки, каждый из которых дает основание признать объект строительной деятельности самовольной постройкой:

- возведение (создание) на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке;
- возведение (создание) на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительства на нем данного объекта на дату начала его возведения и на дату выявления постройки;
- возведение (создание) без получения на это необходимых ввиду закона согласований, разрешений, если требование о получении соответствующих согласований, разрешений установлено на дату начала возведения и является действующим на дату выявления постройки;
- возведение (создание) с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если такие нормы и правила установлены на дату начала возведения постройки и являются действующими на дату ее выявления¹.

Следует иметь в виду, что не является самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные с нарушением установленных в

¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464555/#dst100008 (дата обращения: 20.04.2024).

соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка.

Согласно ст. 56 ЗК РФ по основаниям, установленным ЗК РФ и другими федеральными законами, могут быть предусмотрены следующие ограничения прав на земельные участки:

1) ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий;

2) особые условия охраны окружающей среды, в том числе животного и растительного мира, памятников природы, истории и культуры, археологических объектов, сохранения плодородного слоя почвы, естественной среды обитания, путей миграции диких животных;

3) иные ограничения использования земельных участков.

Ограничения прав на землю установлены актами исполнительных органов государственной власти, актами органов местного самоуправления, решением суда, а ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий возникают в результате установления зон с особыми условиями использования территорий в соответствии с ЗК РФ. Ограничения прав на землю сохраняются при переходе права собственности на земельный участок к другому лицу.

Не является самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка. Особенность самовольной постройки заключается в том, что она не выступает в качестве объекта гражданского оборота, поскольку лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой: продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать иные сделки. Даже использование самовольной постройки не допускается.

Юридическая судьба самовольной постройки предполагает два варианта последующего устранения правовой неопределенности относительно возникшего результата

строительной деятельности. Самовольная постройка должна подлежать сносу или быть приведена в соответствие с установленными требованиями к соответствующим объектам строительства. Речь идет о соответствии объекта параметрам, установленным правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом.

Такую работу должно сделать лицо, осуществившее постройку, либо за его счет иное лицо. При отсутствии сведений о владельце самовольной постройки эти обязанности должно осуществить лицо, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором возведена или создана самовольная постройка. Если земельный участок выступает объектом права публичной собственности и предоставлен во временное владение и пользование, то эти действия обязано совершить лицо, во владении и пользовании которого он находится, либо за его счет иные лица. Исключения из этого правила составляют случаи, если снос самовольной постройки или ее приведение в соответствие с установленными требованиями осуществляется, согласно закону, органом местного самоуправления.

Помимо ликвидации самовольной постройки возможна и ее легализация. Согласно п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке – за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором создана постройка, при одновременном соблюдении ряда условий:

- если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта;
- если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;
- если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

В этом случае лицо, за которым признано право собственности на постройку, возмещает осуществившему ее лицу расходы на постройку в размере, определенном судом.

К сожалению, отечественная судебная практика знает мало случаев признания за застройщиком права собственности на подобные объекты строительной деятельности¹. Судебная практика относительно судьбы объекта самовольного строительства не отличается стабильностью. Ранее при рассмотрении исковых требований о признании права собственности на самовольную постройку, если органы местного самоуправления выступали ответчиком, суд, отказывая в удовлетворении иска о признании права собственности, как правило, не накладывал на истцов обязанность снести постройку, если она не угрожает жизни или здоровью окружающих². В настоящее время суд, как правило, выносит решение о сносе самовольной постройки. Решение о сносе самовольной постройки либо решение о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями принимают суд или органы местного самоуправления в соответствии с их компетенцией, установленной законом (п. 3.1 ст. 222 ГК РФ).

Право собственности на здание, сооружение или другое строение возникает у лица, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, а также у арендатора земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на котором возведена или создана самовольная постройка, и которое выполнило требование о приведении самовольной постройки в соответствие с установленными требованиями при условии, что это не будет противоречить закону или договору.

¹ Гумилевская О. В. Ответственность за самовольное строительство в России // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 98–102.

² Заболотная Н. А., Седова Н. А. Гражданско-правовая ответственность за самовольное строительство // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. для молодых ученых (Краснодар, 31 октября 2016 г.) / под ред. В. П. Камышанского, Ю. Г. Лесковой, И. В. Шайдунова. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2016. С. 48–53.

В первоначальной редакции самовольной постройкой признаны жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил (п. 1 ст. 222 ГК РФ). В процессе дальнейшего развития гражданского законодательства ст. 222 ГК РФ претерпела многократные изменения. Смысл этих изменений сводится к тому, чтобы максимально сократить юридическую возможность зарегистрировать право собственности на самовольную постройку и вовлечь объект строительства в гражданский оборот, расширить налогооблагаемую базу и увеличить тем самым доходную часть бюджета.

Анализ динамики модернизации ст. 222 ГК РФ показывает, что законодатель за последние четверть века существенно сократил возможность признания права собственности на самовольную постройку. В первоначальной редакции статьи не упоминалось об органах, имеющих право принимать решения о сносе незаконного строения без решения суда. Позднее исключено положение о возможности признания права собственности на такую постройку за лицами, которыми возведено строение на земельном участке, не принадлежавшем им. Постепенно норма стала пополняться дополнительными правилами. В частности, ст. 222 ГК РФ в 2015 г. дополнена пунктом 4, согласно которому органы местного самоуправления наделены правом принимать решения о сносе незаконных построек во внесудебном порядке.

Как показывает складывающаяся судебная практика, органы власти и местного самоуправления, независимо от степени опасности для окружающих и причин возникновения признаков самовольной постройки, выступают с исковыми требованиями в суде о сносе самовольной постройки. Так, известны случаи, при которых местная администрация сдает в аренду земельный участок на определенный срок под строительство объектам и затем, регулярно получая арендную

плату, затягивает с выдачей разрешения на строительство, а далее отказывается продлевать договор аренды, превращая тем самым объект строительства в самовольную постройку¹. Вместе с тем органы архитектурно-строительного надзора, выявляя незначительные признаки самовольного строительства, также создают формальные основания для признания объекта строительства самовольной постройкой, подлежащей сносу².

Например, Арбитражным судом Краснодарского края вынесено решение по иску администрации муниципального образования г. Краснодара к индивидуальному предпринимателю Алексею Александровичу Гаврюшову о сносе самовольной постройки. Как следует из материалов дела, Управлением муниципального контроля администрации муниципального образования г. Краснодара проведена визуальная фиксация использования земельного участка, в ходе которой установлено, что данный земельный участок используется с нарушением норм действующего законодательства.

Согласно сведениям Администрации Прикубанского внутригородского округа г. Краснодара, информация о выдаче разрешения на строительство или иной разрешительной документации на земельный участок отсутствует. Администрация предполагает, что в отношении спорного объекта присутствуют признаки самовольной постройки: строительство объекта без разрешительной документации, а ввиду этого строительство объекта на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке. В ходе судебного процесса произведена экспертиза. В итоге не выявлено нарушений градостроительного и земельного законодательства. Ответчик представил

¹ Мирзоян А. А. Самовольная постройка: причины возникновения и правовые последствия // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. науч.-практ. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) (г. Краснодар, 11 ноября 2020 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2020. С. 183–187; Гумилевская О. В. История становления и развития института самовольной постройки // Социально-гуманитарное знание. 2008. № 10. С. 340–345.

² Карпов Е. А. Самовольная постройка как основание приобретения права собственности: проблемные аспекты // Сервис plus. 2019. Т. 13. № 1. С. 66–70.

доказательства вины администрации города в несвоевременной выдаче необходимых согласований и разрешений. Однако суд решил, что истец, действуя в публичных интересах, предоставил неоспоримые доказательства наличия признаков самовольной постройки, и иск удовлетворен. Самовольная постройка, по решению суда, подлежала сносу¹.

Волна административного сноса докатилась до граждан, постройки которых оказались рядом с магистральными трубопроводами и в иных запрещенных для строительства зонах, о которых граждане зачастую не подозревали. Резонансные дела дошли до Конституционного Суда РФ. В августе 2018 г. в ст. 222 ГК РФ появилась поправка, защитившая добросовестных лиц (тех, кто не мог знать о запрете на строительство) и запретившая признавать их постройки самовольными. Одновременно появились правила о публичном сервитуте: правах владельцев трубопроводов и иных инфраструктурных объектов, ограничивающих право собственности на земельные участки².

Представляет определенный интерес постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке», которое стало своего рода подведением итогов и обобщением двадцатилетней практики применения ст. 222 ГК РФ, содержащим детальные разъяснения сложных вопросов правоприменения. В указанном постановлении Верховного Суда РФ № 44 снос самовольной постройки назван крайней мерой, поскольку устранение последствий допущенного нарушения «должно быть соразмерно самому нарушению, не должно создавать дисбаланса между публичным и частным интересом», не должно причинять «несоразмерных убытков».

¹ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 21 мая 2020 г. по делу № А32-33676/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Kfc8YCFsUerI/?ysclid=ly8ff3hv6a864616037> (дата обращения: 20.04.2024)

² Плешанова О. ВС поставил точку в вопросе о сносе самостроев. Что грозит собственникам // РБК. 2024. 19 января. URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a8e9869a79477ab0261ce4?ysclid=ly6wcj50oy44527462> (дата обращения: 20.04.2024).

Постройка не должна быть признана самовольной, если строительство начато правомерно, а затем требования изменились, или, наоборот, признаки самовольной постройки изначально были, но «отпали» к моменту вынесения решения суда. Недопустим снос объектов культурного наследия. От сноса защищены индивидуальные дома и дачи, если права на них зарегистрированы до 1 сентября 2018 г., их параметры не превышают допустимых пределов, установленных федеральным законодательством, а земельные участки на законном основании принадлежат собственникам указанных строений. Строительство индивидуальных и садовых домов без разрешения на строительство либо до направления уведомления о планируемом строительстве также не дает оснований признать их самовольными постройками. До 1 марта 2031 г. право собственности на них можно зарегистрировать в упрощенном порядке.

В. П. Камышанский,
главный редактор журнала «Власть Закона»,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор

Раздел

Актуальные проблемы современного права

В.П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т.
Трубилина,
директор Научно-исследовательского института актуальных проблем
современного права,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный деятель науки Кубани
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**О ПРАВЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ
НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ**

**ON THE RIGHT OF CIVILISATIONAL METHODOLOGY TO
SELF-DETERMINATION**

В статье рассмотрены вопросы методологии юридической науки, в том числе цивилистических наук в их взаимосвязи. Сделан вывод о том, что для исследования проблем науки гражданского права и практики применения гражданского законодательства недостаточно применения общей юридической методологии. Наука гражданского права нуждается в разработке и систематизации специальных методов познания с учетом особенностей предмета исследования и стоящих перед российским обществом задач дальнейшего развития. Трансформация правовых положений в определенную систему понятий не является результатом произвольного субъективного усмотрения и не предполагает научной переработки действующих норм и правил. Она осуществляется в границах существующего нормативного материала и позволяет уяснить истинный смысл нормы права через приведенные к своей логической форме юридические понятия и логические нормы. Предлагается разработать научно обоснованную методологию (методы) выявления логических норм, закрепленных в текстах нормативных актов. Нуждается в решении, по мнению автора статьи, проблема соотношения и взаимных связей между выявленными логическими нормами, а также между логическими нормами и нормами, прямо закрепленными в тексте гражданско-правовых нормативных актов.

Ключевые слова: юридическая методология, метод гражданского права, толкование гражданского законодательства, методы толкования, логическая норма, цивилистические науки, частноправовые науки, методологический прием, частнонаучные методы познания,

общенаучные методы познания.

The article considers the issues of methodology of legal science, including civil sciences in their interrelation. It is concluded that for the study of the problems of the science of civil law and the practice of civil law application it is not enough to apply general legal methodology. The science of civil law needs the development and systematisation of special methods of cognition taking into account the peculiarities of the subject of research and the tasks of further development facing the Russian society. Transformation of legal provisions into a certain system of concepts is not the result of arbitrary subjective discretion and does not involve scientific revision of existing norms and rules. It is carried out within the boundaries of the existing normative material and makes it possible to understand the true meaning of a legal norm through legal concepts and logical norms brought to their logical form. It is proposed to develop a scientifically grounded methodology (methods) for identifying logical norms enshrined in the texts of normative acts. In the opinion of the author of the article, the problem of correlation and mutual relations between the identified logical norms, as well as between logical norms and norms directly enshrined in the text of civil law normative acts needs to be solved.

Keywords: legal methodology, method of civil law, interpretation of civil legislation, methods of interpretation, logical norm, civil sciences, private legal sciences, methodological technique, private scientific methods of cognition, general scientific methods of cognition.

Как известно, обязательным разделом введения любой диссертации по юридическим наукам является «Методологическая основа исследования». Не открою большого секрета для большинства среди тех, кто имеет за плечами ученые степени кандидата и доктора юридических наук, относительно того, что соискатели ученых степеней начинали задумываться над содержанием этого раздела, когда текст диссертации был уже практически готов к обсуждению. Вместе с тем недооценка обладания навыками умелого использования оптимального сочетания научных методов познания может существенно удлинить путь к заветной цели и помешать получению истинных научных результатов.

Методология – своего рода «свод законов» научного познания¹. Игнорируя этот свод законов, мы не сможем получить

¹ Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии. Статья вторая. Принцип системности в

востребованные обществом научные знания. Как справедливо писал четверть века назад профессор Д. А. Керимов, пренебрежение методологическими приемами в юридической науке приводит к многолетним повторениям одного и того же и фактическому отсутствию приращения нового научного знания¹.

Важное методологическое значение имеют прежде всего соотношение теории и практики, их взаимные переходы, определение путей и форм реализации научных знаний, как полагал Д. А. Керимов². С этим невозможно не согласиться. Вместе с тем Д. А. Керимов считал неоправданным включение в понятие правовой методологии правила законодательной техники и приемов правоприменительного процесса. В частности, профессор утверждал: «Нельзя методологию низводить до простого созерцания и методики воспроизведения эмпирического материала, являющегося лишь предпосылкой теоретического мышления»³.

По мнению профессора В. М. Сырых, «представителям конкретных юридических наук нет необходимости заново разрабатывать фундаментальные методологические вопросы правоведения и гораздо удобнее и целесообразнее использовать имеющиеся знания в сфере общей теории права»⁴. Свою позицию он обосновал тем, что процесс познания предмета науки гражданского права в основном повторяет процесс познания предмета общей теории права.

Анализ литературы в контексте темы общей юридической методологии позволяет выделить два существенных момента, нуждающихся в уточнении и являющихся дискуссионными.

Во-первых, некоторые теоретики права считают, что для науки гражданского права вполне достаточно методов научного познания, которые разработаны общей теорией права.

методологии диалектического и исторического материализма // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 50.

¹ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2000. С. 22.

² Там же. С. 42.

³ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 43.

⁴ Общая теория права: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ имени Н. Э. Баумана, 1997. С. 28.

Во-вторых, анализ норм действующего законодательства и практики его применения выходит за рамки юридической науки и теоретического осмысления права. К сожалению, такие подходы получили поддержку и среди некоторых ученых-цивилистов.

В качестве примера приведем позицию профессора М. Н. Семякина, представителя Уральской цивилистической школы, которая в феврале 2024 г. отпраздновала 75-летний юбилей. По его мнению, серьезной проблемой цивилистического правоведения является то, что оно зачастую не выходит за рамки так называемой догматической (аналитической) юриспруденции, когда научное исследование ограничено уяснением смысла норм гражданского права, их толкованием, комментированием конкретных судебных решений, постановлений высших судебных инстанций, обзоров судебной практики. Профессор утверждает: «При всей безусловной важности подобного рода деятельности, особенно для практической юриспруденции, в том числе цивилистической, она не может быть идентифицирована как цивилистическая наука, объективно не способна выполнить ее функции, цели и задачи». В качестве обоснования своей позиции М. Н. Семякин пишет о том, что «положение законодательства есть не более, чем позиция законодателя по соответствующему вопросу, которая может быть недостаточно обоснованной или даже ошибочной»¹.

И что из этого следует? Неужели изложенный подход может служить путеводной звездой для исследователя, позволяющей ему в своих изысканиях сразу взлетать «до уровня философского, общенаучного осмысления цивилистической действительности»², минуя глубокий анализ гражданского законодательства и правоприменительной практики? Как нам представляется, такие позиции имеют право на существование, но содержат в себе очевидные признаки дискуссионности. По нашему глубокому убеждению, законотворческий процесс и правоприменительная практика не могут быть уделом только практиков. Они также нуждаются в теоретическом осмыслении и должны быть

¹ Семякин М. Н. Методология цивилистического правоведения: проблемы, поиски, решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 119.

² Там же. С. 3.

обеспечены соответствующей методологией познания этих процессов. Исследование гражданского законодательства и правоприменительной практики нельзя исключать из предмета юридической науки, как не имеющих ничего общего с юридической наукой. Эта деятельность является обязательным предварительным этапом для последующего общенаучного осмысления цивилистической действительности и формирования новых доктринальных подходов в исследуемой сфере.

Сербский ученый-юрист Р. Лукич считает, что в понятие методологии следует включать не только учение о методах научного познания правовых явлений, но и учение о методах создания и реализации (применения) права. Он пишет: «Только в этом случае будут охвачены все методы использования людьми права»¹.

Как справедливо полагает профессор В. Г. Ротань, не следует противопоставлять гражданское законодательство науке гражданского права, поскольку Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) и другие акты гражданского законодательства – это тоже произведения науки². Достаточно вспомнить «звездный» состав Совета при Президенте России по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. В частности, профессора В. В. Витрянский, Д. В. Ломакин, А. Л. Маковский, Л. Ю. Михеева, Е. А. Суханов, В. Ф. Яковлев и ряд других ученых в течение последних нескольких десятилетий принимали активное участие в разработке проекта ГК РФ, а затем концепции его дальнейшего развития и модернизации.

Методология имеет три уровня и включает в себя всеобщие методы познания, общенаучные и частнонаучные методы, которые в совокупности позволяют обнаружить сущность, содержание и формы изучаемых объектов, их особенности и специфические закономерности развития³. Философские категории являются методологически универсальными

¹ Лукич Р. Методология права / пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. М.: Прогресс, 1981. С. 24.

² Ротань В. Г. Цель и содержание учебной дисциплины «Гражданское право» // Власть Закона. 2023. № 4. С. 72.

³ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 28.

средствами, инструментами, методами познания природы, общества и мышления. Общенаучные методы познания выступают в качестве средства обобщения ограниченного типа явлений и процессов¹.

Теория государства и права исследует наиболее общие закономерности, возникновения, развития и функционирования права². В рамках специальных юридических наук общие положения теории государства и права играют существенную методологическую роль. Общая теория правотворчества, например, служит методологической основой познания в сфере формирования норм гражданского права. Теория правореализации, законности и правопорядка составляет методологическую основу для исследований проблем осуществления и защиты субъективных гражданских прав, закрепленных в нормах отдельных цивилистических (частноправовых) наук.

Наряду с общенаучными методами познания (общей юридической методологией) специальные юридические науки разрабатывают и применяют частнонаучные методы познания для исследования ряда институтов, правовых конструкций и механизмов правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве и автономии воли его участников. При этом существуют особенности, которые не могут быть охвачены общей юридической методологией. При формировании методологической основы научного исследования изначально очень важно определить для себя предмет научного исследования, его цель, понимание предполагаемой теоретической и практической значимости ожидаемого результата.

Применительно к исследовательской деятельности в области права профессор Е. Г. Комиссарова рассматривает методiku как набор последовательных процедур накопления, систематизации и обработки доктринального, правового, эмпирического материала. В философской науке понятие «метод» определен как путь,

¹ Там же. С. 28–29.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 11.

исследований»¹ и что «вакуум непознанной методологии имеет свойство заполняться иными, часто совсем ненаучными способами получения нового научного знания»². К сожалению, далее исследователь переходит в статье к проблемам обязательственного права, оставив в стороне в своих выводах заявленные в названии статьи основы методологической культуры в цивилистике.

По мнению профессора О. А. Кузнецовой, в методологических частях диссертаций автору необходимо объяснить выбор определенного набора методов исследования, привести их классификацию, соответствующую общепринятой в методологической науке, а также дать информацию о том, где и зачем в работе использован тот или иной научный метод. Названия и сущность общенаучных методов познания в цивилистических диссертациях должны совпадать с представлениями о них в общей методологии. Применение в правовых исследованиях общенаучных и междисциплинарных методов не превращает их в частнонаучные. Частнонаучными в методологии права признают историко-правовой, сравнительно-правовой, юридико-догматический, межотраслевой методы, а также методы толкования правовых норм³.

Следует иметь в виду, что толкование правовых норм не может быть ограничено только определением прямого, непосредственного смысла нормы путем ее уяснения. В своей докторской диссертации дореволюционный русский цивилист Е. В. Васьковский писал о том, что толкование «должно обнаруживать еще и скрытое их содержание»⁴, что «из норм также могут быть добываемы по правилам логики суждения, столь же достоверные и обязательные, как и сами нормы»⁵. Осуществлять логическое развитие норм можно, используя следующие приемы: путем заключения по аналогии, с помощью

¹Комиссарова Е. Г. Об основах методологической культуры в цивилистике // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 247.

²Там же. С. 247–253.

³ Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 264.

⁴Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 88–89.

⁵Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 281.

вывода *a contrario* (в переводе с лат. «аргумент от противного») и вывода *a fortiori* (в переводе с лат. «тем более», то есть аргумент, вывод степени), определения преимущества одной нормы перед другой при их применении, разрешения конкуренции между нормами, а также путем заключения от условий (причин) к следствию и обратно¹.

Теоретическая обработка правового материала, полученного на эмпирическом уровне, происходит при помощи частнонаучного юридико-догматического метода. В результате формулируют правовые категории, понятия, классификации, конструкции (юридическая догма) с использованием прежде всего приемов формальной логики. Догмы (от греч. *dogma*, что означает «мнение, постановление, учение») – основные положения какого-либо учения².

Этот метод предполагает изучение правовых явлений без связи с экономикой, политикой, культурой и другими социальными феноменами, нормы права не оценивают и не рассматривают с точки зрения их исторической, политической

¹ Подробнее об этом см.: Ротань В. Г. Способы закрепления норм гражданского права в актах законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 141; Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 302–305; Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова; отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь, 2019. С. 22; Ротань В. Г. Переход от интуитивного к рациональному толкованию актов гражданского законодательства как основное условие совершенствования правоприменения // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 12 февраля 2015 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 39; Ротань В. Г. Основные современные проблемы правотолкования и правоприменения // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудов-правовой аспекты): сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Алушта, 12–14 октября 2017 г.) / ред. О. Е. Сонин. Симферополь: Ариал, 2017. С. 86; Ротань В. Г. О перспективах разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 203.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. С. 266.

или социальной целесообразности. Данный метод занимает ведущее место в методологии юридического позитивизма¹.

Заслуживают внимания научные позиции немецкого ученого Р. ф. Иеринга, изложенные им в известной работе «Дух римского права». Они, к сожалению, не получили дальнейшего развития в трудах ученых-юристов XX–XXI вв. В частности, Р. ф. Иеринг считал, что правовые положения представляют собой только самые внешние, практические верхушки права, не исчерпывающие ни количественно ни качественно его действительного содержания. Он писал о том, что не следует отождествлять права с правовыми положениями. В правовых положениях содержится не само право, а осознание (курсив – Р. ф. Иеринг) своего права. Поскольку правовые положения это

только часть права, необходимо выводить на свет Божий скрытые правовые положения².

Как известно, в нормах права выражена сущность правовых действий, свойств лиц, вещей, прав и обязанностей. В своей системе они образуют институты, подотрасли и отрасли законодательства. Мы привыкли воспринимать любое правовое положение в повелительной форме, в виде запрета, обязывания, дозволения. Однако профессор Иеринг оценивал такое понимание права как невежество. По его мнению, значительная часть системы права может совершенно обойтись без формальной легализации и эту часть может вполне заменить догматическая логика, которая может играть гораздо большее практическое значение, чем правовые положения. Логика права он считал цветом правовых положений, его квинтэссенцией. В одном логически верно сформированном понятии может находиться практическое содержание десятка прежних правовых положений³.

Например, понятие залога представляет собой право на чужую вещь, с учетом которого ее можно продать, а вырученные средства направить на удовлетворение обеспеченного залогом

¹ Кузнецова О. А. Указ. соч. С. 262.

² Иеринг Р. ф. Дух римского права // Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 54.

³ Там же. С. 56.

требования. Из этого определения профессор Иеринг смог вывести четыре правовых положения¹:

право предусматривает соглашение о продаже займодавцем чужой вещи для удовлетворения своего требования;

при потере вещи в случае ее обнаружения займодавец вправе предъявить иск третьему лицу о ее выдаче;

заложенная вещь должна быть чужой;

право залога прекращается с прекращением обеспеченного им требования.

Трансформация правовых положений в правовые понятия отличает научное понимание и обработку права от его изложения в кодексе². Законодатель принимает законодательные акты, которые ему необходимы и пригодны для их применения на практике. Юридическая наука методом анализа раскладывает их на отдельные простые элементы, что позволяет уяснить истинную природу права. Затем не путем сложения бесконечно повторяющихся правовых положений, а посредством синтеза наиболее существенных из них формировать простые юридические понятия, позволяющие воссоздавать отдельные правовые положения. Это дает возможность «приращения (курсив – Р. ф. Иеринг) права из самого себя, роста его изнутри»³.

Профессор Иеринг пишет о том, что «посредством комбинации различных элементов наука может образовывать новые понятия (курсив – Р. ф. Иеринг) и новые правовые положения (курсив – Р. ф. Иеринг)»⁴. Юридические понятия, вступая между собой в определенные взаимоотношения, обладают способностью воспроизводить новые правовые положения. В свою очередь, закрепленные в законе правовые положения таким свойством не обладают и сохраняют регулятивные свойства без изменения.

Анализ и последующая системная обработка правовых положений позволяют формировать новые юридические понятия (логические нормы), оказывающие влияние на право через «возвышение правовых положений на степень логических

¹ Иеринг Р. ф. Указ. соч. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же.

моментов системы»¹, то есть путем их логического толкования. Это позволяет избавить законодателя от необходимости пытаться законодательно обеспечить правовое регулирование бесчисленного множества жизненных ситуаций. Уместно вспомнить и в данном случае Р. ф. Иеринга, который утверждал, что «количественное богатство правовых положений есть признак слабости». Оно свидетельствует о бессилии «извлечь из множества правовых положений логическую квинтэссенцию и принять ее в плоть и кровь»².

Трансформация правовых положений в определенную систему по своей сути не является результатом произвольного субъективного усмотрения и не предполагает научной переработки действующих норм и правил. Она осуществляется в границах существующего нормативного материала и позволяет понять истинную природу права через приведенные к своей логической форме юридические понятия и сформированные правовые институты. Тем самым осуществляется переход права из низшего состояния, как совокупности правовых норм, в более высокое, то есть совокупность юридических понятий, категорий и правовых конструкций.

Советский и российский ученый-правовед профессор С. С. Алексеев рассматривает право, как структурно сложную динамическую систему, которая в известной степени «саморегулирующая» и «самонастраивающаяся». Изменение и развитие этой системы, адаптация к новым условиям происходят не только в результате правотворчества. По его мнению, «в самом праве выработаны такие «внутренние механизмы», которые в ряде случаев дают возможность преодолеть просчеты законодателя, обеспечить действие юридических норм в соответствии с требованиями развивающихся общественных отношений». В право как бы закладывается программа на случай возникновения возможных пробелов, предусматривают приемы их преодоления в процессе применения права. И этот порядок должен исключать возможность превращения правоприменительных органов в правотворческие органы. Суд

¹ Иеринг Р. ф. Указ. соч. С. 58.

² Там же. С. 59.

или иной правоприменительный орган не создают новую норму права, поскольку принимаемое решение должно полностью соответствовать воле законодателя, выраженной в действующем праве¹.

В настоящее время приобретает особую актуальность вопрос о решении проблем выявления и закрепления логически закрепленных норм гражданского права. Логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы могут быть обнаружены в процессе толкования посредством применения логического способа толкования.

Логический способ толкования гражданско-правовых актов предполагает использование правил формальной логики, что позволяет уяснить смысл нормы права путем установления логических связей и соотнесения ее частей (гипотезы, диспозиции), порождающих и наполняющих содержанием регулятивные правоотношения. При данном способе толкования анализируют не значения отдельных слов, а понятия, которые они отражают. Норма права толкуется исходя из ее содержания. Целью логического толкования является придание абстрактно сформулированной норме конкретного смысла. Отдельная норма права – это лишь звено в общей цепи законодательства, соединенное с другими нормами логическими связями. Именно будучи частью целого, нормы производят определенный правовой эффект.

Логические связи между нормами могут быть различными: одна норма может развивать и дополнять другую, распространять или ограничивать ее действие, подтверждать ее или противоречить ей. Кроме того, элементы нормы права (гипотеза, диспозиция), определяющие содержание регулятивного правоотношения, могут находиться в разных частях гражданско-правового акта и даже в разных гражданско-правовых актах.

Стремительное развитие общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования нормами гражданского права, объективно делает неизбежным отставание законотворческого процесса, возникновение пробелов в праве,

¹ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 645–646.

что требует оперативного разрешения на основе норм действующего гражданского законодательства.

Для этого требуется разработать научно обоснованную методологию (методы) выявления логических норм, закрепленных в текстах нормативных актов. Не менее важной задачей, требующей внимания, является решение проблем соотношения и взаимных связей между выявленными логическими нормами, а также между логическими нормами и нормами, прямо закрепленными в тексте гражданско-правовых нормативных актов. Это позволит придать законность и обоснованность в том числе такой правовой категории, как «судебное усмотрение» при разрешении споров в суде.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Проблемы теории права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 779 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1534 с.
3. Васьяковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 598 с.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
5. Иеринг Р. ф. Дух римского права // Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.
6. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта +, 2000. 560 с.
7. Комиссарова Е. Г. Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. 2013. № 4 (22). С. 310–314.
8. Комиссарова Е. Г. Об основах методологической культуры в цивилистике // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 246–252.
9. Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 254–269.
10. Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии. Статья вторая. Принцип системности в методологии диалектического и

исторического материализма // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 45–58.

11. Лукич Р. Методология права / пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. М.: Прогресс, 1981. 304 с.

12. Общая теория права: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ имени Н. Э. Баумана, 1997. 384 с.

13. Ротань В. Г. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова; отв. ред. В. Г. Ротань. Симферополь, 2019. 792 с.

14. Ротань В. Г. О перспективах разработки, изучения и внедрения в судебную практику учения о толковании актов законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 203–210.

15. Ротань В. Г. Основные современные проблемы правотолкования и правоприменения // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Алушта, 12–14 октября 2017 г.) / ред. О. Е. Сонин. Симферополь: Ариал, 2017. С. 86–92.

16. Ротань В. Г. Переход от интуитивного к рациональному толкованию актов гражданского законодательства как основное условие совершенствования правоприменения // Актуальные проблемы развития гражданского права и процесса на современном этапе: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 12 февраля 2015 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 39–45.

17. Ротань В. Г. Способы закрепления норм гражданского права в актах законодательства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 141–148.

18. Ротань В. Г. Цель и содержание учебной дисциплины «Гражданское право» // Власть Закона. 2023. № 4. С. 63–81.

19. Семякин М. Н. Методология цивилистического правоповедения: проблемы, поиски, решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 424 с.

**УДК 34.01;
34.06; 347
ББК 67.0;
67.404**

В. Г. Ротань

профессор кафедры
гражданского права и процесса
Юридического института
Севастопольского
государственного
университета,
профессор кафедры
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Краснодар
rotanvg1942@mail.ru

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой
гражданского права
Кубанского государственного
аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
директор Научно-
исследовательского института
актуальных проблем
современного права,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ Н. Г. АЛЕКСАНДРОВА
НА ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ПРАВООТНОШЕНИИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТОГО ВЛИЯНИЯ С. В. ТРЕТЬЯКОВЫМ**

**THE INFLUENCE OF N. G. ALEXANDROV'S IDEAS ON THE
CIVILISTIC CONCEPT OF LEGAL RELATIONSHIPS AND THE
INTERPRETATION OF THIS INFLUENCE BY S. V. TRETYAKOV**

Предметом исследования являются научные идеи Н. Г. Александрова как фактор, оказавший влияние на цивилистическое учение о правоотношении и сохраняющий потенциал такого влияния к настоящему времени. Цель исследования заключается в дополнительной аргументации научных положений С. В. Третьякова о влиянии идей Н. Г. Александрова на цивилистическое учение о правоотношении. Результаты исследования отражены в выводах авторов о том, что в науке гражданского права потенциал влияния идей Н. Г. Александрова на развитие цивилистического учения о правоотношении надлежаще не оценен. С этой точки зрения выбор С. В. Третьяковым среди теоретиков права, оказавших влияние на развитие цивилистического учения о

правоотношении, Н. Г. Александра представляется в высшей мере удачным и обоснованным. Вместе с тем С. В. Третьяков интерпретировал влияние Н. Г. Александра на цивилистическое учение о правоотношении как состоявшееся и исчерпавшее свой потенциал. К тому же идеи Н. Г. Александра оценены С. В. Третьяковым таким образом, что их роль сведена к развитию научной дискуссии, в которой идеи Н. Г. Александра, хотя и не были поддержаны, но способствовали выработке современного понимания гражданского правоотношения. Авторы полагают, что идеи Н. Г. Александра в их не воспринятой наукой гражданского права части сохраняют творческий потенциал. Речь идет и о необходимости восприятия и развития принципа целостности права на объективном уровне его бытия, и идее о правоотношении как универсальной и единой форме бытия права на субъективном уровне, и о менее жестком подходе к признанию корреляции между возможным (правом) и должным (обязанностью), и о структуре сложных правоотношений, которую образуют правоотношения в элементарном виде.

Ключевые слова: научные идеи Н. Г. Александра, учение о правоотношении, нормы права, целостность права на нормативном уровне, универсальное значение правоотношения, единство нормы права и правоотношения, сложные правоотношения, элементарные правоотношения, трехсторонняя характеристика правоотношения.

The subject of the study is the scientific ideas of N. G. Aleksandrov as a factor that influenced the civilistic doctrine of legal relation and retains the potential of such influence to date. The purpose of the study is to provide additional argumentation of S. V. Tretyakov's scientific provisions on the influence of N. G. Aleksandrov's ideas on the civilistic doctrine of legal relation. The results of the study are reflected in the authors' conclusions that in the science of civil law the potential of the influence of N. G. Aleksandrov's ideas on the development of the civilistic doctrine of legal relation has not been properly assessed. From this point of view, S. V. Tretyakov's choice of N. G. Aleksandrov among the legal theorists who influenced the development of the civilistic doctrine of legal relation seems to be highly successful and justified. At the same time, S. V. Tretyakov interpreted the influence of N. G. Aleksandrov on the civilistic doctrine of legal relation as established and exhausted its potential. In addition, the ideas of N. G. Aleksandrov are evaluated by S. V. Tretyakov in such a way. V. Tretyakov in such a way that their role is reduced to the development of scientific discussion, in which the ideas of N. G. Aleksandrov, although not supported, but contributed to the development of a modern understanding of the civil legal relation. The authors believe that the ideas of N. G. Aleksandrov in their part not perceived by the science of civil law retain creative potential. We are talking about the need to perceive and develop the principle of the integrity of law at the objective level of its being, and the idea of the legal relation as a universal and unified form of being of law at the subjective

level, and about a less rigid approach to recognising the correlation between the possible (right) and the proper (duty), and about the structure of complex legal relations, which is formed by legal relations in elementary form.

Keywords: scientific ideas of N.G. Aleksandrov, the doctrine of legal relation, norms of law, the integrity of law at the normative level, the universal meaning of legal relation, the unity of the norm of law and legal relation, complex legal relations, elementary legal relations, tripartite characteristic of legal relation.

Существует целый ряд обстоятельств, актуализирующих проблему цивилистического учения о правоотношении. Среди них – и необходимость выхода на новый более высокий научный уровень цивилистического правотворчества, и актуальные потребности совершенствования правоприменения, и собственные потребности науки гражданского права, и вызовы времени, связанные с подготовкой новых поколений специалистов в области гражданского права. Если согласиться с этой констатацией, то обращение к проблеме развития цивилистического учения о правоотношении в зарубежной и отечественной науке гражданского права должно быть признано первым шагом на пути к достижению указанных выше юридических, научных и образовательных проблем.

Этот шаг и сделал С. В. Третьяков своими исследованиями развития в зарубежной и отечественной цивилистике учения о субъективном праве, которое непосредственно связано с учением о правоотношении. Однако осуществление столь масштабного проекта, какой задуман, частично осуществлен и продолжает осуществляться С. В. Третьяковым, как нам представляется, требует научной дискуссии, привлечения к ней дополнительных научных сил. Полагаем, наш опыт научной деятельности поможет придать дискуссии о рассматриваемой проблеме более конструктивный характер, осветить новые аспекты проблемы. Это дает основание полагать, что настоящая статья сегодня актуальна.

Цель настоящего исследования – попытка осмыслить влияние научного потенциала идей Н. Г. Александра на развитие цивилистического учения о правоотношении, как то влияние, которое уже осуществлено, так и то влияние, которое было нужным, но не осуществилось и не проявилось ни в цивилистической практике, ни в науке гражданского права. Мы

пришли к выводу о том, что указанное влияние было бы полезным осмыслить с учетом реконструкции идей Н. Г. Александрова, которую осуществил в течение последних нескольких лет С. В. Третьяков.

Н. Г. Александров не был специалистом в области гражданского права. При этом он стал самым прозорливым теоретиком права среди советских ученых, видел дальше других, в том числе не только в теории права. Видел общие теоретические проблемы также в отраслевых юридических науках, в том числе и такие, которых не замечали ученые, специализировавшиеся в отдельных отраслях юридической науки. Поэтому выбор С. В. Третьяковым среди ученых Н. Г. Александрова как теоретика права, идеи которого оказали влияние на развитие цивилистического учения о правоотношении, является в высшей степени удачным.

С. В. Третьяков пришел к выводу о том, что «в российской доктрине именно Александрова, по всей вероятности, можно считать родоначальником тезиса об универсальном значении правоотношения как формы существования и реализации права»¹. Такая трактовка сформулированных Н. Г. Александровым научных положений представляется вполне корректной и соответствует многочисленным высказываниям Н. Г. Александрова.

Обратим внимание прежде всего на этот универсалистский подход, имея в виду, что он должен быть распространен не только на отношения норм права и правоотношений, но и на нормативную основу правового регулирования. Н. Г. Александров, в духе своего времени и вполне подчиняясь идеологическому контролю, отвергает юридический догматизм и нормативизм, но, следуя марксистскому пониманию права как возведенной в закон воли господствующего класса, признает, что «право есть нормы или совокупности норм»². Мы делаем из этого

¹ Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 209.

² Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 4.

вывод о том, что, поскольку приведенное общее положение не указывает на иное, правовые нормы исчерпывают все юридическое содержание права. За пределами этого содержания не остается ничего.

С. С. Алексеев, вполне согласуя свое мнение с позицией Н. Г. Александрова, писал: «Непосредственное содержание права (т.е. его субстанция, “вещество”, из которого оно состоит) складывается из норм – правил поведения общего характера»¹. Но уже С. С. Алексеев ставит под сомнение целостность содержания права как норм, делает уступку в пользу фрагментации этого содержания. Слов нет. Анализ (разделение, расщепление) необходим, но не до, а после того, как будет признанным следующее утверждение: право, как регулятор общественных отношений – это исключительно нормы. С. С. Алексеев ставит под сомнение целостность права как норм, выделяет «специализированные предписания», которые он характеризует как имеющие «дополнительный характер» и не являющиеся «нормативной основой для возникновения правоотношений»². Таковыми С. С. Алексеев называет общие (правозакрепительные), дефинитивные, декларативные (нормы-принципы), оперативные и коллизионные «предписания»³. В рамках настоящей статьи не представляется возможным сделать критический разбор этих научных положений ведущего советского и постсоветского теоретика права. Но свой вывод о глубокой дискуссионности приведенных утверждений С. С. Алексеева обоснуем ссылкой на Р. ф. Иеринга, который из дефиниции залога логически вывел четыре правовые нормы⁴. Выходит, что дефиниции все-таки содержат в себе нормы.

Существуют правовые нормы и в общих (правозакрепительных) предписаниях и принципах, а коллизионные нормы являются полноценными правовыми нормами, если только задуматься над предметом их

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. С. 94.

² Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. С. 71.

³ Там же.

⁴ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 57.

непосредственного регулирования и опосредованного воздействия. Но это материал для другого исследования, исследования регулятивного значения рассматриваемых нормативных положений.

Давний процесс разрушения единства нормативной основы механизма правового регулирования последовательно развивался, и уже в наши дни сделан обобщающий вывод о том, что «право, как нормативный регулятор не сводится к нормам или их системе. Юридическая норма есть одно из его проявлений, один из носителей важнейшего свойства права»¹. Другими проявлениями В. М. Шафиров называет «нормативные обобщения», декларации, определения принципы.

Можно было бы смириться с такими утверждениями, если бы они носили локальный характер. Но они масштабны и дополняются другими подобными явлениями научного и практического характера. В частности, к «другим явлениям» можно отнести упорное нежелание науки признать учение Е. В. Васьковского в аспекте логически закрепленных в нормах права норм², при том что научные заслуги этого российского цивилиста стали общепризнанными. В сфере правотворчества таким «другим явлением» стало юридическое признание соответствующих судебных актов источниками права, в частности гражданского (а вообще – материального) права не в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) и других кодексах в контексте определения источников соответствующих отраслей права, а в процессуальных кодексах в контексте содержания судебных решений и оснований пересмотра судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. И это признание осуществлено правовыми нормами, закрепленными не текстуально, а логически, то есть нормами, которые вроде бы и существуют, их существование вроде бы и не отрицают, но которые признают не вполне, не исследуют. Слова, посредством которых формулируют выводы, при помощи которых обнаружены соответствующие нормы, подчас признают

¹ Шафиров В. М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правопонимание // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 96.

² Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 291, 302–321.

такими, которые в профессиональной среде произносить не вполне прилично.

Вернемся к идее правоотношений как универсального и единственного средства осуществления права. Н. Г. Александров утверждал: «... Правовые нормы реализуются в общественной жизни либо в конкретных правовых отношениях между гражданами, объединениями граждан и органами государства, либо в воздержании от действий, запрещенных правом. Нужно при этом учитывать, что воздержание от действий, запрещенных правом, является выполнением обязанности по эвентуальному правоотношению. С учетом наличия эвентуальных правоотношений можно сказать вообще, что все нормы права реализуются через правоотношения»¹.

В более ранней своей работе Н. Г. Александров писал: «Юридическая норма ... всегда представляет собой именно идеальное выражение правоотношения в его типических отвлеченных чертах, безотносительно к тому или иному конкретному субъекту... понятие действующей юридической нормы... предполагает, что при фактическом наличии обстоятельств, предусмотренных гипотезой юридической нормы, возникает конкретное правоотношение, соответствующее абстрактному типическому правоотношению, установленному либо диспозицией юридической нормы, либо ее санкцией»².

С. В. Третьяков, однако, констатирует, что трактовка механизма действий права как исключительно проблемы правоотношений вызвала дискуссию. Ученый пишет: «Впоследствии в концепции механизма правового регулирования правоотношение перестало рассматриваться как исключительное и универсальное средство воздействия права на общественные отношения. Этот результат стал, среди прочего, результатом анализа концепции об универсальном характере правоотношения»³. Полагаем, потенциал концепции

¹ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 92.

² Там же. С. 9–10.

³ Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 211.

универсального характера правоотношения как средства реализации правовых норм еще проявится, он ждет признания и понимания. В этой концепции заложен огромный потенциал, регулятивный потенциал права, ждущий своего осмысления. Суть проблемы заключается в том, что право – регулятор общественных отношений. И на уровне объективного права это явление должно обладать юридической полнотой. Условно будем считать это утверждение правильным, хотя вместе с тем прослеживаются проблемы, связанные с отсутствием признания не только логически закрепленных правовых норм, о чем речь шла ранее в статье, но в некоторых случаях даже и норм, которые закреплены текстуально. Так, В. А. Белов определение правового режима земельных участков в качестве земельных участков общего пользования квалифицирует как разновидность рефлексивных правовых форм¹, хотя в данном случае речь идет о банальном текстуальном непрямом закреплении правовых норм.

По мнению Ю. К. Толстого, «определение правового режима материальных и духовных благ есть не что иное как регламентация поведения людей по поводу этих благ»². Но все-таки в пределах признаваемого (того, что принимается) наукой определенную целостность явления на уровне объективного права замечают. Значит, на этом уровне нужно стремиться выявить все правовые нормы, а затем, на уровне субъектов, при котором объективное право приобретает черты субъективного, также следует искать все право, существующее на этом уровне. Но – нет. Нам говорят, что правоотношения – это только часть бытия права на данном уровне. Концепция Н. Г. Александрова нацеливает нас на поиски всего спектра бытия права на субъективном уровне, признает, что формой такого бытия являются правоотношения. Однако «методом большинства» научную проблему решили: правоотношения – это только часть бытия права на субъективном уровне. Вторая часть – и есть вторая, второстепенная. Все-таки правоотношения в науке

¹ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 326.

² Толстой Ю. К. Избранные труды о собственности и правоотношениях: сб. в честь 90-летнего юбилея Ю. К. Толстого / сост. А. А. Иванов. М.: Закон, 2017. С. 170.

исследуют, а правовые явления, которые существуют на субъективном уровне и которым отказано находиться в храме, обозначаемом категорией правоотношения, – не исследуют.

В свое время Л. С. Явич утверждал: «Вне правоотношений имеется, конечно, связь между правами и обязанностями, но эта правовая связь не тождественна правовому отношению. По всей видимости, в правовой сфере деятельности нормы столкнулись с известной разницей между общественной связью и общественным отношением...»¹. Идеи Л. С. Явича развил Ю. И. Гревцов. Но только он убедительно и не доказал, почему, например, при юридическом закреплении классовой структуры общества правоотношения не возникают, а общественная связь возникает². Впрочем, понятно: нет конкретного субъекта. Но существует общественная значимость проблемы, чтобы исследовать ее, хотя наличия общественной значимости проблемы еще недостаточно. В советское время обращение к исследованию такой проблемы, по существу своему конституционной, подлежало жесткому идеологическому контролю. Это вполне осознал Л. С. Явич: «Сторонники существования общих правоотношений вынуждены признать их наличие не только между гражданами как носителями всеобщих прав и обязанностей, но также между гражданами и государством. Но тогда остается предположить, что государство в целом является непосредственно субъектом всех так называемых общих правоотношений внутри страны. Это давно известная и опровергнутая концепция трехстороннего правоотношения, сводящая правоохранительную деятельность государства к юридической обязанности и недвусмысленно ставящая закон над высшей государственной властью»³.

Однако и после того, как Л. С. Явич предал гласности свои верноподданнические мысли, до периода, когда идеологический контроль стал ослабевать, С. С. Алексеев продолжал обосновывать идею общих правоотношений: «Общие правоотношения

¹ Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 206.

² Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. С. 54.

³ Явич Л. С. Указ. соч. С. 209.

направлены на закрепление существующих общественных порядков, они вместе с юридическими нормами, на их базе образуют ту основу и разнообразные конкретные правоотношения, опосредствующие динамику общественной жизни»¹. Глубокая и вполне разумная мысль принадлежит авторитетнейшему ученому, классику советской теории права. Возможно, правовая конструкция общих правоотношений и не очень близка к цивилистической материи. Возможно, эта конструкция ближе к проблемам конституционного регулирования отношений, определенных в ст. 2 ГК РФ как предмет гражданского законодательства. К тому же в литературе вполне обоснованно высказано мнение о том, что среди источников гражданского права главенствующую роль играет Конституция РФ².

А значит, и проблематика общих правоотношений приближается к теоретическим и практическим проблемам гражданского права. Соответствующие конституционные принципы и определения вполне сводимы к конкретным нормам и правоотношениям. Нужно лишь проявить больше упорства в поисках регулятивного значения принципов (основных начал) гражданского законодательства. Попытку поставить эту проблему и наметить пути ее решения предпринял один из авторов настоящей статьи³. Но не появились доказательства того, что соответствующую статью кто-либо еще читал, кроме автора, тем более – внимательно.

Единство права как социального регулятора не стоило бы разрушать ни на уровне объективного права, ни на уровне правоотношений, ни на уровне, на котором право действует уже не как регулятор и на котором, если и возможно признание

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. С. 103.

² Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. С. 59; Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 25.

³ Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 222.

действия права, то при условии, что это действие будет обозначено как рефлексивное.

Сложная структура общественных отношений обуславливает особенности их правового закрепления и вообще регулирования. Это породило некоторые противоречия в сформированных Н. Г. Александровым научных положениях. Так, он пишет, что внешним отличительным признаком правоотношений является, в частности, субъективное право, а субъективное право принадлежит «тому или иному субъекту – отдельному физическому лицу, учреждению или организации»¹. Если все правоотношения индивидуализировать, сводить к отношениям между отдельными лицами, то трудно найти место общим правоотношениям, которые Н. Г. Александров все-таки в какой-то мере признавал. В частности, при перечислении видов социалистических правовых отношений, юридически оформляющих и закрепляющих социалистические производственные отношения, Н. Г. Александров в первую очередь указал «правоотношения, закрепляющие государственную социалистическую собственность на основные средства производства, являющиеся всенародным достоянием»², в содержании которых трудно обнаружить субъективное право, принадлежащее «отдельному физическому лицу, учреждению, организации»³. Между тем признание Н. Г. Александровым таких правоотношений, да еще и в первую очередь, должно было бы натолкнуть науку на разработку проблемы структурирования общественных отношений, выделения видов общественных отношений, складывающихся на разных уровнях их структурирования, их исследования и выявления способов их непосредственного юридического закрепления и опосредованного воздействия права на них. Однако в науке на эти сформулированные Н. Г. Александровым научные положения, к сожалению, пока не обращено должного внимания.

Правда, и Н. Г. Александров не был последовательным в признании только индивидуализированных правовых

¹ Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 44.

² Там же. С. 51.

³ Там же.

отношений. Он писал: «От статей закона, содержащих юридические нормы в собственном смысле (то есть правила поведения, установленные и охраняемые властью), следует отличать статьи закона, которые закрепляют и юридически оформляют самые устои советского общественного строя. Такие статьи (как, например, ст. 1 Конституции СССР) определяют сущность и характер всех других статей закона, содержащих юридические нормы, служат политико-правовой основой для всей системы советского социалистического права, определяют основные принципы иной системы»¹. Иными словами, «юридические нормы в собственном смысле» не исчерпывают всего содержания права, которое есть не только «нормы или совокупность норм»², но и еще явления, с помощью которых закреплены и юридически оформлены устои общественного строя.

Познанию правовых явлений в большей мере способствовало бы полное признание единства нормативной основы механизма правового регулирования как совокупности или системы правовых норм, признание такого же единства бытия права на субъективном уровне, непосредственной связи права, существующего на субъективном уровне, с объективным правом. Далее, когда правоотношения прекратились, когда правовое регулирование осуществлено, урегулированные общественные отношения утрачивают правовую форму. Это не исключает наступления отдаленных последствий действия права. Не исключены и исследования этих последствий. Такие исследования начаты в советской науке как исследования эффективности правового регулирования, но они сошли на нет еще при жизни ученых, казалось бы, с энтузиазмом взявшихся за исследования эффективности действия права. Однако это уже рефлексивное действие права, и некорректно было бы говорить о правовых формах, которые на данном этапе общественные

¹ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 91.

² Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 4.

отношения уже сбрасывают. Такого рода последствия тоже требуют исследования во всей своей целостности.

Далее общественные отношения, которые однажды уже были урегулированы, в которых объективно наступили отдаленные последствия, подвергаются новым циклам правового регулирования. Это и есть процесс функционирования правопорядка, нуждающегося в исследовании на всех указанных уровнях и во всей своей полноте. Иначе это можно было бы назвать воспроизводством действующего права в общественных отношениях. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что сведение значения идеи Н. Г. Александрова о правоотношении как универсального и единственного средства реализации (осуществления) права к тому, что в дискуссии вокруг этой идеи родилась и аргументирована противоположная идея, было бы не вполне обоснованным. Указанная идея Н. Г. Александрова жива. Она конструктивна, поэтому ждет признания и развития. Она способна повлиять на развитие цивилистического учения о правоотношениях. Но пока научная среда не готова к тому, чтобы поддаться такому влиянию.

Н. Г. Александров поставил проблему сложных правоотношений, которые в целях изучения целесообразно разлагать на элементы: правоотношения в элементарном виде¹ или элементарные правоотношения². На это сформулированное Н. Г. Александровым научное положение С. В. Третьяков внимания не обратил, возможно, потому, что на него (на это научное положение) другие ученые-цивилисты также не обратили внимания. Из этого следует вывод о том, что указанное положение, к сожалению, не оказало влияния на развитие цивилистического учения о правоотношениях. Тем не менее потенциал в этом научном положении заложен огромный. И, если до сих пор данное положение в науке гражданского права не воспринято, то это не означает, что оно не способно и в дальнейшем повлиять на развитие цивилистического учения о правоотношениях. Оно способно и должно повлиять в будущем.

¹ Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 20–21.

² Там же. С. 18.

Начало размышлениям о разложении правоотношений на элементы положено М. М. Агарковым. Для характеристики сложного правоотношения, возникающего на основании договора или иного соответствующего юридического факта, М. М. Агарков использовал понятие обязательственного правоотношения¹, а затем в структуре такого отношения выделил основные обязательства, непосредственно регулирующие соответствующий вид гражданского оборота. На основе двустороннего договора возникают два взаимно обуславливающие друг друга обязательства, которые «составляют единое сложное обязательственное отношение»². Казалось бы, что против этого нельзя возразить, а приведенная мысль М. М. Агаркова должна быть воспринята как одна из аксиом, составляющих основу цивилистического учения об обязательствах. Но нет. «Категория сложного обязательства не только антинаучна, но и бесполезна практически»³, а «концепция сложных правоотношений как способ оправдания псевдонаучных изысканий подлежит самому беспощадному искоренению из правоведения»⁴. Вот такой «наш ответ Чемберлену».

Между тем М. М. Агарков выделял в структуре сложного обязательственного отношения также вспомогательные и дополнительные обязательства. Он рассматривал эти два термина (вспомогательные обязательства; дополнительные обязательства) как взаимозаменяемые.

Позиции классика российской цивилистики следует и законодатель, который в ст. 747 ГК РФ приводит длинный перечень «дополнительных обязанностей» заказчика. Хотя по содержанию этих обязанностей они должны были быть названы вспомогательными. В связи с этим законодателю было бы уместнее использовать термин «вспомогательные обязательства, возникающие на основании договора строительного подряда».

¹ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 266.

² Там же.

³ Белов В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. С. 36.

⁴ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 424.

Вместе с тем М. М. Агарков четко различал «обязательства, обеспечивающие достижение цели основного обязательства»¹ (вспомогательные обязательства), и «обязательства, обеспечивающие кредитору некоторый плюс по сравнению с результатом, который обеспечен ему основным требованием»² (дополнительные обязательства). К последним М. М. Агарков относит обязательства по уплате процентов³, что является не вполне точным: проценты, как по действующему законодательству, так и по законодательству, действовавшему в период научного творчества М. М. Агаркова, бывают и были двух видов. Одни – это проценты, которые уплачивают в регулятивных правоотношениях (ст. 317.1 действующего ГК РФ), другие – проценты как ответственность (ст. 395 действующего ГК РФ). Проценты, предусмотренные ст. 317.1 ГК РФ, уплачивают в рамках основного обязательства. Если кредитором в этом обязательстве является банк, то для него проценты – основной источник доходов. Уже с учетом этого неправильным было бы назвать обязательства, в форме которых уплачивают такие проценты, вспомогательными или дополнительными. Данный вопрос имеет непосредственное практическое значение, например, для применения ст. 207 ГК РФ, в соответствии с которой с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности по дополнительным требованиям. Среди примеров дополнительных требований в этой статье указаны и проценты. Законодатель указал проценты, но он указал и дополнительные требования. Поэтому рассматриваемое законодательное положение нужно толковать так, что речь идет в нем не о любых процентах, а о таких, субъективное право на получение которых существует в дополнительных обязательствах.

Выделение основных (главных), вспомогательных и дополнительных обязательств имеет существенное теоретическое и юридическое значение. В частности, без этого выделения нельзя правильно истолковать ст. 4 ГК РФ, которая предполагает

¹ Агарков М. М. Указ. соч. С. 267.

² Там же. С. 268.

³ Там же.

деление регулируемых отношений на возникшие до и после введения в действие нового акта гражданского законодательства и вместе с тем допускает возникновение прав и обязанностей после возникновения регулируемых отношений. Вопрос о том, когда отношения, правоотношения (обязательства), права и обязанности возникают в один и тот же момент, а когда – в разные моменты, может быть решен при условии, если будет понимание того, что основные и вспомогательные обязательства возникают одновременно, то есть в момент заключения договора (ст. 432, 433 ГК РФ), с которым совпадают моменты, когда он вступает в силу, и момент, когда он становится обязательством для сторон (ст. 425 ГК РФ), если речь не идет о случаях, на которые распространяется ст. 157 ГК РФ. В этот же момент возникают права и обязанности, составляющие содержание соответствующих обязательств. Но изложенное является верным только в отношении основных и вспомогательных обязательств.

Дополнительные обязательства не могут возникать в момент заключения договора. Они возникают в случаях, если в согласованной сторонами договора программе взаимодействия появляются сбои, при допущении нарушений основных и вспомогательных обязательств. В таких случаях возникают дополнительные обязательства, а также права и обязанности, составляющие содержание этих обязательств. Дополнительными обязательствами являются акцессорные (обеспечительные) обязательства (вопрос о дополнительных залоговых правоотношениях должен быть рассмотрен отдельно, поскольку залог представляет собой комплекс абсолютных и относительных правоотношений); обязательства, являющиеся правовой формой ответственности за нарушение основных и вспомогательных обязательств; гарантийные обязательства, возникающие при выявлении ненадлежащего качества товаров и результатов работ, принятых изначально как соответствующих условиям договора и нормативно-техническим требованиям; правоотношения, в форме которых производится расторжение договора вследствие его нарушения или при наступлении иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором.

Выделение вспомогательных и дополнительных обязательств становится особенно важным в образовательных целях. Отдельные виды обязательств – это, пожалуй, самая трудная часть курса гражданского права. Поэтому целесообразно содержание всех отдельных видов обязательств, выделяемых по

виду опосредуемого ими гражданского оборота, рассматривать по одной схеме: сначала – основные обязательства, затем – вспомогательные, далее – дополнительные и, наконец, – правоотношения, содержание которых составляют секундарные права или обязанности, которым не корреспондируют субъективные права. Такой должна быть квалификация изучаемого материала и такой должна быть последовательность его изучения. Но авторы учебников по гражданскому праву предпочитают следовать сюжету, построенному по хронологическому критерию. Строить объект при отсутствии строительных материалов нельзя. Сначала нужно обеспечить доставку строительных материалов. Поэтому О. С. Иоффе, обратив внимание на необходимость группировки многочисленных прав и обязанностей сторон договора подряда на капитальное строительство, начинает изложение материала, посвященного правам и обязательствам сторон, с прав и обязанностей в аспекте материального обеспечения строительства, а продолжает – правами и обязанностями по оказанию сторонами друг другу дополнительных услуг¹.

Через двадцать лет автор, не указанный в учебнике, изданном под редакцией А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого, пришел к выводу о том, что начинать изучать содержание договора строительного подряда нужно с подготовки проектно-сметной документации². Еще почти десять лет спустя М. И. Брагинский и В. В. Витрянский приходят к выводу о том, что содержание договора строительного подряда составляют права и обязанности, которые составляют самый широкий круг, а этот круг часто выходит за рамки собственно подряда, и начинают освещение вопроса о правах и обязанностях с прав и обязанностей относительно материально-технического обеспечения строительства³. Представляется, что изложенный подход, назовем его организационным, должен быть заменен более близким к

¹ Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 452.

² Гражданское право: учебник: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1997. С. 338.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: в 5 кн. Кн. 3. Договор о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2005. С. 127.

цивилизике. Однако этому пока мешает недооценка учеными необходимости структурировать гражданские обязательства, выделить в их структуре приведенные выше обязательства и другие правоотношения.

При структурировании гражданских обязательств следует проявлять большую готовность подчиниться позиции законодателя, а также объективной реальности. Последнее означает необходимость признания всякой правовой связи правоотношением. А при наличии корреспонденции между субъективным правом и юридической обязанностью правоотношение должно быть признано обязательством. В связи с этим обратим внимание на теоретические построения В. А. Белова относительно кредиторских обязанностей.

Термин «кредиторские обязанности» появился и в ГК, и в учебной и научной литературе по причине того, что игнорируют проблему структурирования гражданских обязательств. Суть проблемы заключается в том, что термин «кредиторские обязанности» соединяет в себе несоединимые вещи. Кредитор – лицо управомоченное, у которого по определению не может быть обязанностей. Точнее, кредитор – это даже и не лицо, а функция, а если и лицо, то освобожденное от каких-либо обязанностей. Если лицо имеет хотя бы одну обязанность, которой корреспондирует субъективное право, то в данном аспекте оно выступает настоящим должником. Именно это следует из п. 1 ст. 307 ГК РФ. Но, будучи кредитором в основном обязательстве, лицо часто может быть должником в обязательстве вспомогательном. Поскольку наука вспомогательные обязательства, по обыкновению, игнорирует, да и в целях упрощения словесного выражения мысли стали говорить не об «обязанностях во вспомогательных обязательствах, которые (обязанности) несет лицо, являющееся кредитором в основном обязательстве», а о «кредиторских обязанностях».

Наиболее распространенной кредиторской обязанностью является обязанность принять предложенное должником надлежащее исполнение обязательства. Такая обязанность признана законодателем в п. 1 ст. 454, ст. 484, п. 1 ст. 556, ст. 702 ГК РФ. Это далеко не исчерпывающий перечень законодательных положений, закрепляющих обязанность кредитора принять исполнение. М. М. Агарков подробно исследовал обязанность принять исполнение и пришел к выводу о том, что данная обязанность входит в содержание «особого

вспомогательного обязательства», а ответственность за нарушение этой обязанности подчиняется общим правилам об ответственности за нарушение обязательств¹. Таким образом, позиция и законодателя, и крупнейшего советского ученого-цивилиста относительно вопроса обязанности кредитора принять исполнение ясна и определена. Но В. А. Белов с ними не согласен, в том числе и с законодателем. Он заключил, что соответствующие законодательные положения устанавливают кредиторские обязанности, которые юридическими не являются². В другом фрагменте текста В. А. Белов, вопреки закону, пишет о том, что нарушение кредиторской обязанности ответственности не влечет³.

Вывод может быть только один. Подобные рассуждения стали возможными по причине того, что и идея Н. Г. Александрова о делении сложных правоотношений на элементарные, и сформулированные М. М. Агарковым научные положения о структурировании гражданских обязательств по-прежнему остаются невоспринятыми в современной науке гражданского права. Влияние их идей на развитие цивилистического учения о правоотношении в рассмотренной части не состоялось. Значит, такое влияние должно быть осуществлено в будущем.

Н. Г. Александров писал о том, что правовые нормы устанавливают абстрактные правоотношения, которые служат предпосылкой «всякого конкретного правоотношения»⁴, что нельзя отрывать «норму от правоотношений, или, напротив, правоотношения от нормы»⁵, что содержание правовых норм имеет «двусторонний, предоставительно-обязывающий характер», хотя формулировка той или иной нормы может говорить только о

¹ Агарков М. М. Указ. соч. С. 272.

² Белов В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. С. 90.

³ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 349.

⁴ Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 17.

⁵ Там же. С. 11.

велении, о дозволении или только о запрете...»¹. Эти научные положения имеют существенное значение для понимания и правоотношения и правовой нормы. Н. Г. Александров также считал, что в случаях, если правовая норма предусматривает, например, только обязанность одной из сторон правоотношения, соответствующее правомочие другой стороны «подразумевается»². Это взятое в кавычки слово, являющееся неудачным, бытовым, недостаточно определенным, стало поводом для критики со стороны П. Е. Недбайло: «Правовая норма – это точно, определенное правило, зафиксированное в законе или ином нормативном акте, поэтому она не допускает, чтобы какая-то сторона “подразумевалась”»³.

Между тем Н. Г. Александров суть «подразумевания» раскрыл четко и доступно для понимания. Он предлагал всякое правоотношение понимать в трех аспектах: как субъективное право (поскольку оно есть право по отношению к корреспондирующей ему обязанности, то при этом уже указано и на такую обязанность)⁴, как обязанность⁵ и как неразрывную связь субъективного права и юридической обязанности⁶. С учетом единства этих трех аспектов правоотношения упомянутое «подразумевание» вытекает из сущности и субъективного права, и корреспондирующей ему обязанности, и правоотношения. Возражения П. Е. Недбайло против этого «подразумевания» должны быть оценены как возражения против сущности указанных правовых явлений, что не может быть признано приемлемым способом научного поиска и ведения дискуссии.

Признание единства субъективного права, юридической обязанности и правоотношения, дополненное идеей о единстве правовой нормы, устанавливающей абстрактное правоотношение

¹ Там же. С. 9.

² Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 90.

³ Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1959. С. 71.

⁴ Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же.

и конкретное правоотношение, позволяет нам дать надлежащую трактовку понятия правовой нормы, всегда имеющей двусторонний предоставительно-обязывающий характер. Это утверждение Н. Г. Александрова подчас оценивают критически: «Вызывает критическое отношение признак: предоставительно-обязывающий характер нормы. Точку зрения, что всякая правовая норма имеет предоставительно-обязывающий характер, разделяют не все ученые. Основная дискуссия как раз идет вокруг управомочивающих норм, поскольку они» ... прямо ничего не предписывают и не запрещают. Напротив, они устанавливают, прежде всего то, что можно, а не то, что должно»¹. В данном случае В. М. Шафиров ссылается на Н. Н. Алексеева².

Нужен ответ на вопрос о том, устанавливают ли нормы, обозначаемые как управомочивающие, предписания и запреты. Нам отвечают, что прямо не устанавливают. Однако при таком ответе необходимо разъяснение относительно того, имеет ли юридическое значение не прямое установление предписаний и запретов. Без такого разъяснения ответ превращается в уход от ответа. Между тем, согласно концепции, Н. Г. Александрова, закрепление в правовой норме субъективного права означает, что закреплена и юридическая обязанность, корреспондирующая такому праву, поскольку из сущности субъективного права вытекает мысль о том, что существует корреспондирующая ему обязанность. Это освобождает правотворческий орган от необходимости отдельного текстуального закрепления обязанности, корреспондирующей текстуально закрепленному субъективному праву. Познание субъективного права, юридической обязанности, конкретного правоотношения, абстрактного правоотношения, правовой нормы станет возможным лишь во взаимосвязи всех этих явлений и лишь при условии, что будет проявляться стремление искать юридические явления не только в букве закона, а и в его логике, в частности в сущности вещей. Абстракция – в высшей степени конструктивной прием научного исследования. Но нельзя абстрагироваться до такой степени, когда уже не замечаешь того,

¹ Шафиров В. М. Указ. соч. С. 89.

² Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. С. 507.

что законодательное закрепление субъективного права означает, что речь идет и об обязанности, и о правоотношении. Это утверждал Н. Г. Александров.

Однако понимание правовой нормы как имеющей предоставительно-обязывающий характер в советской юридической науке заменено целым комплексом понятий, среди которых норма-предписание, логическая норма, а также «общее понятие нормы, которое охватывает в различных своих ракурсах норму – предписание и логическую норму...»¹. Дополним к указанному выше термины «положение законодательства», «нормы законодательства» (последний термин получил всеобщее распространение и в законодательстве, и в научной литературе) и попытаемся найти ученого-юриста, способного переварить этот терминологический винегрет. Целесообразнее было бы вернуться к пониманию правовой нормы, разработанному Н. Г. Александровым, которому это удалось путем рассмотрения понятия правовой нормы в неразрывной связи с правоотношением.

С. В. Третьяков занялся поиском истоков понимания правовой нормы как имеющей предоставительно-обязывающий характер. В этой связи он обратился к теории признания Э. Р. Бирлинга, которая в изложении С. В. Третьякова заключается в следующем: «... Объективное право (признание) – это всегда взаимодействие (отношение) притязания одного лица и согласного с ним поведения другого лица»². С. В. Третьяков правильно утверждает, что такая теория для Н. Г. Александрова, как и для любого другого ученого советского периода, была неприемлемой идеологически, но вряд ли обоснованным можно признать его утверждение о том, что без бирлинговской «теоретической основы тезис о предоставительно-обязывающем характере нормы права и правоотношения повисают в воздухе»³.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. С. 43.

² Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 202.

³ Там же. С. 204.

Бирлинговская теория построена на идее саморегулирования. Она отрицает сущность права, которое в самом демократическом государстве, а не только в советской авторитарной системе, не может не иметь властного характера. Поэтому идея Н. Г. Александрова о представительно-обязывающем характере правовых норм не нуждалась в опоре на Э. Р. Бирлинга. Существует другой аргумент в пользу представительно-обязывающего характера правовых норм и правоотношений. Его, в частности, приводит С. В. Третьяков: право регулирует общественные отношения, а потому и правовое регулирование должно конструироваться как правоотношения. Однако он приходит к выводу о том, что это – логически дефектный аргумент, поскольку социальное взаимодействие может «регулироваться при помощи различных юридических техник, лишь одной из которых является правоотношение»¹. Но это – все то же отрицание универсализма, утверждение фрагментарности механизма правового регулирования и даже сущности права. Разделить на фрагменты механизм правового регулирования можно и на уровне его законодательной (нормативной) основы, и на уровне правоотношений, и на уровне объективных отдаленных последствий действия права. Но сложить фрагменты воедино будет трудно, особенно если это единое предстанет в виде неопределенной конструкции «различных юридических техник», особенно в условиях, если правоприменительные аспекты единства механизма правового регулирования в юридической науке разработаны недостаточно.

Создается впечатление, что картина универсальности, единства, взаимосвязи рассматриваемых явлений нарушается вторичными правами, а также обязанностями, которым не корреспондируют субъективные права. Сначала – о вторичных правах, которым не корреспондируют обязанности. Возможно, в этом случае и нет такой прямой корреспонденции, как в случае связи прав и обязанностей. Но она прослеживается. И степень тесноты этой связи такова, что законодателю нет необходимости описывать правовые последствия, наступающие для стороны

¹ Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 205–206.

правоотношения, которая противостоит лицу, уполномоченному ввиду содержания секундарного права на совершение соответствующих действий. Последствия, которые наступают на другой стороне, М. М. Агарков охарактеризовал как связанность¹, а не обязанность. Различие между связанностью и обязанностями представляется не настолько существенным, каким его обычно считают. В подтверждение этой мысли обратимся к авторитетным мнениям советских ученых. Р. О. Халфина не признавала целесообразным выделение секундарных прав из всей совокупности прав². С. Н. Братусь секундарные права признавал субъективными³. И на это обращает внимание С. В. Третьяков⁴. Очевидно, сходство субъективных и секундарных прав стало причиной изложенного А. Г. Карапетовым. По его словам, традиционно к секундарным правам относят, в частности, право на судебное расторжение договора⁵, хотя оно является субъективным, а не секундарным. Да и Н. Г. Александров признавал субъективное право «правом, принадлежащем субъекту правоотношения»⁶, то есть признавал субъективными и секундарные права.

По нашему мнению, право на судебное расторжение договора обладает всеми признаками права субъективного (в традиционном понимании). Мы указали на последствия для другой стороны, как на явление, корреспондирующее секундарному праву. Использование такого выражения оказалось для нас более удобным. Относительно юридического содержания дополним, что эти последствия существуют как потенциально способные наступить, равно и секундарное право до его реализации существует лишь как возможность.

¹ Агарков М. М. Указ. соч. С. 280.

² Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 233.

³ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 9.

⁴ Третьяков С. В. Учение С. Н. Братуся о субъективном праве – поворотный пункт в истории отечественной цивилистики // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 145.

⁵ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. С. 37.

⁶ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. С. 107.

Секундарное право носит сугубо вспомогательный характер, но может носить и самостоятельный характер. Существует оно, конечно же, в правоотношении, так что признание секундарных прав не нарушает единства нормы права, устанавливающей секундарное право, и правоотношения, содержание которого субъективное право составляет. Обычно это правоотношение входит в обязательственное отношение. М. М. Агарков считал, что секундарные права служат проявлениями правоспособности¹, понимаемой динамически². Идея динамической правоспособности представляется нам конструктивной. Но правоспособность, даже понимаемая динамически, – это социально-юридическое качество лица. Поэтому М. М. Агарков в другом фрагменте своего текста правильнее называет правоспособность предпосылкой правоотношений³, а не ее проявлением.

В состав обязательственных отношений входят и обязанности, которым корреспондируют юридические возможности другой стороны, не подпадающие под традиционное понимание субъективного права. В качестве таковой М. М. Агарков указывает, в частности, обязанность покупателя осмотреть получаемое от продавца имущество и об обнаруженных недостатках немедленно сообщить продавцу. Такие обязанности составляют содержание соответствующих правоотношений, входящих в структуру обязательственных отношений. Полагаем, что и в таких случаях нельзя отрицать наличие правоотношений и признавать их наличие только при четкой индивидуализации их сторон и жесткой корреляции между субъективным правом и юридической обязанностью.

Конечно, научное творчество Н. Г. Александрова находилось под жестким идеологическим контролем, который в какой-то мере повлиял на содержание его теоретических построений. Но это влияние не следует преувеличивать. Это можно отнести и к теоретическому учению Н. Г. Александрова о трехстороннем (с участием государства) характере правоотношения. С. В. Третьяков полагает, что данная теоретическая конструкция

¹ Агарков М. М. Указ. соч. С. 286.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 284.

«отражает в чисто рафинированном виде... простую идею обеспеченности права возможностью применения мер государственного принуждения»¹. Но, если такая возможность признана как вытекающая из простой идеи – почти аксиомы, то почему признание этой возможности как входящей в структуру правоотношения называют таким, что придает указанной простой идее «чисторафинированный вид»? Если указанная возможность признана, то ее нужно осмысливать, искать ей место и в структуре механизма правового регулирования, и в системе теоретических конструкций, а не объявлять концепцию трехстороннего правоотношения отвергнутой, как это сделал Л. С. Явич. Никто эту концепцию не опровергал, если понимать под опровержением логически последовательный и безупречный дискурс. Ее именно отвергли, поскольку никто не смог ее опровергнуть. Да ее и невозможно опровергнуть, так как она выражает сущность правового регулирования, а не обусловлена спецификой советского правового режима образца 30-х годов прошлого века.

Между тем проблема трехстороннего правоотношения, хотя и отвергнута, но жива. К ней стоит возвращаться, ее нужно осмысливать и в контексте национальной системы защиты прав, в том числе гражданских, и в контексте соответствующего международного опыта. В этом контексте роль государства, как участника указанного трехстороннего правоотношения, была и остается существенной. Именно роль государства в присуждении справедливой компенсации потерпевшей стороне (ст. 39 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Национальное же законодательство России пока вслед за наукой не готово признать государство третьей стороной в гражданских правоотношениях, допускает взыскание вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу, при осуществлении правосудия только в случаях, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Конституционному Суду РФ пришлось приложить немалые

¹ Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 204.

усилия, чтобы аргументировать свою правовую позицию, в соответствии с которой п. 2 ст. 1070 ГК РФ не противоречит ст. 46 и 53 Конституции РФ¹.

Изложенное дает основание утверждать, что идеи Н. Г. Александрова по-прежнему сохраняют актуальность, способность оказывать влияние на цивилистическое учение о правоотношении. Данное учение нуждается в дальнейшем развитии, в первую очередь на основании идей Н. Г. Александрова.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 430 с.
2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
3. Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 44–57.
4. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение: сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на Научной сессии Института 6 мая 1946 г. М.: тип. ТАСС, 1947. 27 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
6. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1981. 330 с.
7. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 635 с.
8. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. 521 с.

¹ См.: По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова: постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/?ysclid=ly0n1pi630563058481 (дата обращения: 20.04.2024).

9. Белов В. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. М.: Юрайт, 2013. 1085 с.

10. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: в 5 кн. Кн. 3. Договор о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2005. 1055 с.

11. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 368 с.

12. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.

13. Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 83 с.

14. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2019. 576 с.

15. Гражданское право: учебник: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1997. 784 с.

16. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. с.

17. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.

18. Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.

19. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.

20. Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1959. 169 с.

21. Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 222–229.

22. Толстой Ю. К. Избранные труды о собственности и правоотношениях: сб. в честь 90-летнего юбилея Ю. К. Толстого / сост. А. А. Иванов. М.: Закон, 2017. 1008 с.

23. Третьяков С. А. Влияние идей Н. Г. Александрова на цивилистическую теорию правоотношения // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 6. С. 197–241.

24. Третьяков С. В. Учение С. Н. Братуся о субъективном праве – поворотный пункт в истории отечественной цивилистики // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 2. С. 145–189.

25. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.

26. Шафиров В. М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правопонимание // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 81–101.

27. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 288

Ю. Н. Андреев

профессор кафедры гражданского права
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук,
федеральный судья Воронежского областного суда
в почетной отставке
Россия, г. Курск
andreevvrn3@yandex.ru

О ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

ABOUT PLURALISTIC TRENDS IN CIVILISATIONAL METHODOLOGY

В статье исследованы плюралистические идеи, направления, концепции и методы, связанные с цивилистическим познанием. Автор пытается познать их идеологическую, содержательную и функциональную сущность, причины их возникновения, плюсы и минусы, сформировать авторское мнение об их соотношении с диалектическим и историческим материализмом. В итоге сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования диалектической и материалистической методологии в соответствии с вызовами нового времени, с учетом дополнительных идей, концепций и направлений, но с соблюдением основных принципов научно-юридического познания и использованием полученных результатов на благо личности, общества и государства. Необходимо активнее применять системные, формально-юридические, сравнительно-правовые, социологические, исторические, психологические, математические и экономические способы, приемы и средства познания в цивилистических исследованиях, на должном уровне обучать этим методам студенческую молодежь и преподавателей юридических вузов.

Ключевые слова: диалектический и исторический материализм, постнеклассицизм, постструктурализм, синергетика, постмодерн, плюрализм, научное познание, методы научно-юридического познания, цивилистика.

The article studies pluralistic ideas, directions, concepts and methods related to civilistic cognition. The author tries to learn their ideological,

substantive and functional essence, the reasons for their emergence, pros and cons, to form the author's opinion on their correlation with dialectical and historical materialism. As a result, it is concluded that it is necessary to further improve the dialectical and materialistic methodology in accordance with the challenges of the new time, taking into account additional ideas, concepts and directions, but in compliance with the basic principles of scientific and legal cognition and the use of the results obtained for the benefit of the individual, society and the state. It is necessary to more actively apply systemic, formal-legal, comparative-legal, sociological, historical, psychological, mathematical and economic methods, techniques and means of cognition in civil studies, to teach these methods to students and teachers of law schools at the appropriate level.

Keywords: dialectical and historical materialism, postnonclassicalism, poststructuralism, synergetics, postmodernity, pluralism, scientific cognition, methods of scientific and legal cognition, civilistics.

В последние несколько лет в отечественной методологии юридических наук (как и в остальных отраслях научного познания) активизировались учения, выдаваемые себя за якобы истинные научные идеи взамен диалектико-материалистического метода научного познания. К такого рода направлениям относятся, на наш взгляд, постнеклассицизм, постструктурализм, синергетика, постмодерн, диалоговая система. Безусловно, подлинная юридическая наука (включая методологию, правоведение) не должна быть застывшей, императивной, монополистической, она призвана уважать чужие мнения, концепции и взгляды, соблюдать принципы научного познания: объективность, всесторонность, аргументированность, достоверность, обеспечение теоретической и практической значимости. Инициаторы так называемых новых направлений в юридическом познании должны убедительно, на понятном для граждан России языке, доказать научность и обоснованность своих предложений и версий, не подвергать огульному обвинению и отрицанию проверенные временем и жизнью положительные возможности диалектики, историзма и материализма в понимании общества, государства и права. Не вина основателей материалистического и диалектического подходов к познанию правовой действительности, а беда их идейных последователей в неумении творчески развивать в условиях нового времени научные положения о системности окружающего нас мира, взаимной диалектической связи элементов общественного бытия и мира права, о причинах и

условиях дальнейшего развития социально-правовых явлений, их материальной детерминации.

История человеческой мысли знает много философских, социологических, психологических, экономических и правовых идей о том, как сделать жизнь людей счастливой, а их – юридически равными и миролюбивыми. Каждое достижение (направление) человеческой мысли на том или ином этапе исторического развития социума и его членов имело и имеет определенные плюсы и минусы ввиду многих причин и условий объективного и субъективного характера, но в итоге ведет к неизбежному развитию научных идей о счастье и будущем человечества.

В отличие от материализма, субъективный идеализм (*И. Кант*) представляет собой философское учение о том, как человеческий разум создает некий мыслимый идеальный порядок, независимый от материальности окружающего мира¹. Представитель объективного идеализма Г. В. Ф. Гегель утверждал, что «почвой» права является духовное, а его «союзником» – свободная воля, мир духа. Логическая идея (абсолютный дух), состоящая из понятий и категорий, начинает развитие с низшей ступени и в результате длительной, сложной работы абсолютного духа доходит до наивысшего состояния своего развития². Идеалистический метод основан на поиске источника всяких идей и учений не в материальных условиях жизни человека, а в его сознании или подсознании человека (субъективный идеализм) либо на данных, предоставленных Богом (объективный идеализм). Вместе с тем Гегель внес глобальный вклад в становление и развитие диалектики, учения о всеобщности и взаимосвязанности научного мышления и окружающего мира, включая правовую действительность и ее познание.

По существу, на основе гегелевского подхода и материализма Л. Фейербаха классики марксизма сформировали и

¹Подробнее об этом см.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3 / отв. ред. О. А. Жидков. М.: Мысль, 1999. С. 305.

² См.: Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Стопнера. М.: АСТ, 2023. С. 67.

^[1] См. подробнее: Андреев Ю. Н. Методология юридической науки: учебник. . М.: Проспект, 2024. С. 318 – 411.

обосновали принципиальные положения о диалектическом и историческом материализме как философской основе (методологии) научно-юридического познания. Несмотря на ряд недостатков, обусловленных вызовами своего времени (приоритет классовой борьбы и насильственного принуждения, понимание права как воли господствующего класса, отмирание государства), диалектический и исторический материализм имеют большое будущее, но при условии дальнейшего высокопрофессионального развития и совершенствования. Так, в более глубоком диалектическом, материалистическом, сравнительно-правовом и системном подходах в цивилистической методологии нуждаются выяснение сущности, диалектики развития и системных связей норм позитивного гражданского права и правовых отношений, субъектов, объектов, субъективных прав и корреспондирующих юридических обязанностей этих правоотношений, познание природы и особенностей способов гражданско-правовой защиты и мер гражданско-правовой ответственности, денежной компенсации морального и репутационного вреда, специфики отдельных видов гражданско-правовых обязательств.

Относительно так называемых плюралистических идей (в переводе с лат. *pluralis* – «множественность») укажем следующее. К сожалению, в последние несколько лет в философской, социологической и юридической литературе все чаще появляются необоснованные суждения о кризисе материалистической философии и ее познавательных методов (приемов, способов), о необходимости замены на новые, якобы актуальные и эффективные методы теоретического и практического познания. Появляются опасения в подлинно научной обоснованности этих подходов, поэтому важно проанализировать идейные истоки, истинные цели, мотивы и причины их появления. Современные представители диалектического и исторического материализма не выступают против многообразия мнений, течений и направлений в философии, социально-гуманитарных, исторических и юридических науках, но не согласны с заменой подлинной науки псевдонауками, уводящими людей и все общество в сторону от истинного познания закономерностей природы, общества и человека.

По справедливому утверждению заслуженного деятеля науки Российской Федерации (РФ), почетного работника высшего профессионального образования, доктора юридических наук, профессора В. М. Баранова, доктора юридических наук,

профессора М. В. Барановой и заслуженного работника высшей школы РФ, кандидата философских наук В. Б. Першина (г. Нижний Новгород), огульная критика здравого смысла и всего того, что накопила российская наука на протяжении многих десятилетий подогревается идеологическим, информационным (вернее, дезинформационным), культурологическим и лженаучным давлением со стороны ряда недружественных России стран, искажающих суть политических, социально-экономических, правовых и нравственно-религиозных явлений, происходящих на территории нашего государства. Без научно обоснованного диалектического подхода невозможно сформировать понятия и категории юридической науки, наполнить их качественным философско-правовым содержанием. Для юриспруденции возникнут катастрофические последствия в случае изъятия из ее учения таких категорий диалектики, как причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, сущность и явление, форма и содержание, невозможно будет объяснить социально-правовые понятия и явления, источники их развития и функционирования¹.

В конце своей жизни доктор юридических наук, профессор А. Б. Венгеров (1928–1998) пришел к выводу о том, что в современной ему теории права наблюдается отказ от прежних марксистско-ленинских идей, происходит якобы демократизация и гуманизация науки, разразился методологический кризис, марксистско-ленинская методология перестала отвечать потребностям сегодняшнего дня. Поэтому, по его мнению, возникла необходимость сформировать новую, современную методологическую базу, включая синергетику, содержащую положения о самопроизвольных, самоорганизующихся, случайных процессах².

В 1998 г. известный российский ученый, академик С. С. Алексеев вдруг констатировал, что «коммунистическая

¹ См.: Баранов В. М., Першин В. Б., Баранова М. В. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании // Философия права. 2007. № 3 (23). С. 7.

² См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов. 6-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2009. С. 20–25.

марксистская классовая идеология, по многим характеристикам имеющая религиозно-догматический характер (потом к ней примкнули национал-социалистические воззрения), создала видимость действительной, подлинной научности и тем самым дала мировоззренческое обоснование социалистическому праву и социалистической законности со всеми их характеристиками, в том числе идеологии всепобедительного партийно-идеологизированного государства, возможности использования любых средств для достижения высших коммунистических идеалов»¹.

Доктор юридических наук, профессор В. В. Оксамытный (г. Москва) считает, что современный философско-идеологический плюрализм в науке позволит избежать одностороннего давления того или иного направления, концепции или учения. Монополизация материалистической диалектикой методологических основ познания привела к исключению возможностей иных подходов, обеднению приемов и способов познания сущности государства и права. Ссылаясь на свободу слова и мысли, основы Конституции РФ, российские правоведа считают возможным самостоятельно, по своему усмотрению, решать вопросы методологии научного познания вопреки диалектико-материалистическому методу².

Доктор юридических наук, профессор И. А. Честнов (г. Санкт-Петербург) утверждает, что веяния нового времени требуют многогранного подхода к праву, повышения значимости правосознания. Особенности социального мира состоят в его знаково-символическом опосредовании. Любое социальное явление обладает свойством диалогичности. Специалисты в области семиотики воспринимают диалог как разновидность коммуникативного процесса. Диалогичность права – это *ожидание* субъектом правоотношения должного поведения (действий) со стороны обязанного лица (другого участника правоотношения). Это ориентированный на поддержку «широких народных масс» «механизм формирования правовой инновации», содержащий модель возможного или должного поведения

¹ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 521.

² См.: Оксамытный В. В. Общая теория государства и права: учебник. М.: Юнити-Дана, 2011. С. 33.

субъектов права, а также механизм воспроизводства принятой правовой модели поведения, в результате чего инновация становится составной частью правовой культуры и правопорядка. Право включает в себя материально-знаковые системы нормативно-правовых актов и идеальные начала (их интерпретацию, легитимацию и осознание субъективных прав и юридических обязанностей, а также должное (нормативное содержание текста) и сущее (реализацию прав и обязанностей), субъективное (права и обязанности) и объективное (нормы права, юридический текст и правовые институты), рациональное право (логические структуры нормы) и иррациональное (эмоциональное восприятие), виртуальное и актуальное. Достижения синергетики привели к отказу от принципа причинности (следственно-причинной связи).

Относительно модерна и постмодернизма в праве профессор И. А. Честнов пишет: «Постмодернизм бросает серьезнейшие вызовы современному обществу, демонстрирует иллюзорность практически всех ожиданий “светлого будущего”, с которым связывали просвещение, модернизацию, гуманизм, прогресс, свободу, справедливость, демократию и другие универсальные общечеловеческие (якобы) ценности. Критика социокультурных оснований эпохи модерна сопровождалась развенчанием претензий научного разума на такое переустройство мира, которое обеспечит свободное развитие каждого, определяющее свободное развитие всех и полное подчинение природы потребностям человека»¹.

В ходе анализа теории уважаемого профессора И. А. Честнова создается невольное впечатление о доминировании в ней элементов идеализма, субъективизма при одновременном огуливание проверенной временем диалектико-материалистической методологии и непредоставлении весомых доказательств своей правоты. Несомненно, язык человеческого общения играет большую роль в коммуникации, мыслительном процессе, понимании друг друга и познании научной истины. Однако основанием, целью и критерием достоверности (истины) является материально-социальное бытие. Эмоционально-

¹ Честнов И. А. История и методология юридической науки: учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 106.

чувственные способности человека не могут в полной мере заменить сложный и длительный путь познания, включающий в себя эмпирический и теоретический уровни, стадии, процедуры, способы, приемы и средства научного познания. Считаем, что мир познаваем, но научные истины могут иметь относительный характер познания ввиду многих объективных и субъективных факторов научного познания на том или ином историческом этапе его развития. Представления людей об окружающем их мире, полученные знания являются не результатом их конвенционального соглашения, а итогом длительной кропотливой работы исследователей по выявлению еще не познанных тайн природы, общества и права.

Представленная профессором И. А. Честновым так называемая диалогическая методология несколько напоминает (правда, в искаженном фантазмагорическом виде) положения общей теории права о юридических отношениях, правовые связи управомоченных и обязанных лиц (субъектов правоотношений). На наш взгляд, Илья Львович смешивает понятия «диалог» и «правовые отношения» субъектов права. В философских учениях речь о диалоге идет в основном как о средстве и форме общения, познания и дальнейшем развитии человеческой личности, общества в целом. Именно в рамках диалога, научной дискуссии, публичного спора происходит высказывание собственного мнения, собственной гипотезы, ее доведение до сведения собеседника, получение от него ответной информации, имеющей большую ценность для перепроверки, уточнения первоначального мнения (представления, гипотезы, утверждения). Немецкий мыслитель Х. Г. Гадамер (1900–2002) считал, что в процессе диалога собеседники слышат друг друга, обмениваются мнениями, пополняют собственный багаж своих знаний, диалог предполагает уважение к собеседнику, понимание, осмысление предмета обсуждения¹.

Доктор философских и юридических наук, профессор В. Н. Жуков справедливо утверждает, что многообразие философских и общетеоретических правовых концепций имеет объективный

¹Подробнее об этом см.: Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г., Миронов В. В. «Я – человек диалога» (интервью с Хансом Георгом Гадамером) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. № 5. С. 3.

характер, однако следует проверять на прочность новые течения и направления, критически оценивать их эвристические возможности. Опыт XIX–XX веков показывает, что не все философские школы плодотворны и методологически значимы. Создание философии права на основе постмодернизма ущербно, как ущербна любая попытка достичь «негодную цель» «негодными средствами»¹. Постмодернизм не способен предоставить правоведению что-то содержательное, а желание приспособить постмодернизм к юриспруденции «напоминает строительство воздушных замков, создание своего рода фикции, не имеющей места ни в идеальной, ни в материальной реальности»².

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Н. А. Власенко (г. Москва, РУДН) обоснованно заявляет, что он не против поиска новых методов, но возражает против иррациональности, недостаточной аргументации в науке и отсутствия самокритичности. Новые течения в философии и праве абсолютизируют свои методологические приемы, отрицают и опощляют диалектику Аристотеля, Платона, Гегеля, Маркса и других мыслителей³.

Известный специалист в области философии права, теории и социологии права и государства, профессор Н. В. Варламова (г. Москва) констатирует, что сторонники неклассического направления не признают объективную реальность окружающего мира, а полученные знания, по их мнению, не истинны, не объективны и не универсальны. Для современной познавательной деятельности характерны отсутствие прочных основ познания, столкновение субъективных позиций, культурная раздробленность, неопределенность, плюрализм мнений и их противоречивость. В итоге неклассическая философия права демонстрирует ненаучный взгляд, утверждает иррациональный подход к окружающему миру⁴.

¹ См.: Теория и методология юридической науки: учебник для магистратуры: в 2 ч. Ч. 1. Общие вопросы теории и методологии юридической науки / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 125–126.

² Там же. С. 127–128.

³ См.: Власенко Н. А. Методологические основания и исследования правовых ценностей. М.: Норма, 2023. С. 38–46, 54–55.

⁴ См.: Варламова Н. В. Методологические проблемы современной юридической науки // Коммуникативная теория права и современные проблемы

Анализируя постклассическую теорию права, доктор юридических наук, профессор С. В. Липень (г. Москва, МГЮА), задает ряд обоснованных вопросов о том: 1) каким образом рассматривать новые методологические требования постклассической теории права; 2) как они соотносятся с философским основанием, методами и всеобщими принципами научного познания современной юриспруденции; 3) насколько эти требования сочетаются с традиционными методологическими вопросами¹.

Представляется, что синергетические идеи (от греч. *synergos* – «совместно действующий») не могут служить надежным средством для юридической науки и познания, доказательством отсутствия детерминации, системности, упорядоченности общественных явлений и отношений. Многовековая жизнь человечества, юридическая практика свидетельствуют о существовании причин, неизбежно и закономерно влекущих те или иные последствия социально-правового характера. Правовой порядок не может сосуществовать рядом с хаосом, случайностями, флуктуациями (от лат. *fluctuatio* – «колебание») и бифуркациями (метаморфозами).

Должную характеристику синергетического подхода к праву и правопознанию дали доктор юридических наук и профессора Н. А. Власенко (г. Москва)², С. И. Вележаев (г. Санкт-Петербург)³ и А. В. Зырянов (ЮУрГУ)⁴, доктор юридических наук,

юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова): коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под общ. ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алет-Пресс, 2014. С. 220–256.

¹ См.: Липень С. В. О методологических аспектах постклассической теории права в связи с методологией юридической науки // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова): коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алет-Пресс, 2014. С. 348–354.

² См.: Власенко Н. А. Указ. соч. С. 38.

³ См.: Вележаев С. И. Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. 2012. № 2. С. 261.

⁴ См.: Зырянов А. В. Синергетическая концепция государствоведения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 5–15.

профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки России Г. В. Мальцев¹, заслуженный деятель науки России, доктор юридических и исторических наук, академик А. П. Рассказов (г. Краснодар), заслуженный деятель науки России, доктор философских наук, профессор Г. И. Рузавин (г. Москва)², заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор В. М. Сырых³ и др. Активными сторонниками синергетизма в праве выступают доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Г. Г. Малинецкий (г. Москва)⁴, доктор юридических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина В. В. Трофимов⁵, доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета Е. Н. Яркова⁶, кандидат юридических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета А. А. Сабирова⁷, кандидаты юридических наук К. С. Шундииков⁸ и В. В. Шишкин⁹

¹ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 99–115.

² См.: Рузавин Г. И. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2017. С. 27.

³ См.: Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 470–473.

⁴ См.: Малинецкий Г. Г. Синергетика – от прошлого к будущему // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 12.

⁵ См.: Трофимов В. В. Рецензия на монографию: Шундииков К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с. // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 268.

⁶ См.: Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. С. 33.

⁷ См.: Сабирова А. А. Современные тенденции использования синергетического метода в исследованиях теории права // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований: материалы III Всерос. круглого стола по общетеоретическим проблемам права (Казань, 1 октября 2015 г.) / отв. ред. О. Ю. Рыбакова, Р. Ф. Степаненко. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2015. С. 109.

⁸ См.: Шундииков К. В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 117.

⁹ См.: Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 5–10.

научный сотрудник Института философии РАН С. М. Малков¹ и др.

По нашему мнению, предлагаемый для юридической методологии так называемый синергетический метод, как научный вектор в «самоорганизующихся случайностных процессах», в которых «случай толкает систему в неожиданном, непредсказуемом направлении», является, по существу, вульгаризацией в целом системы методологических приемов научного познания. Синергетические приемы не направлены на выяснение подлинных причинно-следственных связей, соотношения необходимого и случайного, а могут действовать лишь на уровне эмпирических исследований, наиболее применимы для математических и биологических наук.

Профессор Г. В. Мальцев обоснованно обратил внимание на то, что выводы сторонников синергетики в праве неубедительны и сомнительны. Люди желают жить в условиях стабильности и порядка, не быть зависимыми от хаоса и случайностей. Синергетические предложения обусловлены кризисом духовности и упадком современной цивилизации. Фактически синергетика используется антинародными силами не в подлинно научных целях, а в целях получения своих политических и финансовых дивидендов. Сторонники синергетической идеи пытаются ограничить (сузить) круг научного познания и правового регулирования за счет саморегуляции социально-правовых процессов. Многие положения синергетического направления в праве не приобрели должной степени убедительности, особенно для сферы социальной жизни. Отказ государства от активного регулирования в области экономики, призывы к саморегулируемому рынку привели в итоге к известным плачевным социально-экономическим результатам в нашей стране. Право теряет научную значимость в случае отказа от прежних методологических феноменов, проверенных юридической практикой и жизнью. Классическая юриспруденция обладает полным набором испытанных временем правовых инструментов, способных формулировать и применять

¹ См.: Философия. История и право: учебник для вузов. 2-е изд., дораб. / под ред. А. А. Гусейнова, Ю. Н. Солодухина; сост. П. П. Апрышко. М.: Мир философии, Алгоритм, 2023. С. 375.

необходимые для дальнейшего научного познания понятия и категории. Синергетика придает импульс лишь сфере бессознательного, а не сфере научно обоснованного разума, не способна решить вопросы добра и зла, поскольку относится к вненаучной форме рационального познания. Синергетика делает акцент на хаосе и разрушении старого, уничтожении традиционных культурных ценностей, псевдоноваторстве.

В последние несколько лет Россия пережила множество неудач и крушений социального и культурного характера, поэтому ее граждане обязаны очень внимательно относиться ко всем современным идеям и идеям, не давать шанс прославить себя «политическим авантюристам, бездарным реформаторам, военным маньякам, ввергнувшим общество в катастрофу, уйти от ответственности за свои дела... Социальные процессы сложны, иногда непредсказуемы, но право призвано обеспечивать наибольшую надежность ожиданий человека в области отношений с другими людьми, добиваться определенности и четкости в социально значимых отношениях, придавать общественному развитию достаточно устойчивую форму, вносить порядок, определенность, надежность, безопасность, предсказуемость и устойчивость»¹.

Основные выводы

В последние десятилетия плюралистические идеи субъективистского, иррационального и идеалистического характера, включая синергетику, не привнесли нового в теорию научно-юридического познания, не решили ни одной практической задачи в области защиты прав, свобод и законных интересов граждан России, а лишь предали забвению действующие в методологическом арсенале формально-логический, конкретно-исторический и социологический методы познания. Предлагаем ввести специальные лекции и практические учебные занятия в высших учебных юридических заведениях, посвященные особенностям цивилистического познания, познавательных методов гражданского (частного) права, их соотношения с методологией и методами философии

¹ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 99–115.

права, социологии права, общей теории права и иных отраслевых юридических наук. Необходимо организовывать в юридических вузах страны ежегодные выпуски сборников научных статей о методологических проблемах цивилистических исследований. Следует чаще проводить учебные занятия и мастер-классы с магистрантами, аспирантами, диссертантами и преподавателями юридических вузов, посвященные методологии и методам гражданского (частного) права, включая всеобщие (философские), общенаучные и специально-юридические методы научного познания (системно-структурный, системно-функциональный, формально-юридический, историко-правовой, социолого-правовой, сравнительно-правовой, психолого-правовой, экономико-правовой и математико-правовой).

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3 / отв. ред. О. А. Жидков. М.: Мысль, 1999. 829 с.
3. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г., Миронов В. В. «Я – человек диалога» (интервью с Хансом Георгом Гадамером) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. № 5. С. 3–24.
4. Баранов В. М., Першин В. Б., Баранова М. В. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании // Философия права. 2007. № 3. С. 7–12.
5. Варламова Н. В. Методологические проблемы современной юридической науки // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова): коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под общ. ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 533 с.
6. Вележаев С. И. Юридическая синергетика как методологическая основа познания правовых явлений // Вопросы экономики и права. 2012. № 2. С. 261–266.
7. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юрид. вузов. 6-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2009. 607 с.
8. Власенко Н. А. Методологические основания и исследования правовых ценностей. М.: Норма, 2023. 200 с.

9. Гегель Г. Философия права / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: АСТ, 2023. 292 с.

10. Зырянов А. В. Синергетическая концепция государствопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 43 с.

11. Липень С. В. О методологических аспектах постклассической теории права в связи с методологией юридической науки // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции (к 60-летию Андрея Васильевича Полякова): коллективная монография: в 2 т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М. В. Антонова, И. А. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 533 с.

12. Малинецкий Г. Г. Синергетика – от прошлого к будущему // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 12–24.

13. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.

14. Оксамытный В. В. Общая теория государства и права: учебник. М.: Юнити-Дана, 2011. 591 с.

15. Рузавин Г. И. Методология научного познания: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2017. 287 с.

16. Сабирова Л. А. Современные тенденции использования синергетического метода в исследованиях теории права // Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований: материалы III Всерос. круглого стола по общетеоретическим проблемам права (Казань, 1 октября 2015 г.) / отв. ред. О. Ю. Рыбакова, Р. Ф. Степаненко. Казань: Университет управления «ТИСБИ». С. 109–121.

17. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 512 с.

18. Теория и методология юридической науки: учебник для магистратуры: в 2 ч. Ч. 1. Общие вопросы теории и методологии юридической науки / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 320 с.

19. Трофимов В. В. Рецензия на монографию: Шундииков К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с. // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 265–270.

20. Философия. История и право: учебник для вузов. 2-е изд., дораб. / под ред. А. А. Гусейнова, Ю. Н. Солодухина; сост. П. П. Апрышко. М.: Мир философии, Алгоритм, 2023. 799 с.

21. Честнов И. А. История и методология юридической науки: учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 823 с.

22. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 35 с.

23. Шундигов К. В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 117–120.

24. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. 463 с.

УДК 341
ББК 67.9

Е. В. Годованик

заведующий кафедрой «Международное, морское и
таможенное право» Севастопольского государственного
университета,

доктор юридических наук, доцент

Россия, г. Севастополь

evgodovanik@mail.sevsu.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫХ
ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**THE CONSTITUTIONAL-LEGAL MECHANISM OF
IMPLEMENTATION OF FOREIGN POLICY OF MODERN STATES:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

В статье проведен сравнительно-правовой анализ конституционно-правового механизма осуществления внешней политики современных государств. Проанализированы институциональные модели реализации внешнеполитического курса России и зарубежных стран, обобщены конституционные принципы осуществления внешней политики. Показана ключевая системообразующая роль Концепции внешней политики Российской Федерации в определении направлений дальнейшего усовершенствования правового регулирования внешнеполитической деятельности. Сформулированы авторские обобщения, направленные на формулирование целостного представления о конституционно-правовом обеспечении внешнеполитической деятельности в России и зарубежных странах, выработаны практические предложения по вопросам эффективного функционирования конституционно-правового механизма осуществления внешней политики в современных условиях межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: внешняя политика государства, конституционно-правовой механизм, конституционные принципы внешней политики, суверенное государство, реализация норм права, конституционно-правовые нормы, Концепция внешней политики Российской Федерации.

The article provides a comparative legal analysis of constitutional and legal mechanism of foreign policy implementation of modern states. The institutional models of foreign policy implementation in Russia and foreign countries are analysed, constitutional principles of foreign policy implementation are summarised. The key system-forming role of the Concept

of foreign policy of the Russian Federation in determining the directions of further improvement of legal regulation of foreign policy activity is shown. The author's generalisations aimed at formulating a holistic view of the constitutional-legal support of foreign policy in Russia and foreign countries are formulated, practical proposals on the effective functioning of the constitutional-legal mechanism of foreign policy implementation in the modern conditions of interstate interaction are developed.

Keywords: foreign policy of the state, constitutional and legal mechanism, constitutional principles of foreign policy, sovereign state, implementation of legal norms, constitutional and legal norms, Concept of foreign policy of the Russian Federation.

Актуальность сравнительно-правового исследования конституционно-правового механизма осуществления внешней политики Российской Федерации (РФ) и зарубежных государств связана с несколькими ключевыми факторами, влияющими на основные тенденции, направления развития теории и практики конституционализма и отражающими его нынешнее состояние.

Прежде всего следует обратить внимание на такое важнейшее событие в развитии российского правового регулирования внешнеполитической деятельности, как принятие основополагающего стратегического документа – новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 2291. Данная Концепция определила основные направления внешней политики, формы и методы ее осуществления, концептуальные основы единой системы органов публичной власти по реализации внешнеполитической и внешнеэкономической функций, имманентно присущих современному государству.

Принятие новой Концепции произошло в сложных геополитических условиях, связанных с попытками государств так называемого коллективного Запада, прежде всего США,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?ysclid=lx5ufn6cxp506500231> (дата обращения: 29.01.2024).

навязать свои национальные интересы странам, заявляющим и реально проявляющим свой государственный суверенитет во внешних отношениях и формировании внешнеполитического курса¹. Показательным примером такой недружественной политики целого ряда западных государств стал целый комплекс антироссийских односторонних ограничительных мер, в ряде случаев обозначаемых еще как «санкции»², негативно затрагивающих различные сферы общественных отношений и подрывающих основные принципы международного права, закрепленные во многих правовых системах и непосредственно на конституционно-правовом уровне. Речь идет о суверенном равенстве, невмешательстве во внутренние дела, международном сотрудничестве, добросовестном выполнении договорных обязательств и т.д.

В этой ситуации Россия продолжает занимать взвешенную и последовательную позицию, полностью соответствующую принципам и нормам международного права, остается открытой к сотрудничеству со всеми потенциальными партнерами в решении общих задач, но исключительно исходя из принципа взаимности, уважения суверенитета друг друга, обоюдного учета национальных интересов при поиске компромиссов³. Реализация такого единственно правильного подхода в международных отношениях представляется возможной исключительно в условиях многополярного мира, который и предусмотрен принципом суверенного равенства государств, являющимся фундаментальной основой современного международного права.

Сравнивая конституционно-правовые механизмы современных государств, исходя из указанных методологических

¹ Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020. С. 219; Зорькин В. Д. Право против хаоса. М.: Норма, 2018. С. 76–77.

² Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1. С. 30; Виноградова Е. В. Международные экономические санкции. Правовой анализ // Право и управление. 2022. № 10. С. 16.

³ Тарасова А. Е., Онасенко А. А. Перспективы развития международного права в условиях односторонних и коллективных санкций государств // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 2. С. 122.

и фактических предпосылок, обратим внимание на то, что механизм реализации конституционно-правовых норм о внешней политике государства предусматривает функционирование системы государственных органов с соответствующей компетенцией, являющейся непосредственным предметом регулирования всех современных конституций.

При этом процессу формирования и осуществления внешнеполитического курса государства свойственен ряд особенностей, зависящих от определенных характеристик политической системы общества, а также определяемых спецификой глобальной системы международных отношений в ту или иную эпоху.

В современных условиях внешняя политика, безусловно, должна осуществляться на эффективной внутриполитической основе, которая построена на полноценном отражении внутриполитических приоритетов государства на внешней арене. Иными словами, внешняя политика подлинно суверенного государства выступает способом достижения национальных приоритетов и интересов, но не за счет других государств, а путем поиска с ними согласованной политической воли, что и выражает смысл принципов многополярности и суверенного равенства государств. Вместе с тем процесс разработки и реализации внешней политики детерминирован в рамках конституционно-правового механизма внешних отношений государства (с функциональной точки зрения – внешнеполитического механизма).

По распространенному определению, внешнеполитический механизм государства представляет собой совокупность определенным образом организованных и взаимодействующих государственных органов, принимающих постоянное участие в процессе разработки и осуществления тех или иных внешнеполитических решений государства¹. Однако приведенное определение представляется несколько неполным, поскольку термин «совокупность» аморфен с системной точки зрения, а формула «определенным образом организованных и

¹ Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 454.

взаимодействующих государственных органов» оставляет неопределенными вопросы как о характере этой организации и взаимодействия, так и, наконец, о том, какие именно государственные органы участвуют в данном процессе в целом, то есть их субъектном составе.

На вопросы субъектного состава конституционно-правовых отношений последовательно в своих работах обращает внимание С. А. Васильев, по мнению которого «соотношение субъектов конституционного права далеко не всегда отрегулировано законодательно»¹. Исходя из приведенного методологического подхода, с которым нельзя не согласиться, можно сделать вывод о целесообразности применения междисциплинарного подхода к исследованию конституционно-правового механизма внешней политики государства, в частности его институциональной составляющей, включая юридическое, политологическое, экономическое измерения рассматриваемой предметной сферы публично-властной деятельности.

Таким образом, конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики государства представляет собой систему конституционно-правовых отношений, законодательно регламентированных и осуществляемых разными органами государственной власти с целью реализации внешних функций государства.

Следует дополнить, что внешнеполитический механизм, будучи неотъемлемой составляющей политической системы общества, детерминирован механизмом государства, занимает промежуточную позицию между сферой внешней политики государства и системой его законодательства (конституционного и профильного). Так, наиболее важные и ответственные внешнеполитические решения на государственном уровне принимают высшие органы государственной власти. Подготовка и правовое оформление этих решений, предоставление им статуса юридически обязательных законодательных или подзаконных актов осуществляются в соответствии с принципами, формами, правилами и процедурами, предусмотренными законодательством, а также с правовыми и

¹ Васильев С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. М.: Центркаталог, 2023. С. 31.

политическими обычаями, сложившимися в повседневной практике реализации соответствующих конституционно-правовых норм.

Современная конституционно-правовая доктрина рассматривает внешнеполитический механизм прежде всего как неотъемлемую составную часть механизма государства, его правовой системы. Предметная специфика деятельности внешнеполитического механизма определяет содержательные аспекты его функционирования, методы внешнеполитической деятельности различных государственных органов, влияет на отношения его составных частей с другими элементами государственного механизма. Предметная специфика внешнеполитического механизма также служит основой концептуального определения меры и степени «внешнеполитической специализации» органов государственной власти и управления, их функционального привлечения к внешнеполитической деятельности государства. В этом контексте следует выделить две основные группы государственных органов: высшие органы государства – главу государства, законодательный орган (парламент) и правительство, а также разветвленный аппарат исполнительной власти (министерства, правительственные комитеты, агентства, зарубежные дипломатические представительства и т.п.). Самое главное различие между этими двумя группами государственных органов состоит в том, что первая группа (высшие органы государства) по своей конституционно-правовой и административно-управленческой природе является полифункциональной, вторая – включает в себя государственные органы, ориентированные на выполнение специфических внешнеполитических задач.

Поскольку конституционно-правовой механизм внешних отношений выступает в качестве системы правоотношений по поводу реализации внешних функций государства, то нормативно-правовая составляющая этого механизма является ведущей. Особое значение в нормативном правовом регулировании механизма осуществления внешней политики имеют конституционно-правовые нормы, обладающие

уникальными свойствами высшей юридической силы и прямого действия¹.

В Конституции РФ² можно выделить следующие положения, на принципиальном, институциональном либо функциональном уровне непосредственно регулирующие специальные вопросы реализации внешней политики государства: а) основы соотношения Конституции, внутреннего законодательства и ратифицированных международных договоров (ч. 4 ст. 15); б) положение иностранных граждан (ст. 62); в) определение суверенной территории РФ (ст. 67); г) основы международного правопреемства России как правопреемника СССР на своей территории (ч. 1 ст. 67.1); д) поддержка соотечественникам, проживающим за рубежом, как направление внешней политики (ч. 3 ст. 69); е) исключительные внешнеполитические полномочия РФ (п. «к», «л», «м», «н» ст. 71); ж) внешнеполитические полномочия, находящиеся в совместном ведении РФ и субъектов федерации (п. «о» ст. 72); з) конституционная возможность участия в межгосударственных объединениях и передачи им части своих суверенных полномочий (ст. 79); и) конституционные принципы внешней политики РФ (ст. 79.1); к) конституционные полномочия Президента РФ как руководителя внешней политики государства (ст. 86); л) внешнеполитические вопросы, подлежащие обязательному рассмотрению Советом Федерации после принятия законов Государственной Думой (п. «г», «д», «е» ст. 106); м) внешнеполитическая компетенция Правительства РФ (п. «д» ч. 1 ст. 114).

Указанные положения, обязательно рассматриваемые в неотрывной связи с другими конституционно-правовыми нормами, в совокупности составляют конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики РФ, регулируя присущие конституционному уровню наиболее значимые,

¹ Добрынин Н. М. Основы конституционного (государственного) права Российской Федерации: 100 вопросов и ответов. Практическое руководство. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2013. С. 27.

² Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., принятыми на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 29.01.2024).

базовые основы, которые воплощаются в общих принципах и институциональном инструментарии.

Рассматривая характерные тенденции конституционно-правового регулирования осуществления внешней политики в современных зарубежных государствах, следует указать, что во внешнеполитическом механизме во многих случаях ключевое место принадлежит главе государства. Это присуще и российской конституционно-правовой системе, определяющей статус Президента РФ как руководителя внешней политики государства. Как своеобразный символ национального единства и преемственности власти, глава государства олицетворяет и представляет государство как его высшее должностное лицо (в парламентских республиках и конституционных монархиях – номинально, в президентских и смешанных республиках, абсолютных и дуалистических монархиях – реально) в важнейших актах реализации внутренней и внешней политики. Условия и порядок замещения должности главы государства определены конституционно регламентированной формой правления. В частности, в президентских республиках функции главы государства обычно совпадают с функциями главы исполнительной власти. Однако в государствах с парламентскими формами правления (среди них – парламентские монархии, парламентские республики) глава государства (монарх или президент) имеет, по конституции, широкий круг полномочий, но фактически выполняет в основном формально-представительные и протокольные функции, в том числе и в аспекте реализации внешнеполитической функции¹.

Особое место в механизме внешних отношений государства, как правило, принадлежит органу законодательной власти – парламенту. В последние несколько лет в ряде зарубежных стран (Канаде, США, Великобритании, ФРГ и др.) наблюдается существенная активизация внешнеполитической роли парламента.

Традиционно участие парламента во внешнеполитическом процессе было определено тремя основными функциями: законодательной, контрольной и бюджетной. При этом считали,

¹ Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 335.

что в данной сфере парламент играет, казалось бы, второстепенную роль. Вместе с тем в рамках реализации законодательной функции парламент принимает акты о ратификации или введении в действие тех или иных международных договоров на территории государства, выполняя две важнейшие задачи: окончательное юридическое оформление волеизъявления государства на обязательность данного договора и тем самым имплементацию новелл в национальное законодательство¹.

Действующие конституции современных государств часто не содержат детальной регламентации внешнеполитических прерогатив парламента. Но, как правило, данный орган наделен рядом полномочий. К ним отнесены ратификация международных договоров; решение вопросов войны и мира; законотворчество по вопросам внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности; контроль за деятельностью органов исполнительной власти, уполномоченных реализовывать внешние функции государства, утверждение их бюджета. Охарактеризованная модель внешнеполитической компетенции парламента в полной мере реализована и в конституционно-правовом статусе Федерального Собрания РФ. При этом в качестве характерной особенности можно выделить наличие обоюдных полномочий и последовательное участие обеих палат в решении внешнеполитических вопросов.

Обобщая результаты проведенного сравнительно-правового исследования конституционно-правового механизма осуществления внешней политики современных государств в контексте принятия новой Концепции внешней политики РФ, можно сделать ряд важнейших выводов теоретико-методологического и научно-практического характера: а) конституционно-правовой механизм осуществления внешней политики современных государств включает в себя конституционные принципы внешней политики, систему общих и специальных органов государственной власти с

¹ Пашковский П. И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2020. № 2. С. 105–106.

внешнеполитической компетенцией, а также функциональное распределение внешнеполитических полномочий в единой системе органов публичной власти; б) глава государства (президент) является руководителем внешней политики в президентских и смешанных республиках, что детерминирует его ведущую правотворческую роль в стратегической и тактической разработке ключевых направлений реализации внешнеполитического курса; в) современному конституционализму присуща общая тенденция к усилению роли парламентов в решении внешнеполитических вопросов, напрямую обозначенных в положениях конституций либо других конституционных актов; данная тенденция нашла в полной мере отражение и в российской конституционной модели внешнеполитической деятельности (п. «г», «д», «е» ст. 106 Конституции РФ).

Библиографический список

1. Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Эксмо, 2005. 656 с.
2. Васильев С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. М.: Центркаталог, 2023. 268 с.
3. Виноградова Е. В. Международные экономические санкции. Правовой анализ // Право и управление. 2022. № 10. С. 16–20.
4. Добрынин Н. М. Основы конституционного (государственного) права Российской Федерации: 100 вопросов и ответов. Практическое руководство. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск: Наука, 2013. 636 с.
5. Зорькин В. Д. Право против хаоса. М.: Норма, 2018. 536 с.
6. Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1. С. 29–43.
7. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 452–456.
8. Пашковский П. И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2020. № 2. С. 103–115.

9. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020. 448 с.

10. Тарасова А. Е., Онасенко А. А. Перспективы развития международного права в условиях односторонних и коллективных санкций государств // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 2. С. 115–125.

УДК 347.1
ББК 67.404.0

А. О. Иншакова
заведующий кафедрой
гражданского и
международного частного
права
(базовая кафедра Южного
научного центра РАН)
Волгоградского
государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Волгоград
ainshakova@list.ru,
gimchp@volsu.ru

Н. В. Квициния
доцент кафедры
гражданского и
международного частного
права
(базовая кафедра Южного
научного центра РАН)
Волгоградского
государственного
университета,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Волгоград
maksim20777@yandex.ru,
kvinciya@volsu.ru

**ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ СЕМЕЙНЫХ КОМПАНИЙ:
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И АВТОМАТИЗАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

**THE DIGITAL SOLUTIONS FOR FAMILY COMPANIES:
LEGALTECH AND LEGAL PROCESS AUTOMATION**

Согласно авторской позиции, современный бизнес (семейные предприятия) зачастую сталкивается с постоянно возрастающим объемом юридических вопросов и задач. В условиях цифровой трансформации и ускоренных изменений технологической направленности LegalTech становится основным инструментом автоматизации юридических процессов и повышения эффективности управления семейным бизнесом. В настоящей статье проанализированы тенденции развития LegalTech в России. Определение современных направлений судебной практики и анализ развития законодательства об использовании LegalTech на предприятиях семейного бизнеса составили цель настоящего исследования. При подготовке статьи применены общие и специальные методы научного познания (системного подхода, анализа и синтеза, структурно-функциональный). Проведен анализ перспектив использования LegalTech на семейных предприятиях,

систематизированы возможности механизмов и инструментов применения технологий для улучшения юридических процессов, изучена специфика LegalTech на примере патентно-адвокатского бюро «Гардиум». Авторами определены значимость автоматизированных процессов для семейных предприятий и перспективы развития данного направления. Раскрыты проблемы внедрения LegalTech на предприятиях семейного бизнеса и указаны способы их разрешения.

Ключевые слова: семейная компания, LegalTech, автоматизация юридических процессов, юридические процессы, управление, семейный бизнес, маркетплейсы юридических услуг, информационные технологии, блокчейн, смарт-контракты.

According to the author's position, modern businesses (family businesses) are often faced with an ever-increasing volume of legal issues and tasks. In the context of digital transformation and accelerated changes in technological orientation, LegalTech is becoming the main tool for automating legal processes and improving the efficiency of family business management. This article analyses trends in the development of LegalTech in Russia. Determining current trends in judicial practice and analysing the development of legislation on the use of LegalTech in family business enterprises formed the purpose of this research. General and special methods of scientific cognition (system approach, analysis and synthesis, structural and functional) were used in preparing the article. The authors analysed the prospects of using LegalTech at family businesses, systematised the possibilities of mechanisms and tools of technology application to improve legal processes, and studied the specifics of LegalTech on the example of the Gardium patent and law firm. The authors determined the significance of automated processes for family businesses and the prospects for the development of this area. The authors reveal the problems of implementing LegalTech at family business enterprises and indicate ways to resolve them.

Keywords: family company, LegalTech, legal process automation, legal processes, legal processes, management, family business, legal services marketplaces, information technology, blockchain, smart contracts.

Информационные технологии продолжают активно внедряться во все сферы жизнедеятельности общества, обеспечивая эффективное функционирование различных социальных институтов¹. Все более популярными среди

¹ Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept / Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 6.

предпринимателей становятся технологии LegalTech, призванные упростить и оптимизировать процессы, составляющие профессиональную деятельность юриста на соответствующем производстве. Так, сфера использования LegalTech активно распространяется и к 2032 г. достигнет 70 млрд долл., как считают в Future Market Insights¹.

Данное направление возникло в США в 1973 г., когда Lexis изобрел терминал red «UDIQ», упрощающий поиск юридических прецедентов. Однако активное развитие отрасль получила лишь в начале 2000-х, с появлением первых стартапов, внедряющих информационные технологии, специально созданные для решения юридических задач. Среди первых компаний, работающих в данном направлении, – Rocket Lawyer и LegalZoom^{2,3}. Они занимались предоставлением услуг по созданию смарт-контрактов и динамических документов.

К сожалению, российский сегмент LegalTech сложно отнести к числу мировых лидеров в данной отрасли. Однако он становится все более привлекательным для венчурных фондов и профильных площадок. Среди наиболее востребованных для инвесторов направлений – прежде всего проекты, связанные с технологиями искусственного интеллекта, использование чат-ботов, решения, позволяющие переводить бумажные документы в электронный вид и анализировать их, технологии блокчейн, автоматизированные реестры, решения для стандартизации рабочих мест с использованием IT-юриста, маркетплейсы юридических услуг и др.⁴

¹ Темчук М. LegalTech без прикрас: какие технологии помогают юристам, а какие – пока просто хайп // Forbes. 2023. 4 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/499808-legaltech-bez-prikras-kakie-tehnologii-pomogaut-uristam-a-kakie-poka-prosto-hajp> (дата обращения: 14.03.2024).

² Rocket Lawyer LLC Review 2024 // How to Start an LLC. URL: <https://howtostartanllc.com/reviews/rocket-lawyer-review> (дата обращения: 14.03.2024).

³ U.S. Legal Help in Russian Federation // LegalZoom. URL: <https://www.legalzoom.com/country/ru> (дата обращения: 14.03.2024).

⁴ Иншакова А. О., Квициния Н. В. Возврат денежных средств, уплаченных покупателем за товар ненадлежащего качества, приобретенный дистанционно в условиях санкционных рисков // Памятные даты российского частного права 2023: материалы Междунар. круглого стола «Стратегия и тактика правового развития биржевой предпринимательской деятельности в Российской Федерации»

Создание и введение в эксплуатацию указанных механизмов представляется вполне обоснованным и ожидаемым, поскольку реализуемая государственная политика должна отвечать требованиям нового времени, важнейшим направлением которого является развитие цифрового пространства. В целом российский сегмент LegalTech не отстает по разнообразию направлений от мировых лидеров, но уступает им по объему и инвестициям¹. Отечественные специалисты юридической сферы неуверенно, с недоверием принимают новые технологии, предпочитая использовать традиционные методики, к которым привыкли.

К наиболее известным юридическим сервисам для массовых пользователей можно отнести «Российский правовед», чат-бот российской компании «Амудекс» RuMoneyBack. Все они в совокупности имеют целью автоматизацию работы юристов и типовых юридических услуг. Но возможности некоторых из них позволяют осуществлять полноценные удаленные консультации специалистов, другие созданы именно для осуществления того или иного юридического действия (регистрации товарного знака, регистрации организации, оспаривания штрафов, составления речи для судебного заседания и др.). Большинство программ создано для юридического сопровождения деятельности организаций.

Семейное предпринимательство в России представляет собой комплексное экономическое и социально-правовое образование, традиционно рассматриваемое в качестве наиболее распространенного вида бизнеса в странах с развитой рыночной экономикой. Указанное понятие подразумевает вид предпринимательской деятельности, который осуществляется членами одной семьи. Это может включать в себя совместное ведение бизнеса супругами, братьями, сестрами, родителями и детьми. Основные цели семейного предпринимательства в России состоят в сохранении и развитии семейного бизнеса, обеспечении

(г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) / отв. ред. А. О. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 86.

¹ Минбалеев А. В. Основные проблемы и перспективы развития LegalTech в России в условиях цифровизации // Юрист. 2022. № 9. С. 43.

благополучия семьи, создании дополнительных рабочих мест и мотивации членов семьи к совместной деятельности.

Семейное предпринимательство в России регулируется семейным законодательством, а также законодательством о предпринимательской деятельности, что делает его уникальной и важной составляющей экономической жизни страны. С учетом важности и распространенности семейных компаний на территории РФ считаем оптимальным постепенное внедрение в их деятельность информационных технологий.

Автоматизация играет существенную роль для семейных компаний, обеспечивая им ряд преимуществ: повышение эффективности, увеличение производительности, улучшение качества обслуживания и сокращение издержек. Автоматизация позволяет семейным компаниям упростить и оптимизировать различные операции, что особенно значимо для малых и средних предприятий. Внедрение автоматизации может помочь семейным компаниям расширить свой бизнес и справиться с ростом объемов работ без потери качества. Следовательно, автоматизация оказывает положительное влияние на семейное предпринимательство, позволяя компаниям обеспечить достойное положение на рынке.

Сфера LegalTech становится все более значимой во всех областях бизнеса, включая семейные компании¹. Среди наиболее популярных отечественных и зарубежных механизмов и инструментов использования технологий для улучшения юридических процессов можно выделить следующие. Во-первых, платформы по управлению документами (DocuSign, PandaDoc, Adobe Sign) помогают семейным компаниям создавать, хранить и обмениваться необходимыми документами, что упрощает процессы ведения бизнеса. Во-вторых, юридические информационные системы (Westlaw, LexisNexis, Fastcase) предоставляют доступ к базам данных юридической информации, судебным решениям, законодательству, иным

¹ Тюлин А. В. Технологии LegalTech на предприятиях семейного бизнеса в Российской Федерации // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 213.

юридическим материалам. Это дает возможность семейным компаниям своевременно реагировать на вызовы в правовой сфере. В-третьих, CRM-системы, специально разработанные для юридических практик (Clio, PracticePanther, MyCase), помогают семейным компаниям отслеживать дела, вести учет времени и коммуницировать с клиентами. В-четвертых, платформы для онлайн-консультаций (Lawgix, LegalZoom, Modria) предоставляют возможность проведения онлайн-консультаций, находясь в любой точке мира. В-пятых, активно используются технологии искусственного интеллекта и аналитики для прогнозирования результатов судебных дел, анализа финансовых данных и автоматизации бизнес-процессов. Эти инструменты помогают семейным компаниям улучшить эффективность работы, повысить качество обслуживания и быть конкурентоспособными на рынке.

К примеру, патентно-адвокатское бюро «Гардиум» использует в своей деятельности информационные технологии на протяжении длительного периода. Так, в своей работе специалисты «Гардиум» ежедневно применяют «Юрайт» и «Гардиум.Про» для юридического делопроизводства, корпоративную информационную систему (КИС) для управления продажами¹. Системы способствуют более эффективному управлению процессами, экономят время на рутинных задачах. К тому же «Гардиум.Про» позволяет настроить мониторинг нарушений исключительных прав на объекты и оценить перспективы регистрации того или иного товарного знака.

Несмотря на преимущества в использовании LegalTech на отечественных семейных предприятиях, их распространение все еще остается точечным, что вызвано следующими причинами. Во-первых, многие представители сферы семейного бизнеса по-прежнему сопротивляются внедрению новых технологий, отдавая предпочтение устаревшим подходам. Желание сохранить традиционные процессы и устойчивость к изменениям в культуре

¹ LegalTech. Автоматизация юридических процессов // Гарант.ру: информ.-правовой портал. 2022. 10 октября. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/avtomatizaciya-yuridicheskoy-deyatelnosti-2022/> (дата обращения: 14.03.2024).

компания представляется главным вектором в деятельности руководителя консервативного типа.

Во-вторых, многие семейные предприятия относятся к предприятиям малого и среднего бизнеса, что свидетельствует о наличии у них не слишком крупных оборотов. В связи с этим в таких организациях могут быть существенно ограничены финансовые ресурсы, наблюдаются необеспеченность высококвалифицированными кадрами, дефицит информационных систем. Все это затрудняет и затормаживает принятие, внедрение информационных технологий.

В-третьих, внедрение новых технологий требует должного уровня знаний у сотрудников, занятых на конкретном предприятии. К сожалению, на предприятиях семейного бизнеса высококвалифицированные в информационной сфере специалисты зачастую отсутствуют. В связи с этим возникает потребность в обучении своих работников на соответствующих курсах и тренингах. Но даже при условии, что руководитель намерен освоить информационные технологии, семейные предприятия могут столкнуться с проблемами, связанными с незаинтересованностью персонала в освоении новых технологий и переходе на новые рабочие процессы.

В-четвертых, с увеличением количества случаев неправомерного завладения информацией через онлайн-сервисы представители семейных предприятий опасаются возможности утечки данных при использовании онлайн-платформ и облачных хранилищ. Проблемы защиты юридических данных, внесенных в соответствующие программы, вызваны возможностью кибератак, которые зачастую приводят к утечке конфиденциальной информации, повреждению данных¹. Некоторые юридические платформы могут быть недостаточно защищены, что увеличивает риск несанкционированного доступа к ним. Недостаточная защита может быть обусловлена слабыми паролями, уязвимыми системами или отсутствием шифрования данных. Кроме того, нередко утечка данных происходит из-за ошибок сотрудников, вследствие случайного разглашения информации или неправильной настройки уровней безопасности в рамках

¹ Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5.

программного обеспечения. Перечисленные проблемы говорят о важности обеспечения надежной защиты данных юридического характера в онлайн-сервисах, используемых в семейном предпринимательстве. С учетом изложенного требуется комплексный подход к защите данных на всех уровнях.

Наконец, в-пятых, многие предприятия семейного бизнеса могут не иметь в полной мере понимания того, что такое информационные технологии и какие преимущества они могут предоставить. Слабая осведомленность существенно затрудняет успешное внедрение LegalTech. При таких обстоятельствах, даже если предприятию необходима организаторская помощь извне, руководители не имеют представления о возможности использования в своей деятельности LegalTech. По мнению ученых, «понятийный аппарат нельзя назвать устоявшимся, трансформируются определения, наполняются новыми дефинициями»¹.

Как указано ранее, использование LegalTech, по мнению аналитиков, ввиду многофункциональности и удобства будет распространяться, что свидетельствует о необходимости обеспечения свободного и безопасного функционирования соответствующих систем. При обращении за правовой помощью либо иной необходимой услугой, предоставляемой современными технологиями, пользователь должен быть уверен в сохранности предоставляемых данных и безопасности их дальнейшего использования. В связи с этим перед государством стоит задача по созданию и проработке механизмов, обеспечивающих безопасность и легитимность обмена информацией, предоставляемой представителями семейного предприятия.

Так, для совершенствования порядка использования LegalTech в деятельности семейных предприятий считаем возможным предложить следующие способы устранения препятствий. Во-первых, сопротивление внедрению информационных технологий на свои производства со стороны консервативных предпринимателей можно преодолеть. К примеру, путем проведения различных тренингов, совещаний, на

¹ Шкарупа Е. А., Квициния Н. В. Экономико-правовое обеспечение государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9. С. 445.

которых будут освещены вопросы использования LegalTech, в том числе их полезные свойства, будет предоставлена информация об успешных предпринимателях, принявших инновационные подходы, тем самым улучшив показатели и повысив качество своей деятельности. Следует помнить о том, что изменение позиции консервативных предпринимателей возможно, но требует времени и терпения.

Во-вторых, отсутствие квалифицированных специалистов в сфере информационных технологий – легко поправимая задача. Руководитель, грамотно поставивший цель перед сотрудниками, настроив их на переход к информационным технологиям, может направить работников на специализированные курсы, тематикой которых является внедрение LegalTech. К примеру, Образовательный центр «Гарант» осуществляет программу профессиональной переподготовки «Эксперт-практик LegalTech» общей продолжительностью четыре месяца (350 академических часов), по окончании которой выдают диплом установленного образца¹.

В-третьих, LegalTech – область, в которой хранится огромное количество информации, не подлежащей разглашению. С учетом этого необходимо комплексно подходить к обеспечению безопасности при использовании информационных технологий в случаях оказания юридических услуг. Ключевыми мерами по повышению уровня безопасности являются применение современных методов шифрования данных, внедрение механизмов аутентификации и авторизации для доступа к системе, постоянный контроль за системой и действиями пользователей, постоянное обновление программных обеспечений по защите от вредоносных воздействий, обучение сотрудников в контексте безопасности данных.

Из вышеизложенного следует, что цифровизация и информатизация сегодня играют ключевую роль в развитии отечественного предпринимательского сектора. Постепенно использование LegalTech становится неотъемлемой частью оказания юридических услуг. В России развитие данного

¹ Программа профессиональной переподготовки «Эксперт-практик LegalTech» // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://legaltech.garant.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).

сегмента находится в раннем состоянии. Однако, по прогнозам исследователей, его элементы продолжат развиваться, завоевывая внимание предпринимателей из различных субъектов РФ, в том числе представителей семейных предприятий.

Семейное предпринимательство ввиду специфического характера LegalTech развивается в двух основных направлениях:

1. Оптимизация рабочих процессов юриста, позволяющая качественнее составлять юридические документы, анализировать судебную практику, формировать позиции по делам, находящимся в производстве, то есть оперативно разрешать рутинные задачи.

2. Отслеживание нарушений, выявление определенных фактов. Прежде всего речь идет об отслеживании продаж пиратского контента, интернет-мошенничества и т. п.

Полагаем, что в ближайшие несколько лет направления развития LegalTech на отечественном рынке не изменятся, но будут модернизироваться, внедряя новые возможности для семейных предприятий. В настоящее время многие юристы не представляют свою работу без использования информационных технологий. Однако ряд предпринимателей по-прежнему избегают их, аргументируя это высокой стоимостью, неуверенностью в эффективности, недоверием к техническим возможностям. Несмотря на все предрассудки, сегодня LegalTech доступны не только крупным организациям, но и малому, и среднему бизнесу. Ранее существовавшие барьеры на пути внедрения данных технологий преодолены: снижение стоимости внедрения и упрощение тестирования новых сервисов, создание ряда образовательных курсов, использование специальных программных обеспечений для безопасности загружаемых на серверы данных. Все это позволяет сделать вывод о рациональности и эффективности использования информационных технологий на своем производстве.

В связи с этим LegalTech представляют собой не только инструмент, позволяющий оптимизировать деятельность юриста, но и возможность семейного предприятия повысить конкурентоспособность на рынке оказываемых услуг посредством обеспечения эффективного управления семейным бизнесом.

Библиографический список

1. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

2. Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept / Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 6–17.

3. Иншакова А. О., Квициния Н. В. Возврат денежных средств, уплаченных покупателем за товар ненадлежащего качества, приобретенный дистанционно в условиях санкционных рисков // Памятные даты российского частного права 2023: материалы Междунар. круглого стола «Стратегия и тактика правового развития биржевой предпринимательской деятельности в Российской Федерации» (г. Волгоград, 26 мая 2023 г.) / отв. ред. А. О. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 86–94.

4. Минбалеев А. В. Основные проблемы и перспективы развития LegalTech в России в условиях цифровизации // Юрист. 2022. № 9. С. 43–48.

5. Программа профессиональной переподготовки «Эксперт-практик LegalTech» // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://legaltech.garant.ru/> (дата обращения: 14.03.2024).

6. Темчук М. LegalTech без прикрас: какие технологии помогают юристам, а какие – пока просто хайп // Forbes. 2023. 4 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/499808-legaltech-bez-prikras-kakie-tehnologii-pomogaut-uristam-a-kakie-poka-prostohajr> (дата обращения: 14.03.2024).

7. Тюлин А. В. Технологии LegalTech на предприятиях семейного бизнеса в Российской Федерации // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 213–224.

8. Шкарупа Е. А., Квициния Н. В. Экономико-правовое обеспечение государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства // Экономика и предпринимательство. 2023. № 9. С. 445–449.

9. LegalTech. Автоматизация юридических процессов // Гарант.ру: информ.-правовой портал. 2022. 10 октября. URL: <https://www.garant.ru/gardium/guide/avtomatizaciya-yuridicheskoy-deyatelnosti-2022/> (дата обращения: 14.03.2024).

10. Rocket Lawyer LLC Review 2024 // How to Start an LLC. URL: <https://howtostartanllc.com/reviews/rocket-lawyer-review> (дата обращения: 14.03.2024).

11. U.S. Legal Help in Russian Federation // LegalZoom. URL:
<https://www.legalzoom.com/country/ru> (дата обращения:
14.03.2024).

А. Н. Левушкин
профессор
кафедры предпринимательского
и корпоративного права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Москва
lewuskin@mail.ru

**ИСКЛЮЧЕНИЕ СУПРУГА ИЛИ БЫВШЕГО
СУПРУГА-УЧАСТНИКА ИЗ СЕМЕЙНОЙ КОРПОРАЦИИ
И КООПЕРАТИВА**

**EXCLUSION OF A SPOUSE OR FORMER SPOUSE SPOUSE OF A
MEMBER FROM A FAMILY CORPORATION
AND COOPERATIVE**

Развитие семейного предпринимательства и привлечение инвестиций, как и создание комфортных условий для бизнеса членов семьи, по мнению автора статьи, будет невозможным без правового определения порядка регулирования предпринимательских и корпоративных правоотношений между соучастниками семейной корпорации. Рекомендовано интегрировать положения о возможности внесудебного исключения супруга-участника из семейной корпорации с закреплением четко сформулированных для этого оснований. В ходе проведенного исследования установлено, что ввиду недостаточной разработанности корпоративного законодательства супругам-участникам и другим субъектам указанных правоотношений следует самостоятельно и превентивно обеспечивать защиту своих интересов путем внесения необходимых положений в учредительные документы корпорации, а также заключения корпоративных соглашений. В интересах участников фиксировать факты исполнения ими своих обязанностей, обеспечить возможность дистанционного участия в управлении корпорацией. При управлении корпорацией участникам стоит учитывать и отслеживать тенденции в поведении соучастников и бизнес-партнеров как личностей и отдельных субъектов правоотношений, а не только как участников общества. Это позволит своевременно предупредить возникновение конфликта или обеспечит

поиск его решения на раннем этапе. Эффективной для супругов-участников семейной корпорации станет строгая регламентация процессов, связанных с последствиями исключения участника корпорации. Дополнительно следует предусмотреть в локальных актах и положениях корпорации порядок разрешения организационных вопросов после прекращения участия в корпорации одного из супругов, в том числе порядок исчисления и осуществления выплат, что особенно становится актуальным при расторжении брака.

Ключевые слова: супруги, корпорации, кооператив, предпринимательские правоотношения, семейное предприятие, бизнес, семейное предпринимательство, супруг – участник семейной корпорации.

Development of family entrepreneurship and attraction of investments, as well as creation of comfortable conditions for business of family members, in the opinion of the author of the article, will be impossible without legal definition of the procedure for regulation of entrepreneurial and corporate legal relations between co-participants of the family corporation. It is recommended to integrate provisions on the possibility of extrajudicial exclusion of a spouse-participant from the family corporation with the fixing of clearly formulated grounds for this. In the course of the conducted research it has been established that due to the insufficient development of corporate legislation the spouses-participants and other subjects of these legal relations should independently and preventively ensure the protection of their interests by making the necessary provisions in the constituent documents of the corporation, as well as by concluding corporate agreements. It is in the interests of the participants to record the facts of fulfilment of their duties, to ensure the possibility of remote participation in the management of the corporation. When managing a corporation, participants should take into account and monitor trends in the behaviour of co-participants and business partners as individuals and separate subjects of legal relations, and not only as members of the company. This will make it possible to prevent the emergence of a conflict in a timely manner or ensure that a solution is found at an early stage. Strict regulation of the processes related to the consequences of the exclusion of a member of a family corporation will be effective for the spouses-participants of the family corporation. In addition, the local acts and regulations of the corporation should provide for the procedure for resolving organisational issues after the termination of participation in the corporation by one of the spouses, including the procedure for calculating and making payments, which becomes particularly relevant in the event of divorce.

Keywords: spouses, corporations, co-operative, entrepreneurial legal relations, family enterprise, business, family entrepreneurship, spouse member of family corporation.

По утверждению А. Н. Левушкина, «в современной экономико-правовой модели общественных отношений члены семьи принимают самое активное и непосредственное участие в предпринимательских правоотношениях, суть которых нередко сводится к организации бизнес-процессов супругами, детьми и другими родственниками в рамках концепции семейной организации предпринимательства»¹. На законодательном уровне активно обсуждается вопрос о закреплении в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» понятия «семейное предприятие», что видится оправданным. В научной литературе обоснованы предложения по изменению категориального аппарата данного Федерального закона в аспекте выделения микропредприятий в качестве обособленной категории субъектов малого и среднего бизнеса, а также возможности отнесения к ним самозанятых².

Представляется необходимым предоставить семейному предприятию статус самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица и рассматривать его в качестве отдельного субъекта гражданского оборота и предпринимательской деятельности. При этом необходима организация функционирования семейного предприятия без административных барьеров, многочисленных государственных проверок, ограничений и запретов. Видится целесообразным упрощение процедуры регистрации юридических лиц (семейных предприятий), деятельность которых организована на семейно-правовых началах.

Семейное предприятие как самостоятельное юридическое лицо может иметь в собственности обособленное имущество, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Данное предприятие отвечает по своим

¹ Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 91.

² Подробнее об этом см.: Ершова И. В. «Микро» не значит «малые» // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 11.

обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, на которое в соответствии с законом может быть обращено взыскание. Семейное предприятие формируется на основе общего имущества супругов, в том числе личного имущества участников семейного предприятия, то есть необходимо наличие родства, свойства или супружества¹.

О. В. Гутников считает, что природой института исключения участника выступает корпоративная ответственность. Корпоративная ответственность имеет существенные отличия от договорной и деликтной². В первую очередь, она вытекает не из нарушения условий договора или факта причинения вреда, а из нарушения обязанности участника действовать в интересах корпорации, что является специальной корпоративной фидуциарной обязанностью.

Вместе с тем в доктрине корпоративного права существуют и иные суждения. Так, по мнению Д. В. Ломакина, институт исключения участника из корпорации нельзя считать видом ответственности, поскольку отсутствует факт наступления негативных последствий. Указанный тезис автор вполне обоснованно аргументирует обязательной выплатой действительной стоимости доли³.

После принятия судом решения об исключении супруга-участника из семейной корпорации и его вступления в законную силу для всех сторон спора наступает ряд правовых последствий, в том числе имущественных и организационных. С. Ю. Филиппова справедливо определяет исключение участника семейной корпорации как утрату права участия в обществе в принудительном порядке и против воли исключаемого участника

¹Подробнее об этом см.: Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 90; Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 2.

² См.: Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. С. 35.

³ См.: Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 424.

на основаниях, установленных в действующем законодательстве¹.

В. В. Воглоева в своей статье формулирует определение исключения участника из корпорации как санкции за возникновение корпоративного конфликта, блокирующего хозяйственную деятельность корпорации и возникшего в результате нарушения участником фидуциарной обязанности, то есть лояльности к корпорации и ее участникам². Указанное определение в большей степени раскрывает природу института, но не определяет процесс и его характер.

Позицию В. В. Воглоевой дополняет и раскрывает Э. А. Нанаева, которая пишет³ о том, что отношения между участниками носят личный и персональный характер, с присущей им высокой степенью персонального доверия и сотрудничества, и это порождает фидуциарные обязанности. В случае нарушения указанных обязанностей в качестве санкции применяют принудительное лишение определенного спектра прав.

Анализируя приведенные выше определения, можно выделить акцентный аспект, и о нем пишут большинство авторов. Речь идет о цели института: устранение блоков и барьеров для осуществления хозяйственной деятельности корпорации, вызванных виновным действием или бездействием недобросовестного участника. Согласиться с приведенным определением сложно, так как оно не отражает принудительного характера прекращения участия в корпорации. Указанными в определении авторами критериями можно описать и добровольный выход участника из корпорации. Более того, понятие корпоративных шире, чем участие в корпорации. Учитывая это, считаем определение, предложение С. Ю. Филипповой, наиболее удачным.

¹ См.: Филиппова С. Ю. Исключение участника из хозяйственного товарищества или общества как правовое средство: оценка правовых целей использования // Предпринимательское право. 2015. № 1. С. 21.

² См.: Воглоева В. В. Особенности исключения участника из состава членов корпорации // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 11. С. 68.

³ См.: Нанаева Э. А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 77.

Семейные корпоративные правоотношения находятся в фокусе как частноправового регулирования, так и публично-правового¹. Ю. Г. Лескова пишет: «Правовой статус субъектов правоотношений определяется не только гражданским законодательством ... необходима оптимизация межотраслевых связей»².

При реализации права на исключение участника семейной корпорации прежде всего необходимо привести в соответствие список участников корпорации, содержащийся в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ). Указанные действия имеют значение для семейных корпораций, списки которых находятся в ЕГРЮЛ (например, для обществ с ограниченной ответственностью и полных товариществ). Так, обществу с ограниченной ответственностью необходимо подготовить пакет документов, включающий в себя решение с отметкой о вступлении в законную силу, а также заявление по форме Р13014. Указанный пакет документов можно направить в инспекцию Федеральной налоговой службы (ИФНС) в электронной форме при помощи электронно-цифровой подписи или на бумажном носителе «Почтой России», или непосредственно в ИФНС.

В свою очередь, для акционерных обществ актуальным будет обращение к регистратору, осуществляющему ведение реестра акционеров семейной корпорации. В случае, если исключенное лицо (супруг) занимало должность единоличного исполнительного органа, необходимо будет произвести избрание исполнительного органа в семейной компании. При этом факт принятия решения об исключении не является основанием для прекращения исполнения обязанностей единоличного исполнительного органа. Таким образом, назначение нового лица осуществляется в общем порядке путем созыва внеочередного собрания участников общества.

¹Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 3.

² См.: Лескова Ю. Г. К вопросу об оптимизации межотраслевых связей наследственного права // Наследственное право. 2017. № 1. С. 13.

Альтернативным способом может служить указание на прекращение участия супруга в семейной корпорации как основание для увольнения в трудовом договоре. Законодатель предусматривает возможность сохранения трудовых отношений. Однако сложно допустить, что после исключения супруга как участника общества с ограниченной ответственностью другие участники корпорации сохраняют к нему доверие и допустят совершения указанным лицом значимых для организации бизнеса семьи действий. Особенно в случае, если исключение связано с недобросовестными действиями при заключении сделок, предоставлением информации и иными корпоративными действиями. Итак, при назначении кого-либо на должность единоличного исполнительного органа следует заранее предусмотреть вероятность возникновения споров по прекращению указанных полномочий.

Однако остается открытым вопрос о моменте снятия полномочий единоличного исполнительного органа (например, в отношении бывшего супруга). Самым простым, эффективным и безопасным способом станет проведение внеочередного общего собрания участников в день вступления в силу решения об исключении участника. Фактически общество должно самостоятельно урегулировать решение указанных ситуаций: например, с помощью специальных условий в договорах, должностных инструкциях, положениях и иных локальных актах. Это поможет упростить различные судебные процессы и сократить финансовые издержки в связи с принудительным прекращением участия в семейной корпорации и прекращением полномочий единоличного исполнительного органа в рамках вышеуказанного юридического лица.

Анализируя проблематику корпоративного регулирования, можно установить тенденцию реализации «межотраслевых связей между семейными, корпоративными и предпринимательскими отношениями ...», которое предполагает наличие семейных, предпринимательских, корпоративных, организационных и трудовых взаимосвязей между супругами и другими членами

семьи»¹. В доктрине И. В. Ершова аргументированно доказывает, что «становление правового регулирования и государственной поддержки семейного предпринимательства на территории Российской Федерации предполагает законодательное закрепление ключевых понятий и определение мер поддержки»².

Еще одним вопросом, который предстоит решить семейной корпорации, является выплата доли или пая супругу или бывшему супругу. Выплата пая регламентирована ст. 18 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»³. Так, пай выплачивают исключенному члену кооператива, в нашем случае супругу, по окончании финансового года и утверждения бухгалтерской отчетности. В счет пая товарищу может быть выдан земельный участок. Размер выдаваемого в счет пая определяется пропорционально размеру земельных наделов кооператива, исходя из стоимости гектара земли, при которой земли были включены в состав паевого взноса. При этом размер выплаты пая супругу не может превышать размер пая при вступлении.

Однако и для товариществ, и для обществ в отношении произведения выплаты супругу или бывшему супругу существует корпоративная проблема, которая может создать дефолт при выплате. Исключенным участником, требующим выплаты доли или пая в натуральной форме, может быть бывший супруг – гражданин недружественного государства. В случае выдачи ему земельного участка в счет доли или пая обществу потребуются решить ряд вопросов. Так, Указом Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» установлено ограничение на передачу гражданам недружественных государств недвижимого имущества. Для совершения такого перехода права

¹ Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 8.

² Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 68.

³ О сельскохозяйственной кооперации: федер. закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

необходимо получить разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в России, что является новой процедурой с недостаточной регламентацией. Стоит упомянуть о существующих ограничениях в аспекте оборота земель сельскохозяйственного назначения. В частности, иностранные граждане и юридические лица могут владеть землями сельскохозяйственного назначения только на праве аренды. Изложенные вопросы требуют от корпорации и самостоятельного урегулирования: например, при внесении специальных положений в устав или корпоративный договор.

Представляется необходимым предоставить семейному предприятию статус самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица и рассматривать его в качестве отдельного субъекта предпринимательской деятельности¹. При определении стоимости доли, ее выплате в случае принудительного прекращения участия в обществе с ограниченной ответственностью применяется ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Закрепленный в законе перечень содержит ряд оснований: грубое нарушение участником своих обязанностей; совершение действий или бездействие участника, акционера или товарища, которые повлекли или могут повлечь негативные последствия для корпорации; голосование на общем собрании участников корпорации, которое заведомо влекло наступление негативных последствий для корпорации; систематическое уклонение от участия в общих собраниях, заведомо влекущее прекращение или существенное затруднение нормальной деятельности корпорации, без уважительных на это причин. Этот перечень, как нам представляется, требует расширения путем анализа сложившейся судебной практики.

Трудности при решении вопросов, связанных с выплатой, возникают не только у акционерных обществ, но и у судов. Так, в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 14 июня

¹ Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 5.

2018 г. № Ф09-3180/18 по делу № А71-15959/20161 и постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 июня 2017 г. № Ф07-5561/2017 по делу № А21-4475/20162 указано, что рассматриваемые вопросы Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ не регулирует. Иными словами, для судов затруднено разрешение ряда вопросов при рассмотрении споров об исключении участника – бывшего супруга из акционерного общества и о порядке выплаты стоимости акций. Как указано ранее, в настоящее время в подобных случаях применяют аналогию с обществом с ограниченной ответственностью.

Однако существует и альтернативная судебная позиция. Так, в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2018 г. № 17АП-1334/2017-ГК по делу № А71-15959/20163 суд установил, что действительная стоимость акций должна быть определена в установленном специальным законом порядке. Для этого суд использовал п. 3 ст. 75 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴. Упомянутая статья регламентирует выкуп акции обществом по требованию акционера. Однако в указанной процедуре принимает участие не только наблюдательный совет, но и оценщик. С одной стороны, такая аналогия создает возможность для злоупотребления в виде привлечения заинтересованного оценщика. С другой – участие

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июня 2018 г. № Ф09-3180/18 по делу № А71-15959/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=192295&ysclid=lx7xxrulmu113769618#03WNEFUxc5VGzdxB> (дата обращения: 20.02.2024).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 июня 2017 г. № Ф07-5561/2017 по делу № А21-4475/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=192907&ysclid=lx7y2llh5m487478022#FPSOEFUCqNTGBTtL1> (дата обращения: 20.02.2024).

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 февраля 2018 г. № 17АП-1334/2017-ГК по делу № А71-15959/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=188822&ysclid=lx7y4zacc9v790797557#jiuOEFUNrIHO58A> (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Об акционерных обществах: федер. закон от 29 декабря 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

независимого оценщика позволит при возникновении спора принять суду взвешенное и объективное решение. Итак, если суд откажется от применения положения ст. 75 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» при определении действительной стоимости акций, то решение суда будет носить субъективный характер, что создаст возможность для его отмены в вышестоящей инстанции. Более того, в настоящее время законом не установлена дата, на которую следует определять размер действительной стоимости акций, или способ ее исчисления, что, как нам представляется, носит существенный характер.

Таким образом, недостаточно разработанное законодательство приводит к увеличению судебных споров и усложнению процедуры семейно-правового и корпоративного характера. Суды вынуждены использовать не специальное законодательство, а массив нормативных правовых актов о хозяйственных обществах в комплексе. Это усложняет процесс, однако позволяет принимать объективные решения и предотвращает нарушение семейных и корпоративных прав сторон.

Необходимость четкого определения порядка исчисления действительной стоимости акций, принадлежащей супругу-акционеру, остается актуальной проблемой. Безусловно, исключенный супруг – участник общества несет финансовые потери. Но и корпорация сталкивается с рядом финансовых вопросов. Прежде всего семейная корпорация вынуждена понести судебные расходы. По завершении судебных разбирательств корпорация, основанная на семейных связях, обязана осуществить выплату доли или пая бывшему супругу, которая может повлечь за собой существенное уменьшение активов. Для указанной процедуры могут потребоваться дополнительные расходы: на участие третьих лиц (например, независимого оценщика), банковские комиссии, расходы на уведомления, в случае существенного снижения семейных корпоративных активов.

Ст. 67 Гражданского кодекса (ГК) РФ устанавливает, что исключение участника товарищества или общества допускается только в случае грубого нарушения им своих обязанностей. Очевиден тот факт, что степень «грубого нарушения» является субъективным и оценочным для каждой корпорации понятием. Но судебная практика сформулировала обязательный признак

грубого нарушения. Так, препятствия, созданные действием или бездействием участника семейной корпорации, должны носить неустранимый характер. Дополнительно у корпорации и ее участников должна отсутствовать возможность ликвидировать обстоятельства, блокирующие хозяйственную деятельность корпорации, основанной на семейно-родственных связях, каким-либо иным способом, кроме исключения участника. Например, соответствующая позиция отражена в определении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 октября 2022 г. № Ф04-5107/2022 по делу № А27-25808/20211.

Таким образом, руководствуясь выработанной правоприменительной практикой, позицией судов, можно утверждать, что в ряде случаев восстановление хозяйственной деятельности семейной корпорации станет возможным только путем применения процедуры исключения участника, что дополнительно подтверждает значимость и актуальность рассматриваемого правового института. В результате анализа базовых норм, регламентирующих порядок исключения участника – члена семьи из корпорации, стало очевидным то, что они содержат крайне абстрактные и неточные критерии, условия для наступления такого вида ответственности. Это подтверждает субъективность решений. Полагаем, что возникновение данных обстоятельств объективно вызвано невозможностью описать и предугадать каждый случай с учетом родственных связей членов семьи. Решение указанного вопроса возложено на судебные органы РФ.

Более того, в результате накопленной судебной практики в абзац 3 п. 1 ст. 67 внесены изменения, основанные на Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»². Это,

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 октября 2022 г. № Ф04-5107/2022 по делу № А27-25808/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=190681&ysclid=lx7yieu4ae313028555#mqXREFUEZGsH1LQw1> (дата обращения: 20.02.2024).

² Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью:

в свою очередь, повлияло на содержание Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Однако вопрос о критериях и уточнении неправомерных деяний, позволяющих требовать исключения супруга-участника, возник еще в конце XX в. Попытка поиска решения нашла отражение в постановлении от 9 декабря 1999 г. Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”». Так, в п. 151 установлено, что под действиями (бездействием) участника, которые делают невозможной деятельность общества либо существенно ее затрудняют, следует, в частности, понимать систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать решения по вопросам, требующим единогласия всех его участников.

Далее, в 2015 г., Верховным Судом РФ предпринята повторная попытка раскрытия условий применения данной санкции. В п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»² выражена следующая правовая

информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 мая 2012 г. № 151 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132072/?ysclid=lx7yqzxyvb302240276 (дата обращения: 20.02.2024).

¹ О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: постановление от 9 декабря 1999 г. Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25814/?ysclid=lx7yu82smi273160745 (дата обращения: 20.02.2024).

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lx7yysb028572938531 (дата обращения: 20.02.2024).

позиция: основаниями для исключения участника корпорации могут служить:

– систематическое уклонение от участия в общих собраниях участников корпорации без уважительных причин, что привело к невозможности принимать существенные для корпорации решения;

– систематическое уклонение от участия в общих собраниях участников корпорации без уважительных причин, если непринятое в результате отсутствия участника решение причинило значительный вред корпорации и делает его деятельность затруднительной;

– осуществление участником действий, которые противоречат интересам корпорации, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа, если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали деятельность общества затруднительной.

Указанные деяния участника юридического лица являются нарушениями и наносят вред семейной корпорации и ее участникам, а также представляют собой очевидную недобросовестность. В результате наступают неблагоприятные последствия для корпорации в целом в виде блокировки ее хозяйственной деятельности.

В науке корпоративного права обоснованно установлено, что судебным инстанциям необходимо систематизировать и дать оценку наиболее частым и распространенным злоупотреблениям со стороны участников корпорации. Это снизит нагрузку на судебные органы и ускорит процесс принятия решений. Такие действия позволят уменьшить количество и злоупотреблений со стороны истцов, что, несомненно, приведет к положительной динамике¹.

Закрепленный перечень, содержащий следующие основания (грубое нарушение участником своих обязанностей; совершение действий или бездействие участника, акционера или товарища, которые повлекли или могут повлечь негативные последствия для корпорации; голосование на общем собрании участников

¹ См.: Абдулкадиров Т. Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера // Вестник арбитражной практики. 2018. Т. 3. № 76. С. 32.

корпорации, которое заведомо влекло наступление негативных последствий для корпорации; систематическое уклонение от участия в общих собраниях, заведомо влекущее прекращение или существенное затруднение нормальной деятельности корпорации, без уважительных на это причин) требует расширения путем анализа сложившейся российской судебной практики.

Исключение супруга или бывшего супруга – участника корпорации является важным событием, то есть юридическим фактом в ее деятельности, поскольку факт исключения порождает множество правовых последствий, как имущественных, так и организационных. Более того, ряд этих последствий недостаточно урегулирован действующим российским законодательством, что существенно осложняет процедуру реализации и исполнения судебного решения. С учетом этого семейной бизнес-корпорации необходимо самостоятельно закрепить ряд положений во внутренних локальных нормативных актах.

Для совершенствования исследованного института требуются дополнительное внимание со стороны арбитражных судов, выраженное в расширении и уточнении оснований для исключения участника корпорации, их классификация, а также поиск и пропаганда внесудебного решения возникающих конфликтов. Целесообразным будет создание критерия для оценки поведения участников, позволяющего сформировать всестороннее, объективное и полное представление о мотивах и деяниях сторон спора и судебного разбирательства.

Как обоснованно определено в правовой доктрине, государство должно очень осторожно подходить к регулированию общественных отношений, проявляя одновременно гибкость, твердость и последовательность¹, не забывая о том, что «ограничения права возможны, допустимы и оправданы только в исключительных случаях»². Видится целесообразным формирование судами перечня прецедентов злоупотребления

¹ Камышанский В. П., Серебрякова С. А. Ограничение режима потребления электрической энергии: социально-правовой аспект // Власть Закона. 2018. № 1. С. 235.

² Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 140.

правом и их признаков, необходима разработка механизмов защиты прав добросовестных участников, в том числе супругов или одного из них.

Установлено, что правовая природа института исключения участника (например, одного из супругов) из семейной корпорации двойственна, и она может быть направлена как на защиту нарушенных прав членов семейной корпорации, так и на привлечение участника – бывшего супруга к ответственности. Считаем оправданным, что государственная семейная политика РФ направлена на решение задач по укреплению экономического благополучия семьи, усилению социальной значимости каждого члена семейных правоотношений, развитию интересов и традиций ведения семейного предпринимательства¹.

Целесообразным будет и закрепление посреднического переговорного процесса в качестве обязательного этапа перед рассмотрением дела по существу. Итак, доказано, что требуется развитие различных методов разрешения дедлоков и конфликтов между участниками правоотношений на личностном, фидуциарном уровне, что особенно характерно для семейных правоотношений с участием супругов. В целях совершенствования исследованного института требуется дополнительное внимание со стороны арбитражных судов, выраженное в расширении и уточнении оснований для исключения супруга или бывшего супруга - участника семейной корпорации, их классификация, а также поиск и реализация внесудебного решения возникающих семейных корпоративных конфликтов. Видится целесообразным формирование критериев для оценки поведения участников, позволяющего сформировать всестороннее, объективное и полное представление о мотивах и деяниях сторон спора и судебного разбирательства.

¹ Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 93.

Библиографический список

1. Абдулкадиров Т. Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера // Вестник арбитражной практики. 2018. Т. 3. № 76. С. 29–35.
2. Воглоева В. В. Особенности исключения участника из состава членов корпорации // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 11. С. 66–72.
3. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2019. 488 с.
4. Ершова И. В. «Микро» не значит «малые» // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 11–18.
5. Ершова И. В. Семейный бизнес: точки отсчета и вектор ориентира в правовом регулировании // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 67–75.
6. Камышанский В. П., Серебрякова С. А. Ограничение режима потребления электрической энергии: социально-правовой аспект // Власть Закона. 2018. № 1. С. 231–238.
7. Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 357 с.
8. Левушкин А. Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 90–99.
9. Левушкин А. Н. Построение и легализация современной модели семейного предпринимательства: вопросы гражданско-правовой и публично-правовой легитимации и государственной поддержки // Гражданское право. 2023. № 4. С. 2–6.
10. Левушкин А. Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.
11. Лескова Ю. Г. К вопросу об оптимизации межотраслевых связей наследственного права // Наследственное право. 2017. № 1. С. 11–13.
12. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.

13. Нанаева Э. А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 258 с.

14. Филиппова С. Ю. Исключение участника из хозяйственного товарищества или общества как правовое средство: оценка правовых целей использования // Предпринимательское право. 2015. № 1. С. 18–24.

УДК 347
ББК
67.404.2

Л. А. Новоселова
заведующая кафедрой
финансовых сделок
и новых технологий в праве
Исследовательского центра
частного права (ИЦЧП) имени
С. С. Алексеева
при Президенте РФ,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Москва
la-novosiolova@yandex.ru

Т. М. Медведева
заместитель начальника отдела
законодательства о
юридических лицах
Исследовательского центра
частного права (ИЦЧП) имени
С. С. Алексеева
при Президенте РФ,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва
snow100@mail.ru

МЕХАНИЗМ УГЛЕРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

THE MECHANISM OF CURRENT REGULATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

В статье рассмотрена система создания и обращения особых объектов гражданского права, в частности углеродных единиц, показана их роль в обеспечении финансирования природоохранных проектов на примере Республики Казахстан. Особое внимание акцентировано на определении порядка их обращения и квалификации в качестве объектов гражданского права. Авторами исследованы различия между единицей углеродной квоты и единицей углеродного офсета, проведено сравнение со схожими объектами в российском законодательстве, а именно единицей выполнения квоты выбросов парниковых газов и углеродной единицей. Утверждается, что в российском праве «углеродная единица» – более узкое понятие, эквивалент казахстанской «единицы углеродного офсета» (п. 6 ст. 2 Закона Российской Федерации об ограничении выбросов парниковых газов). На основании проведенного анализа сделан вывод об имущественной природе углеродных единиц и возможности применения к ним положений общей и особенной частей Гражданского кодекса Республики Казахстан с изъятиями, установленными в Экологическом кодексе Республики Казахстан и иных нормативных правовых актах. Согласно авторской позиции, по формальным признакам углеродные единицы в Казахстане могли бы быть отнесены к ценным бумагам, в частности для целей

определения правил, применимых к их обращению, налогообложению. Однако в законодательстве такого подхода не обнаружено.

Ключевые слова: углеродное регулирование, углеродные единицы, единицы квот, объекты гражданского права, биржевой товар, окружающая среда, квотирование выбросов, природоохранные мероприятия, углеродный офсет, субъект квотирования.

The article considers the system of creation and circulation of special objects of civil law, in particular carbon units, shows their role in ensuring the financing of environmental projects on the example of the Republic of Kazakhstan. Particular attention is focused on determining the order of their circulation and qualification as objects of civil law. The authors investigated the differences between the unit of carbon quota and carbon offset unit, compared with similar objects in the Russian legislation, namely the unit of fulfilment of greenhouse gas emission quotas and carbon unit. It is argued that in Russian law "carbon unit" is a narrower concept, the equivalent of the Kazakh "carbon offset unit" (paragraph 6 of Article 2 of the Law of the Russian Federation on limitation of greenhouse gas emissions). Based on the analysis, the conclusion is made about the property nature of carbon units and the possibility of applying to them the provisions of the general and special parts of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan with exceptions established in the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan and other normative legal acts. According to the author's position, according to the formal features of carbon units in Kazakhstan could be attributed to securities, in particular for the purposes of determining the rules applicable to their circulation, taxation. However, such an approach is not found in the legislation.

Keywords: carbon regulation, carbon units, carbon units, quota units, objects of civil law, exchange commodity, environment, emission quotas, environmental protection measures, hydrocarbon offset, quota subject.

Воздействие хозяйственной деятельности на природу с увеличением возможностей человека влечет все более глобальные, потенциально опасные и часто непредсказуемые последствия для окружающей среды. Неслучайно внимание специалистов сосредоточено на поиске механизмов, в том числе организационных и правовых, которые позволяют хотя бы минимизировать возможный ущерб. На международном и государственном уровнях принимают решения, призванные повлиять на производственную деятельность с целью снижения ее негативного следа. Одним из подобных механизмов традиционно служил механизм квотирования выбросов, который в последние несколько лет дополняется мерами, направленными на поощрение и создание

потоков финансирования эффективных природоохранных мероприятий.

Российский опыт регулирования, предусматривающий в том числе введение несколько лет назад двух самостоятельных объектов права, в частности углеродной единицы¹ и единицы выполнения квоты выбросов парниковых газов², различных по основаниям их появления, но предназначенных не только для учета выбросов/снижения выбросов, но и для включения их в оборот, рассмотрен в ранее опубликованных исследованиях³. Большой интерес представляет анализ регулирования соответствующих отношений в Республике Казахстан, в которой государство уделяет особое внимание регулированию выбросов и поглощению парниковых газов, созданию системы, обеспечивающей включение рыночных механизмов воздействия на хозяйствующих субъектов.

Исследование мировых выбросов парниковых газов за 1970–2018 гг. выделяет Казахстан среди двадцати первых стран по общему объему исторических выбросов, хотя его доля составляет 0,8 % от общемировых показателей⁴. В 2022 г. выбросы диоксида углерода на душу населения от ископаемого топлива и сектора промышленности составляли в Казахстане 14 тонн, что в три раза больше средних мировых показателей (4,7

¹ Об ограничении выбросов парниковых газов: федер. закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

² О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: федер. закон от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

³ Новоселова Л. А., Медведева Т. М. Углеродные единицы и единицы выполнения квоты выбросов парниковых газов как объекты гражданского оборота // Власть Закона. 2023. № 3 (55). С. 49; Новоселова Л. А., Медведева Т. М. Углеродные единицы как объекты гражданских прав // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 92.

⁴ Карточка климатического регулирования в Республике Казахстан. 2023. Сентябрь. С. 3. П. 1.2 // Центр международных и сравнительно-правовых исследований. URL: <https://iclr.ru/ru/publications/72> (дата обращения: 22.04.2024).

тонны), в России – 11,4 тонн на душу населения¹. Казахстан стал участником Парижского соглашения² по климату в 2016 г.

Положения, направленные на развитие «рынка углеродных единиц», введены в Экологический кодекс Республики Казахстан (далее – ЭК РК) на основании Закона от 3 декабря 2011 г. № 505-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по экологическим вопросам»³. Это позволило в 2013 г. ввести в действие механизм торговли единицами углеродного квотирования.

В редакции Экологического кодекса Республики Казахстан от 2 января 2021 г.⁴ внесены изменения в систему квотирования. Появился и механизм углеродного офсета, который позволяет компаниям привлекать дополнительное финансирование благодаря реализации проектов по сокращению выбросов парниковых газов или увеличению поглощений таких выбросов. Государственному регулированию в сфере выбросов и поглощений парниковых газов посвящена глава 20 ЭК РК.

В Казахстане понятие «углеродная единица» раскрыто как учетная единица углеродной квоты или углеродного офсета, равная тонне эквивалента диоксида углерода (п. 1 ст. 299 ЭК РК). В России «углеродная единица» – более узкое понятие, эквивалент казахстанской «единицы углеродного офсета» (п. 6 ст. 2 Закона об ограничении выбросов парниковых газов).

В Казахстане углеродная единица служит для учета двух категорий:

¹ Ritchie H., Roser M., Rosado P. CO₂ and Greenhouse Gas Emissions // Our World in Data. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions> (дата обращения: 22.04.2024).

² Парижское соглашение: заключено в г. Париже 12 декабря 2015 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.04.2024).

³ Байдельдинов Д. А. Реформа экологического законодательства: история и перспективы. Выступление на XVI Междунар. Атырауской правовой конф. «Недропользование – основа экономики Республики Казахстан» (26 апреля 2019 г.) // Zakon.kz. Параграф Online: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36444870 (дата обращения: 22.04.2024).

⁴ Экологический кодекс Республики Казахстан: закон от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК (с изм. и доп. по состоянию на 04.04.2024) // Казахстанская правда. 2021. 5 января.

- 1) углеродной квоты (единица углеродной квоты, ЕУК);
- 2) углеродного офсета (единица углеродного офсета, офсетная единица, ОЕ).

Появление и обращение ЕУК ограничено регулируемыми секторами экономики Казахстана (среди них – электроэнергетическая, нефтегазовая, горнодобывающая, металлургическая и химическая промышленность, а также обрабатывающая промышленность в аспекте производства цемента, извести, гипса и кирпича) и кругом субъектов (самые крупные компании). ОЕ могут появляться в любых секторах национальной экономики с неограниченным кругом субъектов. При этом появление углеродных офсетов не допускается для видов деятельности, в отношении которых действует углеродное квотирование (абз. 2 п. 1 ст. 298 ЭК РК).

В России механизм квотирования с рыночным компонентом ограничен территорией регионов, в которых проводится эксперимент (в настоящее время только Сахалинская область), тогда как в Казахстане такого ограничения не введено. Под ЕУК понимают углеродную единицу, применяемую для исчисления объема углеродной квоты¹ (п. 5 ст. 289 ЭК РК). Под углеродным квотированием понимают установление государством в регулируемых секторах экономики на определенный период (период углеродного бюджетирования, на который рассчитан Национальный план углеродных квот, в частности пять последовательных календарных лет²) количественного ограничения совокупного объема выбросов диоксида углерода (квотируемых выбросов парниковых газов), осуществляемых на определенных объектах государственного регулирования («квотируемые установки» – стационарный источник выбросов

¹ Углеродная квота – это объем выбросов CO₂, установленный для квотируемой установки на период действия Национального плана углеродных квот, зачисленный на счет оператора квотируемой установки в государственном реестре углеродных единиц (п. 4 ст. 289 ЭК РК).

² Об утверждении национального плана углеродных квот: приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 11 июля 2022 г. № 525 // Информ.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028798> (дата обращения: 22.04.2024).

парниковых газов или несколько стационарных источников выбросов парниковых газов, связанных между собой единым технологическим процессом и размещенных на одной промышленной площадке, объем выбросов CO₂ которых превышает установленный в ЭК РК предел – 20 тыс. тонн).

Субъектом квотирования выступает «оператор квотируемой установки», то есть физическое или юридическое лицо, в собственности или ином законном пользовании которого находится установка. Механизм квотирования является обязательным для указанных субъектов, поскольку им запрещена эксплуатация установок без получения углеродных квот (п. 6 ст. 289 ЭК РК).

Понятие «углеродное квотирование» включает в себя как установление квот, так и распределение этих квот среди субъектов квотирования. В свою очередь, формирование углеродной квоты у субъектов производится в результате распределения квот со стороны государства или за счет приобретения субъектами углеродных единиц на углеродном рынке.

Субъект может получить ЕУК на условиях их бесплатного распределения, запросив дополнительную углеродную квоту в случае увеличения мощности квотируемой установки (ст. 295 ЭК РК), посредством приобретения на аукционе или путем заключения договора купли-продажи углеродных единиц. Полученные единицы углеродной квоты субъекты вправе распределять между своими установками, переносить между отчетными периодами, продавать или покупать. Не подлежат продаже единицы углеродной квоты, образованные за счет снижения мощности квотируемой установки (п. 9 ст. 289 и п. 8 ст. 295 ЭК РК). Такие единицы подлежат возврату в резерв Национального плана углеродных квот.

ЕУК имеет ограниченный срок действия: неиспользованные единицы не переносятся в следующий Национальный план углеродных квот (п. 8 ст. 291 ЭК РК), в отличие от ОЕ, действие которых не ограничено во времени, если такое ограничение не введено на момент их ввода в обращение (п. 6 ст. 298 ЭК РК). Прекращение действия ЕУК – это ее «погашение», то есть изъятие из обращения путем списания со счета субъекта квотирования и зачисления на счет погашения квот в государственном реестре углеродных единиц (ст. 292 ЭК РК). Операция по погашению ЕУК производится ежегодно по окончании отчетного периода, но

неиспользованные ЕУК можно перенести на следующий отчетный период в рамках одного Национального плана углеродных квот.

ЭК РК также предусматривает процедуру оформления правопреемства в случае смены оператора квотируемой установки путем подачи заявления на внесение изменений в государственный реестр углеродных единиц (ст. 296 ЭК РК). Как указано в п. 11 ст. 289 ЭК РК, в случае превышения установленной углеродной квоты субъект квотирования вправе компенсировать недостаток в углеродной квоте приобретенными углеродными единицами, дополнительной углеродной квотой и (или) офсетными единицами.

В России также в случае, если выбросы компании – участника климатического проекта превышают положенную ему квоту, он может купить единицу выполнения квоты у другого участника проекта, получившего разрешение на выпуск единиц, в связи с тем, что его выбросы оказались ниже положенной квоты. Такой рыночный компонент системы регулирования пока находится на стадии становления (будет введен в 2025 г.). Важно дополнить, что для выполнения квот можно использовать и углеродные единицы, то есть аналог казахских углеродных офсетов. Углеродные единицы могут быть проданы как по итогам организованных торгов, так и путем заключения прямых договоров.

Под углеродным офсетом понимают сокращение выбросов парниковых газов и (или) увеличение поглощений парниковых газов, достигнутые в результате осуществления деятельности или видов деятельности в любых секторах экономики в Республике Казахстан, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и (или) увеличение поглощений парниковых газов (п. 1 ст. 298 ЭК РК). Соответственно, офсетная единица – это углеродная единица, применяемая для целей исчисления углеродного офсета (п. 4 ст. 298 ЭК РК).

Субъектом отношений в данном случае выступает любое физическое или юридическое лицо, осуществляющее деятельность или виды деятельности в любых секторах национальной экономики, направленные на сокращение выбросов парниковых газов и (или) увеличение поглощений парниковых газов (ст. 298 ЭК РК). При этом дополнительная форма отчетности предусмотрена для одной категории субъектов, в частности так называемых операторов администрируемой установки (ст. 301 ЭК РК). Последняя отличается от квотируемой установки

меньшим объемом годовых выбросов CO₂ (от 10 до 20 тыс.), но также относится к регулируемым секторам экономики.

В отличие от ЕУК, общее количество которых устанавливает уполномоченный орган в области охраны окружающей среды в документе (Национальном плане углеродных квот), а затем распределяет среди субъектов или оставляет в резерве для продажи на торгах, введение в обращение офсетных единиц основано на волеизъявлении субъектов рынка. Компании представляют в уполномоченный орган разработанные ими проекты, что в случае их одобрения приводит к предоставлению офсетных единиц¹.

Как указано в ЭК РК, углеродная единица обоих видов (единица углеродной квоты, офсетная единица) является товаром, разрешенным для оборота между ограниченным кругом субъектов углеродного рынка в Республике Казахстан (ст. 299 ЭК РК). Согласно п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса (далее – ГК) РК к имущественным благам и правам (имуществу) относятся вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество. Общие положения о купле-продаже установлены в главе 25 Особенной части ГК РК. Так, не вызывают сомнений имущественная природа углеродных единиц и применение к ним положений Общей и Особенной частей ГК РК с изъятиями, установленными в ЭК РК и иных нормативных правовых актах.

¹ Об утверждении Правил одобрения углеродного офсета и предоставления офсетных единиц: приказ исполняющего обязанности Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 5 ноября 2021 г. № 455 // Информ.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100025074> (дата обращения: 22.04.2024).

² Гражданский кодекс Республики Казахстан: закон от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ (с изм. и доп. по состоянию на 23.12.2023) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1994. № 23-24 (приложение); Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон от 1 июля 1999 г. № 409 (с изм. и доп. по состоянию на 23.01.2024) // Казахстанская правда. 1999. 17 июля.

Все операции с углеродными единицами (зачисление ЕУК, введение в обращение ОЕ, погашение ЕУК) регистрируют в государственном реестре углеродных единиц, который формирует и ведет оператор системы торговли углеродными единицами, то есть подведомственная организация по регулированию выбросов парниковых газов уполномоченного органа в области охраны окружающей среды, обеспечивающая техническое и экспертное сопровождение государственного регулирования и международного сотрудничества в сфере выбросов и поглощений парниковых газов (ст. 288 ЭК РК).

Поскольку в ранее опубликованных исследованиях об углеродных единицах в России проведено сравнение между углеродными единицами и бездокументарными ценными бумагами, представляет интерес возможность соотнесения соответствующих объектов в Республике Казахстан с категорией ценных бумаг. В соответствии со ст. 129 ГК РК ценная бумага – это совокупность определенных записей и других обозначений, удостоверяющих имущественные права. Бездокументарные ценные бумаги – ценные бумаги, выпущенные в бездокументарной форме, то есть в виде совокупности электронных записей (ст. 129 ГК РК). Подтверждением права на бездокументарную ценную бумагу служит выписка со счета, открытого в целях ее учета у профессионального участника рынка ценных бумаг, который уполномочен на регистрацию сделок с ценными бумагами в соответствии с выданной ему лицензией или в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан (п. 2 ст. 130 ГК РК).

Таким образом, по формальным признакам (совокупности записей, удостоверяющих права) углеродные единицы в Казахстане могли бы быть отнесены к ценным бумагам, в частности для целей определения правил, применимых к их обращению, налогообложению. Однако в законодательстве этого подхода не обнаружено.

В качестве субъектов углеродного рынка в ЭК РК приведены субъекты квотирования, физические и юридические лица, участвующие в реализации углеродных офсетов, а также оператор системы торговли углеродными единицами (ст. 299 ЭК РК). Определение лиц, участвующих в реализации углеродных офсетов, представляется широким, не ограничено лицами, которые выполняют виды деятельности, направленные на сокращение выбросов парниковых газов или увеличение

поглощений таких выбросов, то есть становится возможным участие третьих лиц¹. Оператор осуществляет продажу единиц из резерва на условиях аукциона, посредством аукциона, может покупать углеродные единицы через товарную биржу.

Углеродный рынок в Казахстане разделен на первичный и вторичный. Согласно п. 4 ст. 299 ЭК РК:

– на первичном углеродном рынке оператор системы торговли углеродными единицами осуществляет продажу единиц углеродной квоты из соответствующей категории резерва Национального плана углеродных квот субъектам углеродного рынка на условиях аукциона;

– на вторичном углеродном рынке субъекты углеродного рынка осуществляют между собой куплю-продажу углеродных единиц посредством прямой сделки или через товарную биржу.

В соответствии с п. 2 ст. 116 ГК РК виды имущества, отчуждение которых не допускается (изъятие из оборота), должны быть прямо указаны в законах. Как гласит п. 10 ст. 299 ЭК РК, углеродные единицы, которые аннулированы, погашены, изъяты из обращения или выведены из обращения по решению уполномоченного органа в области охраны окружающей среды, не могут быть объектом торговли. Не могут быть также проданы единицы углеродной квоты, образованные за счет снижения мощности квотируемой установки. Они подлежат возврату в резерв Национального плана углеродных квот (п. 8 ст. 295 ЭК РК).

Предполагается, что на российском рынке стоимость углеродной единицы определяется участниками рынка как результат спроса и предложения². В Казахстане для вторичного углеродного рынка, на котором допустимы как биржевая торговля, так и прямые сделки, утверждены Правила торговли

¹В публикации под названием «Торговля квотами на выбросы парниковых газов в РК» (сентябрь 2021 г.) среди участников торговли ЕУК названы операторы установок, инвесторы проектов, третьи лица, указанные инвесторами, новые операторы установок. См.: Торговля квотами на выбросы парниковых газов в РК // АО «Товарная биржа «Каспий». 2021. Сентябрь. URL: <https://csx.kz/?ysclid=lx9hwtwmko621415296> (дата обращения: 22.04.2024).

²Реестр углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/ru/> (дата обращения: 22.04.2024).

углеродными единицами¹. Согласно этим Правилам торговли цена в договоре купли-продажи должна быть не ниже уровня биржевой котировки единицы углеродной квоты и офсетной единицы на день совершения сделки (п. 9 ст. 299 ЭК РК, п. 30 Правил торговли). Для биржевой торговли углеродными единицами также применяют общие Типовые правила биржевой торговли, утвержденные приказом исполняющего обязанности Министра национальной экономики Республики Казахстан от 30 марта 2015 г. № 280.

Библиографический список

1. Байдельдинов Д. А. Реформа экологического законодательства: история и перспективы. Выступление на XVI Междунар. Атырауской правовой конф. «Недропользование – основа экономики Республики Казахстан» (26 апреля 2019 г.) // *Zakon.kz*. Параграф Online: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36444870 (дата обращения: 22.04.2024).

2. Новоселова А. А., Медведева Т. М. Углеродные единицы как объекты гражданских прав // *Власть Закона*. 2023. № 1 (53). С. 92–104.

3. Новоселова А. А., Медведева Т. М. Углеродные единицы и единицы выполнения квоты выбросов парниковых газов как объекты гражданского оборота // *Власть Закона*. 2023. № 3 (55). С. 49–58.

4. Реестр углеродных единиц. URL: <https://carbonreg.ru/ru/> (дата обращения: 22.04.2024).

5. Торговля квотами на выбросы парниковых газов в РК // АО «Товарная биржа “Каспий”». 2021. Сентябрь. URL: <https://csx.kz/?ysclid=lx9hwtwmko621415296> (дата обращения: 22.04.2024).

6. Карточка климатического регулирования в Республике Казахстан. 2023. Сентябрь. С. 3. П. 1.2 // Центр международных

¹Правила торговли углеродными единицами: утв. приказом исполняющего обязанности Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 29 июня 2021 г. № 221 // Информ.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (дата обращения: 22.04.2024).

исследований и сравнительно-правовых исследований. URL: <https://iclr.ru/ru/publications/72> (дата обращения: 22.04.2024).

7. Ritchie H., Roser M., Rosado P. CO₂ and Greenhouse Gas Emissions // Our World in Data. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions> (дата обращения: 22.04.2024).

В. Ф. Попондопуло

заведующий кафедрой коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Россия, г. Санкт-Петербург
v.popondopulo@spbu.ru

Лю Цюсэнь

преподаватель Института прав человека,
Юго-Западный университет политики и права,
кандидат юридических наук
Китайская Народная Республика, г. Чунцин
adelelg@126.com

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО РОССИИ И КИТАЯ:
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

**THE INTERNATIONAL PRIVATE LAW OF RUSSIA AND
CHINA: MAIN LEGISLATIVE APPROACHES**

В статье проведено сравнение основных законодательных подходов и практики регулирования международных частных отношений в России и Китае, возможного взаимного использования национального опыта. Сравнительный анализ положений российского и китайского законодательства представляет интерес для России и Китая, что обусловлено развитием многообразных внешнеэкономических связей между странами: развитием торговых отношений, ростом числа трудовых мигрантов, количества смешанных браков, количества дел, связанных с оформлением наследства, и др. Предметом исследования являются российское и китайское законодательство, регулирующие международные частные отношения, а также практика высших судебных и иных государственных органов России и Китая. По итогам проведенного анализа законодательных подходов и практики регулирования международных частных отношений в России и Китае выявлены тенденции их развития и обоснованы предложения по возможному взаимному использованию опыта с целью дальнейшего совершенствования национальных законодательств этих государств, регулирующих международные частные отношения. Исследование имеет научную и практическую значимость, поскольку выводы, предложения и рекомендации, содержащиеся в статье, могут быть использованы при

дальнейшей разработке национальных законодательных и иных нормативных актов, регулирующих международные частные отношения с учетом лучших национальных практик такого регулирования в России и Китае. В целом в статье констатируется, что национальное законодательство России и Китая, регулирующее отношения, осложненные иностранным элементом, развивается в основном в соответствии с мировыми тенденциями, определяемыми политикой либерализации и государственного протекционизма. Различия в системах международного частного права России и Китая, порой существенные, следует учитывать в процессе развития многообразных внешнеэкономических связей между ними. В частности, российскому законодателю, возможно, следовало бы обратить внимание на более широкое использование в законодательстве принципа автономии воли, а китайскому законодателю – на возможность восприятия концепции функционального иммунитета и смягчения защитных мер в отношении участия иностранных лиц в экономике Китая.

Ключевые слова: Россия, Китай, международное частное право Китая, международное частное право России, принцип автономии воли, тенденции развития международного частного права, политика либерализации, государственный протекционизм, концепция функционального иммунитета, меры правовой защиты.

The article compares the main legislative approaches and practices of regulation of international private relations in Russia and China, possible mutual use of national experience. Comparative analysis of the provisions of Russian and Chinese legislation is of interest for Russia and China, which is due to the development of diverse foreign economic relations between the countries: the development of trade relations, the growing number of labour migrants, the number of mixed marriages, the number of inheritance cases, etc. The subject of the study is Russian and Chinese legislation regulating international private relations, as well as the practice of the highest judicial and other state bodies of Russia and China. Based on the results of the analysis of legislative approaches and practice of regulation of international private relations in Russia and China, the trends of their development are revealed and proposals for possible mutual use of experience are substantiated in order to further improve the national legislations of these states regulating international private relations. The research has scientific and practical significance, since the conclusions, proposals and recommendations contained in the article can be used in the further development of national legislative and other normative acts regulating international private relations, taking into account the best national practices of such regulation in Russia and China. In general, the article states that the national legislation of Russia and China, regulating relations complicated by a foreign element, is developing mainly in accordance with global trends determined by the policy of liberalisation and state protectionism. Differences in the systems of private international law of

Russia and China, sometimes significant, should be taken into account in the process of development of diverse foreign economic relations between them. In particular, the Russian legislator should probably pay attention to the wider use of the principle of autonomy of will in the legislation, and the Chinese legislator - to the possibility of accepting the concept of functional immunity and mitigating protective measures with regard to the participation of foreign persons in the Chinese economy.

Keywords: Russia, China, Chinese private international law, private international law of China, private international law of Russia, principle of autonomy of will, trends in the development of private international law, liberalisation policy, state protectionism, concept of functional immunity, legal protection measures.

Введение

Состояние правового режима международных отношений зависит от государственной политики и находится в диапазоне между либерализацией и государственным протекционизмом¹. В настоящее время наблюдается тенденция спада экономической либерализации и усиления государственного регулирования. Причиной этого является применение недружественными государствами экономических санкций в отношении и России, и Китая. Данная тенденция характеризует также развитие международного частного права России и Китая.

Системы международного частного права разных стран, включая Россию и Китай, имеют свои особенности, изучение которых позволяет оценить их с точки зрения возможного взаимного использования опыта законодательного регулирования и практики его применения. Анализ положений китайского законодательства представляет, несомненно, интерес для России, что обусловлено развитием многообразных внешнеэкономических связей между странами: развитием торговых отношений, ростом числа трудовых мигрантов, количества смешанных браков, количества дел, связанных с оформлением наследства, и др.

¹См.: Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право / пер. с франц. В. П. Серебrenникова, В. М. Шумилова. М.: Международные отношения, 2001. С. 4-6.

Основная часть

Возрастающее в мировой экономике явление глобализации, с которым не могут не считаться государства, определяет основную тенденцию развития международного частного права и в России, и в Китае, в частности его гуманизацию и либерализацию. Цель международного частного права, обусловленного, как и всякое право, социумом, на всех этапах его развития заключается в содействии общению народов разных стран, преодолении коллизии материального и процессуального права разных государств¹.

Непосредственное влияние на развитие права той или иной страны, его задачи и тенденции оказывают как социально-экономические и политические процессы, происходящие в международном сообществе, так и соответствующие процессы, происходящие в конкретной стране. Это влечет противоречия в тенденциях развития международного частного права.

Основные подходы законодательного регулирования международных частных отношений в России и Китае выражены, в частности, в гуманизации и либерализации международных отношений; расширении сферы регулирования международного частного права; унификации и гармонизации международного частного права; систематизации и кодификации национальных норм международного частного права; доместикации международного частного права. Рассмотрим их подробнее.

Гуманизация и либерализация международных отношений проявляется в том, что в центр внимания международного регулирования ставят человека, его права и интересы. Однако в разных странах эта тенденция может интерпретироваться по-разному, в зависимости от отношения государства к обеспечению прав человека. Участие страны в международном разделении труда и международном сотрудничестве определяет ее стремление вступать в различные международные соглашения. Например, вступление Китая и

¹ Ануфриева Л. П. Философия международного частного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век: материалы конф. / под ред. С. В. Бахина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 271.

России в различные соглашения Всемирной торговой организации (ВТО) потребовало от них приведения национального законодательства в соответствие с правилами ВТО, хотя и с известными оговорками.

На развитие национального права влияют усиливающиеся процессы международной мобильности населения, трудовых ресурсов и компаний, активность научного, образовательного и культурного обмена. Увеличивается количество споров с иностранным участием, особенно торговых споров, рассматриваемых национальными судами и коммерческими арбитражами. Все это характерно для развития международного частного права России и Китая.

Гуманизация отношений, осложненных иностранным элементом, находит отражение в либерализации международного частного права: переходе норм международного частного права России и Китая от жестких коллизионных привязок к более гибким, сокращении императивных и односторонних коллизионных привязок и, соответственно, расширении диспозитивных и двусторонних привязок. Речь идет прежде всего об *усилении принципа автономии воли* сторон соглашения в регулировании отношений, распространении этого принципа на новые виды отношений (брачные контракты, трудовые договоры и др.), повышении значения принципа наиболее тесной связи отношений с определенным правопорядком.

В законодательстве, регулирующем отношения с иностранным элементом, гуманизация и либерализация международного частного права проявляется в расширении сферы регулирования международного частного права, его унификации, гармонизации, систематизации и доместикации¹.

Расширение сферы регулирования международного частного права, как в России, так и в Китае, прослеживается в том, что в орбиту международного частного права вовлекаются новые виды отношений, осложненных иностранным элементом: например, отношения, связанные с электронной торговлей, информационными технологиями, космической деятельностью, трансграничным банкротством и др.

¹ См.: Аничкин Е. С. Международное частное право начала XXI века: универсальные векторы развития // Известия АлтГУ. 2015. № 2. С. 19.

Унификация и гармонизация международного частного права выражена в снижении роли коллизионных норм и повышении роли материальных норм, в увеличении диспозитивных материальных норм, регулирующих отношения, осложненные иностранным элементом. Распространение получают оценочные правовые категории, такие как «существо отношений», «право контракта», «разумный срок», «намерения сторон» и др.

Как указано ранее в статье, усиливается значение многосторонних и двусторонних международных договоров, особенно в области международного коммерческого права. Например, Россия и Китай участвуют в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (1980), Марракешском соглашении об учреждении ВТО (1994) и ряде других универсальных и двусторонних соглашений.

Рассматриваемая тенденция находит отражение в создании единообразных коллизионных и материальных норм в праве разных стран¹, что позволяет решить проблему выбора применимого права. Основными международными организациями, которые занимаются разработкой единообразных коллизионных и материальных норм международного частного права, выступают Гаагские конференции по международному частному праву, Международный институт унификации частного права (УНИДРУА), Комиссия Организации Объединенных Наций (ООН) по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и др.

Например, сближению норм материального права разных стран, направленному на устранение или уменьшение его различий, способствует разработка и принятие унифицированных правил международного торгового права, имеющих рекомендательный характер. К числу таких актов относятся, в частности, Принципы международных коммерческих контрактов, разработанные УНИДРУА. Такие нормы, не являясь обязательными для применения, после их

¹ Кудашкин В. В. Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 135; Остроумов Н. Н. Проблемы унификации международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 140.

включения в качестве условия в контракт существенно сужают применение коллизионных норм, нивелируют национальные особенности правового регулирования международных частных отношений.

Сближению норм материального права разных стран способствует также разработка модельных законодательных актов, нормы которых рекомендованы для включения в национальное законодательство. Примерами модельных законодательных актов служат Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже 1985 г., Модельный закон для государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) о публично-частном партнерстве 2015 г.

Систематизация и кодификация национальных норм международного частного права. Существенно изменяется внутреннее (национальное) законодательство России и Китая, регулирующие отношения, осложненные иностранным элементом. Наблюдается тенденция его систематизации и кодификации. Это выражено в сведении указанных норм к единству путем их внешней обработки (систематизации) или внутренней обработки их содержания (кодификации).

Российское законодательство в области международного частного права развивается в основном в соответствующих разделах отраслевых кодексов и иных законодательных актов. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), наряду с общими нормами (о лицах, вещах, сделках, наследовании и т. д.), применяемых к международным частным отношениям, содержится специальный раздел VI «Международное частное право», состоящий преимущественно из коллизионных норм. Коллизионные нормы разделены на общие, сосредоточенные в основном в главе 66 ГК РФ, и специальные, содержащиеся в главе 67 «Право, подлежащее применению при определении правового положения лиц» и главе 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям». Общие коллизионные нормы включают в себя нормы об определении применимого права, квалификации юридических понятий при определении применимого права, установлении содержания норм иностранного права, взаимности, обратно отсылке, применении императивных норм, оговорке о публичном порядке, реторсиях. Таким образом, международное частное право в России кодифицировано и представлено единым ГК РФ.

В российской юридической науке обсуждают вопросы об отнесении к международному частному праву таких подразделений права, как *коммерческое право, семейное право, трудовое право, а также права, регулирующие публичные отношения, осложненные иностранным элементом*¹.

Нормы, регулирующие предпринимательские, семейные и трудовые отношения, осложненные иностранным элементом, систематизированы соответственно в разделе VI «Международное частное право» ГК РФ, разделе VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» Семейного кодекса (СК) РФ и главе 50.1 «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» Трудового кодекса (ТК) РФ.

Поскольку рассматриваемые отношения служат составной частью предмета частноправового регулирования, к ним подлежат применению не только специальные нормы указанных кодексов и других законов, но и общие нормы ГК РФ, СК РФ, ТК РФ. Например, нормы о торговых сделках, являются специальными, но это не исключает применения к соответствующим отношениям общих норм ГК РФ о сделках и договорах в части, не противоречащей специальным нормам о торговых сделках с иностранцами.

Таким образом, *международное коммерческое право, международное семейное право, международное трудовое право* – это подразделения международного частного права.

Нормы международного права содержатся в ряде иных федеральных законов: Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Федеральном законе от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральном законе от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», Федеральном законе от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», Законе РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» и др.

¹ Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права РФ. Иркутск: РИЦ ИГУ, 2006. С. 16, 21.

Возникают также вопросы о природе права, регулирующего *публичные отношения, осложненные иностранным элементом* (административного права, уголовного права, гражданско-процессуального права, административно-процессуального права, уголовно-процессуального права), которое ряд авторов относят к международному частному праву¹. Представляется, что указанные подразделения права не относятся к международному частному праву. Например, *международный гражданский процесс* относится к национальному публичному праву, поскольку отношения между судом как органом государственной власти и иностранными лицами, участвующими в гражданском деле, являются властными отношениями.

Нормы, регулирующие международный гражданский процесс, входят в состав гражданского процессуального права как отрасли национального права². Именно этим объясняется расположение норм о международном гражданском процессе в процессуальных кодексах: раздел V «Производство по делам с участием иностранных лиц» Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ и раздел V «Производство по делам с участием иностранных лиц» Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ.

Вместе с тем, если разбирательство спора, возникающего из гражданского правоотношения, осложненного иностранным элементом, осуществляется *в частном порядке*, путем посредничества или арбитража (третейского разбирательства), то нормативные положения, регламентирующие такое разбирательство, относятся к международному частному праву. Например, в соответствии с ГК РФ особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже (абз. 2 п. 1 ст. 1186).

В *Китае*, как и во многих других странах мира (например, Австрии, Венгрии, Италии, Польше, Румынии, Турции, Чехии, Швейцарии, Японии), нормы международного частного права

¹ Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2022. С. 16.

² Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марьшевой. М.: Контракт, 2018. С. 513.

систематизированы в отдельном Законе Китайской Народной Республики (КНР) о международном частном праве (МЧП) 2010 г.

В условиях определенных социальных и исторических причин до принятия Закона КНР о МЧП нормы международного частного права были децентрализованы и содержались в разных нормативных актах. В 2020 г. принят ГК КНР, послуживший основанием для новой систематизации норм, регулирующих также международные частные отношения. Одновременно с кодификацией нового ГК КНР предлагалось кодифицировать и международные частные отношения путем принятия отдельного Кодекса международного частного права, но пока такие предложения не нашли отклика у законодателя¹. Основным законом в области международного частного права остается Закон КНР о МЧП, многие положения которого разъяснены Верховным народным судом КНР.

Закон КНР о МЧП состоит из восьми глав. В них регламентированы:

1) общие начала международного частного права (виды иностранных элементов, пределы применения иностранного права, определяемые оговоркой о публичном порядке и сверхимперативными нормами, интерлокальные коллизии, конфликт квалификации, обратная отсылка, установление содержания норм иностранного права, исковая давность);

2) порядок определения права, применимого к физическим и юридическим лицам, как субъектам гражданских отношений, осложненных иностранным элементом;

3) порядок определения права, применимого к трансграничным брачно-семейным и наследственным отношениям;

4) порядок определения права, применимого к вещным правам и трастам;

¹ 丁伟: 《论中国国际私法立法体系的和谐发展——制定〈涉外民事关系法律适用法〉引发的几点思考》·载《东方法学》2009年第4期。頁 3 - 8 = Дин Вэй. О гармоничном развитии законодательной системы международного частного права Китая. Некоторые соображения по формулировке Закона КНР о МЧП // Восточное правоведение. 2009. № 4. С. 3. На кит. яз.

5) порядок определения права, применимого к имущественным правам;

6) порядок определения права, применимого к арбитражным соглашениям;

7) порядок определения права, применимого к договорным и внедоговорным обязательствам;

8) порядок определения права, применимого к отношениям в сфере права интеллектуальной собственности.

В Китае, как и в России, право- и дееспособность физического лица определяется его личным законом, то есть правом страны, гражданство которой это лицо имеет. Установление личного закона юридических лиц осуществляется по праву места их регистрации, а в случае несовпадения места регистрации компании и места ее деятельности – по праву страны, на территории которой она преимущественно осуществляет деятельность.

Вещные права относительно недвижимого имущества, по китайскому законодательству, как и в России, определяются по праву страны, на территории которой такое имущество находится. Право, применимое к движимому имуществу, определяется принципом автономии воли сторон, что не свойственно большинству государств, включая Россию (ст. 1205 ГК РФ, ст. 37 Закона КНР о МЧП).

Как и в большинстве зарубежных стран, в России и Китае основополагающим началом коллизионного регулирования выступает принцип наиболее тесной связи, который используют для выбора права, применимого к международным договорам, ценным бумагам, транснациональным корпорациям, международным отношениям, для которых в Законе отсутствуют специальные коллизионные нормы.

Указанный принцип применяют также к международным договорным обязательствам. Однако в Законе КНР о МЧП установлена лишь *общая презумпция наиболее тесной связи*, предполагающая применение права той страны, в которой на момент заключения договора находилось место жительства или основное место деятельности стороны, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (ст. 41).

Специальные презумпции, предназначенные для выбора права к отдельным видам международных договоров (купли-продажи, подряда, аренды, займа, страхования, лизинга,

хранения, поручительства, передачи долговых обязательств, договорам, заключаемым на аукционе, и др.), предусмотрены не в Законе КНР о МЧП, а в Разъяснении Судебного комитета Верховного народного суда КНР от 10 декабря 2012 г. № 1 «Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР о МЧП»¹.

В Законе КНР о МЧП, как и в законодательстве большинства стран, включая Россию, придают важное значение принципу автономии воли, на основе которой участники отношений, осложненных иностранным элементом, осуществляют выбор применимого права. Вместе с тем китайское законодательство отличается двумя существенными особенностями.

С одной стороны, в Законе КНР о МЧП сфера действия принципа автономии воли определена значительно шире, чем в России и многих других странах, поскольку указанный принцип распространен даже на сферы, в которых выбор права традиционно осуществляется на основе императивных коллизионных норм. Это трасты, супружеская собственность, развод по обоюдному согласию, движимое имущество, имущество в пути, арбитражные соглашения, обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения, договоры, связанные с передачей прав интеллектуальной собственности и др.

С другой стороны, в отличие от законодательства России и многих стран, в которых соглашение сторон о выборе применимого права может быть выражено прямо или вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела (например, п. 2 ст. 1210 ГК РФ), китайский законодатель

¹ См.: 最高人民法院关于适用《中华人民共和国民事诉讼法涉外关系法律适用法》若干问题的解释(一) = Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР о МЧП // Китайская судебная сеть. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2021/10/id/6328619.shtml> (дата обращения: 20.02.2023); Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР о МЧП // Факультет права НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/data/2019/04/16/1176662452/Китай%20разъяснения.pdf> (дата обращения: 26.07.2023). На кит. яз.

устанавливает ограничение принципа автономии воли требованием о том, чтобы выбор применимого права был очевидным и недвусмысленным в соглашении сторон. Другие способы выражения автономии воли сторон (например, ссылка сторон в их переписке на одно и то же применимое право) недопустимы.

К существенным особенностям Закона КНР о МЧП, отличающего его от законодательства большинства стран, включая Россию, отнесены правила, имеющие целью повышенную защиту национальных экономических интересов Китая. В частности, правила о неприменении обратной отсылки; об ограничении способов решения проблемы конфликта квалификации исключительно квалификацией по праву страны суда; о запрете выбора иностранного применимого права по некоторым сделкам с участием иностранных лиц, позволяющих им приобрести контроль в китайских компаниях либо контроль при освоении природных ресурсов и т. д.¹ В отличие от большинства государств, принявших концепцию функционального иммунитета, Китай придерживается доктрины абсолютного иммунитета², не допуская подчинения иностранного государства юрисдикции своих судов, за исключением случаев, если государством дано согласие на это.

Следует обратить внимание и на то, что Закон КНР о МЧП содержит ряд коллизионных норм, не нашедших закрепления в российском законодательстве. Среди них – правила выбора права: для трастов (применяется принцип автономии воли, а в случае отсутствия соглашения о применимом праве применяют право страны, на территории которой находится имущество, переданное в траст, либо право места учреждения траста); для ценных бумаг (применяют право страны, в которой права из ценных бумаг будут осуществляться, либо право страны, имеющей наиболее тесную связь с отношением).

¹ Варавенко В. Е. Традиции и новации в коллизионно-правовом регулировании договорных обязательств в международном частном праве Китая // Международное публичное и частное право. 2010. № 1. С. 24.

² Dahai Qi State Immunity, China and Its Shifting Position // Chinese Journal of International Law. 2008. Vol. 7. No. 2. P. 307.

Наряду с Законом КНР о МЧП, международные частные отношения в Китае, как и в России, регулируются и иными законодательными актами: ГК КНР, Законом об авторском праве, Законом о патентном праве, Законом о товарных знаках, Законом о борьбе с недобросовестной конкуренцией, Законом об иностранных инвестициях, Законом о гражданском процессе, Законом об арбитраже и др.

Общие нормы ГК КНР подлежат применению к отношениям, регулируемым Законом КНР о МЧП, в той мере, в какой эти отношения не урегулированы или урегулированы не в полной мере указанным Законом. Нормы других законодательных актов, регулирующих отношения, осложненные иностранным элементом, являются специальными как по отношению к ГК КНР, так и по отношению к Закону КНР о МЧП, лишь при условии, что иные законодательные акты не содержат специальных норм относительно этого (ст. 2 Закона о МЧП). Такие положения предусмотрены, например, в Акте о торговом мореплаваннии (ст. 268–276), Акте об оборотных инструментах (ст. 94–101), Акте о гражданской авиации (ст. 184–190)¹.

Важную роль в обеспечении правильного толкования и применения норм международного частного права играют разъяснения высших судебных инстанций России и КНР. Однако, если разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»² носят характер разъяснения смысла законодательных норм, то разъяснения Судебного комитета Верховного народного суда КНР, являющиеся обязательными для всех нижестоящих судебных инстанций (ст. 5 Правил Верховного народного суда КНР), нередко, по существу, дополняют закон³. Так, в упомянутом

¹ Рязузов А. А. Новый закон КНР о международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2011. № 5. С. 44.

² О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 // Верховный Суд РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/28079/> (дата обращения: 04.11.2023).

³ Provisions of the Supreme People's Court on the Judicial Interpretation Work // LawInfoChina.com. URL:

ранее в статье Разъяснении Судебного комитета Верховного народного суда КНР от 10 декабря 2012 г. № 1 определены следующие составляющие:

– признаки понятия «иностранный элемент»: а) одной или обеими сторонами отношения являются иностранные граждане, лица без гражданства либо иностранные юридические лица; б) место жительства (нахождения) одной или обеих сторон находится за пределами территории КНР; в) спорное имущество находится за пределами КНР; г) юридический факт, ставший основанием возникновения, изменения или прекращения отношений, имел место за пределами территории КНР; д) имели место иные обстоятельства, при которых гражданское отношение может быть определено как осложненное иностранным элементом;

– действие норм публичного права, содержащихся в законодательных актах КНР. Указано, что такие нормы подлежат непосредственному применению к международным частным отношениям. К ним отнесены как нормы, определяющие публичный порядок (основные начала правовой системы КНР), так и нормы, направленные на защиту социальных интересов (интересов работников, обеспечение безопасности пищевых продуктов и здоровья населения, экологической безопасности, поддержание стабильности финансовой системы государства, защиту конкуренции и др.). Непосредственное действие норм публичного права не может быть исключено посредством соглашения сторон¹.

Международный гражданский процесс в Китае, как и в России, относится к национальному публичному праву, поскольку отношения между судом и иностранными лицами, участвующими в гражданском деле, являются властными отношениями. Нормы китайского законодательства, регулирующие международный гражданский процесс, входят в состав гражданского

<https://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=5970> (дата обращения: 20.02.2023).

¹ Leibkuchler P. Erste Interpretation des Obersten Volksgerichts zum neun Gesetz über das Internationale Privatrecht der VR China. Max Planck Private Law Research Paper No. 13/25 // Journal of Chinese Law (ZChinR). 2013. Vol. 20. No. 2. P. 89–98.

процессуального права Китая как отрасли национального права. Именно этим объясняется расположение указанных норм не в Законе КНР о МЧП, а в Законе КНР о гражданском процессе.

Применительно к нормативным положениям китайского законодательства, регламентирующим частное посредничество и третейское разбирательство споров, возникающих из гражданских правоотношений, осложненных иностранным элементом, укажем, что они, по-видимому, относятся всецело к международному частному праву.

Доместикация международного частного права проявляется в том, что нормы международного частного права толкуют и применяют в разных национальных правовых системах неодинаково, такие нормы приспособляются к интересам соответствующего государства. Смягчению этой тенденции способствуют правила квалификации юридических понятий, используемых в коллизионной норме, а также содержания норм иностранного права.

Так, согласно ГК РФ, при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий должно осуществляться в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом (ст. 1187). Квалификацию привязки коллизионной нормы следует проводить по закону суда до того, как разрешена проблема выбора подлежащего применению закона. После этого квалификация (толкование) объема коллизионной нормы должна осуществляться так, как она осуществляется в стране, закон которой подлежит применению к регулируемым отношениям. Согласно ГК РФ, при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ст. 1191). Любая отсылка к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не коллизионному праву соответствующей страны, за исключением случаев, если обратная отсылка иностранного права отсылает к российскому праву, определяющему правовое положение физического лица (ст. 1190).

В Китае обязанность установления содержания иностранного права, как и в России, возложена на государственные суды и иные компетентные органы. Однако в случае, если иностранное право избрано сторонами, его содержание определяют именно стороны. В случае отсутствия

возможности установления содержания применимого иностранного права применению подлежит китайское право.

Смягчению тенденции доместикации международного частного права могут способствовать дальнейшая унификация и гармонизация его правил; широкое применение обычаев, регулирующих отношения, осложненные иностранным элементом; разъяснения национальных норм международного частного права в решениях высших судебных инстанций (Верховного Суда РФ, Верховного народного суда КНР).

Заключение

Проведенный сравнительный анализ главных законодательных подходов и руководящей судебной практики регулирования международных частных отношений в России и Китае дает возможность сделать основной вывод о возможности взаимного использования и совершенствования национального опыта, поскольку между странами активно развиваются многообразные внешнеэкономические связи, в том числе торговые отношения, наблюдается рост числа трудовых мигрантов, количества смешанных браков, количества дел, связанных с оформлением наследства, и др.

Национальные законодательства России и Китая, регулирующие отношения, осложненные иностранным элементом, развиваются в основном в соответствии с тенденциями, характерными для большинства развитых стран мира и определяемыми политикой либерализации и государственного протекционизма. Вместе с тем системы международного частного права России и Китая характеризуются рядом отличий, анализ которых представляет несомненный интерес для дальнейшего развития международного частного права обеих стран, а в итоге – для развития многообразных внешнеэкономических связей между ними. В частности, российскому законодателю следует обратить внимание на возможность более широкого использования принципа автономии воли, а китайскому законодателю – на возможность восприятия концепции функционального иммунитета и смягчения защитных мер в отношении участия иностранных лиц в экономике Китая.

Библиографический список

1. Аничкин Е. С. Международное частное право начала XXI века: универсальные векторы развития // Известия АлтГУ. 2015. № 2. С. 19–23.
-
-

2. Ануфриева Л. П. Философия международного частного права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век: материалы конф. / под ред. С. В. Бахина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 271–290.

3. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб, и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2022. 672 с.

4. Варавенко В. Е. Традиции и новации в коллизионно-правовом регулировании договорных обязательств в международном частном праве Китая // Международное публичное и частное право. 2010. № 1. С. 24–26.

5. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право / пер. с франц. В. П. Серебренникова, В. М. Шумилова. М.: Международные отношения, 2001. 580 с.

6. Колобов Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права РФ. Иркутск: РИЦ ИГУ, 2006. 177 с.

7. Кудашкин В. В. Правовое регулирование международных частных отношений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 376 с.

8. Международное частное право: учебник / под ред. Н. И. Марышевой. М.: Контракт, 2018. 846 с.

9. Остроумов Н. Н. Проблемы унификации международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 140–143.

10. Рягузов А. А. Новый закон КНР о международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2011. № 5. С. 44–48.

11. 丁伟: 《论中国国际私法立法体系的和谐发展——制定〈涉外民事关系法律适用法〉引发的几点思考》, 载《东方法学》2009年第4期。頁 3–8 = Дин Вэй. О гармоничном развитии законодательной системы международного частного права Китая. Некоторые соображения по формулировке Закона КНР о МЧП // Восточное правоведение. 2009. № 4. С. 3–8. На кит. яз.

12. 最高人民法院关于适用《中华人民共和国民事诉讼法》若干问题的解释(一) = Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР о МЧП // Китайская судебная сеть. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2021/10/id/6328619.sh>

tml (дата обращения: 20.02.2023); Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР о МЧП // Факультет права НИУ ВШЭ. URL:

<https://pravo.hse.ru/data/2019/04/16/1176662452/Китай%20разъяснения.pdf> (дата обращения: 26.07.2023). На кит. яз.

13. Dahai Qi State Immunity, China and Its Shifting Position // Chinese Journal of International Law. 2008. Vol. 7. No. 2. P. 307–337.

14. Leibkuchler P. Erste Interpretation des Obersten Volksgerichts zum neun Gesetz über das Internationale Privatrecht der VR China. Max Planck Private Law Research Paper No. 13/25 // Journal of Chinese Law (ZChinR). 2013. Vol. 20. No. 2. P. 89–98.

С. В. Потапенко

декан юридического факультета
Кубанского государственного университета
имени А. А. Хмырова,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
potapenkosv@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ НА РЕЗУЛЬТАТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЕ
ЧЕЛОВЕКОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА**

**TO THE ISSUE OF COPYRIGHT ON THE RESULTS OF
INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED BY MAN WITH THE USE OF
ARTIFICIAL INTELLIGENCE**

В статье утверждается, что сфера интеллектуальных прав относится к важнейшим ресурсам российского государства и общества, позволяющим поступательно развивать научно-технический потенциал страны. Поэтому огромное значение имеет вопрос об авторских правах на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД), созданные человеком с применением искусственного интеллекта (далее – ИИ). Цель статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать проблемы, связанные с авторскими правами на РИД, созданные гражданином с использованием ИИ. Задача исследования – определить обладателя авторских прав на РИД, созданные в процессе творческого труда человеком при помощи систем ИИ путем правомерного ререйтинга фрагментов авторских текстов для включения их с указанием источника (ссылкой на автора) в производное произведение. Методология исследования включает в себя как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукцию, индукцию, метод системного анализа и др.), так и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-правовой и др.). В заключительной части исследования автор делает вывод о том, что право на РИД, сгенерированный нейросетью, принадлежит пользователю, который ее применил, задав необходимые настройки.

Ключевые слова: авторские права, результаты интеллектуальной деятельности, нейросети, искусственный интеллект, ререйтинг, производное произведение, интеллектуальная собственность.

The article argues that the sphere of intellectual property rights belongs to the most important resources of the Russian state and society,

allowing the progressive development of scientific and technological potential of the country. Therefore, the issue of copyright on the results of intellectual activity (hereinafter - RIA) created by man with the use of artificial intelligence (hereinafter - AI) is of great importance. The purpose of the article is to identify and analyse the problems related to copyright on RIA created by a citizen using AI. The task of the study is to determine the owner of copyright for RIAs created in the process of creative labour by a person with the help of AI systems by means of lawful rewriting of fragments of author's texts to include them with the indication of the source (reference to the author) in the derivative work. The research methodology includes both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, method of system analysis, etc.) and private-scientific methods (comparative-legal, formal-legal, etc.). In the final part of the study, the author concludes that the right to RIA generated by a neural network belongs to the user who applied it by setting the necessary settings.

Keywords: copyright, intellectual property, intellectual property results, neural networks, artificial intelligence, rewriting, derivative work, intellectual property.

Ответ на вопрос об авторских правах на результаты интеллектуальной деятельности, созданные гражданином с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ), полагаем необходимым начать с анализа высказанных в научной юридической литературе пяти основных правовых позиций.

Первая группа ученых пришла к выводу о том, что авторское право на РИД, созданные гражданином с использованием ИИ, должны принадлежать разработчикам систем ИИ. По мнению Э. П. Гаврилова, разработчики систем ИИ должны быть наделены правом авторства на результаты его деятельности в случае, если они соответствуют признакам, предъявляемым к объектам авторского права. При этом совсем не важно, мог ли разработчик предсказать итог деятельности искусственных нейронных сетей¹.

Е. В. Куликова также обращает внимание на то, что ИИ сам по себе не имеет творческого начала. Поэтому ни машина, ни лица, использующие ее или обладающие правом собственности на нее, не имеют отношения к процессу ее деятельности, в то время

¹ Гаврилов Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. С. 9.

как именно разработчики-авторы программы своим творческим трудом позволили ИИ создать уникальное произведение¹. Однако изложенный подход видится спорным и неоднозначным, поскольку разработчик ИИ не является непосредственным творцом произведения. Он создал лишь инструмент, который использован человеком для генерации контента. Но процесс творчества и интеллектуальные усилия по созданию произведения принадлежат человеку. Присвоение авторских прав разработчиком ИИ игнорирует роль и вклад человека, который использовал систему для создания произведения. Это противоречит базовым принципам авторского права, связанным с личностью творца².

Т. Дзедобов также пришел к выводу о том, что разработчик платформы ИИ не может быть автором сгенерированного ею контента, поскольку «он обладает авторскими правами на саму технологию, на ПО, которое представляет собой платформа. Однако творческого участия в создании самих произведений разработчик не принимает, он создает алгоритмы, на основе которых технология обучается и творит сама – в этом и заключается суть искусственного интеллекта и технологии нейросетей, имитирующих нейронные связи человеческого мозга»³.

В. А. Тормозова обоснованно полагает, что собственник программы, построенной на основе ИИ, и программа не могут быть признаны авторами результатов интеллектуальной деятельности системы ИИ. Только человек может и должен быть признан автором РИД искусственных нейронных сетей⁴.

¹ Куликова Е. В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

² Ивлев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 37.

³ Дзедобов Т. Авторские права на произведения, сгенерированные нейросетями // Закон.ру. 2022. 7 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2022/10/07/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sgenerirovannye_nejrosetyami (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Тормозова В. А. К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта автором результатов интеллектуальной деятельности // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10 (6). С. 66.

Нам представляется, что РИД создателя системы ИИ именно только нейронная сеть и является. Сгенерированный ею контент – результат работы этой сети. Творческий замысел создателя системы ИИ не направлен на создание конкретного контента, сгенерированного нейросетью по заданию пользователя. Поэтому вклад создателя искусственной нейронной сети в сгенерированный ею контент не является авторским. Его можно рассматривать лишь как опосредованный.

Вторая группа ученых предлагает признавать авторское право на РИД, созданные человеком с использованием ИИ, за как таковым ИИ. В 2020 г. суд города Шэньчжэнь в Китае вынес важное решение по вопросу авторских прав на контент, созданный с помощью ИИ. Суд постановил, что статьи, написанные ИИ, подлежат защите авторским правом. В этом деле компания скопировала текст, сгенерированный ИИ, заявив, что он не имеет автора, поскольку создан автоматически. Однако суд встал на противоположную сторону, обязав компанию удалить этот текст из своих официальных источников и выплатить компенсацию владельцу ИИ-системы как правообладателю. Таким образом, суд признал, что произведения, созданные с использованием ИИ, подпадают под действие авторского права¹. Однако в данном случае авторское право признано не за ИИ, а за владельцем ИИ-системы. К тому же в этом случае текст сгенерирован без участия пользователей искусственной нейронной сети.

В настоящее время не определен правовой статус ИИ, с одной стороны, как субъекта права, с другой – и как его объекта. Между тем от этого напрямую зависит, и потенциальная возможность ИИ быть рассмотренным в качестве автора сгенерированного им контента. Мы пока и с технической точки зрения, и с правовой далеки от того, чтобы признавать права за ИИ, а ИИ, соответственно, субъектом права². Хотя, если

¹ Polydor S., Czapska M., Roberts K. Chinese Dreamwriter Decision: a Dream Come True for AI-generated Works? // Connectontech.com. April 20. 2020. URL: <https://www.connectontech.com/2020/04/20/chinese-dreamwriter-decision-a-dream-come-true-for-ai-generated-works> (дата обращения: 03.04.2024).

² Воскресенская Е. В., Ворона-Сливинская А. Г., Лойко А. Н. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29). С. 9.

вследствие применения комплекса технологических решений, позволяющих имитировать интеллектуальные функции человека, мы получим результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, то встанем перед вопросом о возможности распространения режима объектов интеллектуальной собственности на такие результаты¹.

П. М. Морхат предложил концепцию электронного лица, согласно которой правосубъектность ИИ может представлять собой правовую фикцию, аналогичную правосубъектности юридического лица. Она будет обособлена от традиционного понимания правосубъектности человека, но при этом включать в себя возможность иметь определенные права и обязанности. Такая правосубъектность ИИ будет носить «мультимодальный» характер, то есть зависеть от конкретных возможностей и функционального предназначения данной системы ИИ. Приведенный подход позволит учитывать специфику ИИ-технологий и признать за ними определенный правовой статус, отличный от правосубъектности физических лиц. Но объем прав и обязанностей ИИ будет варьироваться в зависимости от его технических характеристик, сферы применения и других факторов².

В. П. Камышанский разделяет схожую позицию, указывая на то, что признание исключительно физических лиц в качестве первоначальных субъектов авторских прав не отвечает современным реалиям. Следует расширить круг возможных субъектов авторских прав за счет юнитов ИИ и концепции «электронного лица», а также пересмотреть понятие правообладателей. По мере развития технологий ИИ и повышения автономности носителей ИИ, способных создавать оригинальные результаты интеллектуальной деятельности, становится необходимым признание за ними определенных прав

¹ Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 530.

² Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 86; Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. № 2. С. 98.

на созданные ими объекты. Это потребует внесения изменений в действующее законодательство и переосмысления традиционных представлений о субъектах авторского права¹.

Наша позиция несколько отличается, и мы склонны согласиться с В. А. Лаптевым, указывающим на то, что в ближайшей перспективе робот с ИИ будет рассматриваться как объект права², а также И. Г. Крысановой-Кирсановой, И. О. Трушиной, полагающих, что ИИ не сможет являться субъектом права, хотя и обладает базовыми характеристиками правосубъектности³.

Третья группа ученых полагает, что результаты работы систем ИИ не имеют авторов. Так, по мнению А. В. Гурко, ИИ, во-первых, способен справляться с задачей создания произведений подобно человеку, но, во-вторых, не может быть признан автором результата своего творчества, поскольку правом авторства обладают исключительно люди. В данном случае позиция о праве авторства строится на том, что право, как социальная норма, защищает интересы человека, но не машины⁴. В. Витко считает, что «в деятельности искусственного интеллекта по созданию результатов, похожих на объекты авторского права, отсутствует творчество, поэтому созданные им результаты не могут быть квалифицированы в качестве объектов авторского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности»⁵.

В профессиональном сообществе на современном этапе доминирует подход, согласно которому ИИ в творческой

¹ Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 49.

² Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 89.

³ Крысанова-Кирсанова И. Г., Трушина И. О. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 106.

⁴ Гурко А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 8.

⁵ Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 6.

деятельности может пока выступать только как инструмент, а не как полноценный субъект интеллектуальной деятельности (хотя каждый третий респондент не исключает такой возможности в будущем)¹. Однако сегодня в любом правоотношении ИИ, по нашему мнению, должен быть объектом, но не субъектом права.

Четвертая группа ученых полагает, что произведения, сгенерированные системами ИИ, не подлежат правовой охране, поскольку автором результата интеллектуальной деятельности может быть только человек, творческим трудом которого такой результат создан (ч. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса (ГК) РФ). Представители этого подхода пишут о том, что произведение, созданное ИИ, не может отвечать критерию творчества, поскольку на таком уровне развития технологий ИИ «способен лишь генерировать объекты на основании загруженных в его алгоритм данных, что не может быть признано творчеством»². Действительно, этот аргумент является ключевым в вопросе о признании авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ. На современном этапе развития ИИ лишь генерирует объекты на основании имеющихся в его алгоритмах данных, но не вкладывает в это собственный творческий замысел³. Поэтому произведения, созданные исключительно ИИ без участия человека – пользователя ИИ, очевидно, не могут быть объектами авторского права. Аналогичного подхода придерживаются суды при принятии решений, учитывая разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому «результаты, созданные с помощью технических средств

¹ Федотов М. А. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: социально-правовые проблемы творчества // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 73.

² Наумов В. Б., Тютюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 536.

³ Борисова А. В. О доктринальных подходах к охране и защите авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Право и практика. 2023. № 2. С. 118.

в отсутствие творческого характера деятельности человека... , объектами авторского права не являются»¹.

Иными словами, авторские права могут быть признаны за лицом, использующим ИИ как соответствующее программное обеспечение, хотя ИИ, по сути, служит инструментом, применяемым для создания произведения. Но гражданин обязан внести свой творческий вклад в виде постановки конкретных задач, условий и требований к создаваемому РИД с помощью ИИ.

Авторский интеллектуальный продукт можно признать творческим, если он создан автором самостоятельно, что подтверждается его авторской индивидуальностью, в том числе оригинальностью произведения, и обладает свойствами уникальности выражения его формы и/или содержания². Суды Китайской Народной Республики, в которой ИИ получил опережающее развитие, последовательно развивают в своих решениях правовую позицию об авторском праве на РИД, созданный ИИ с участием человека, определившего его основные параметры, именно за этим человеком.

Например, 2 апреля 2020 г. Пекинский суд по интеллектуальной собственности вынес решение по делу под названием «Gao Yang v Youku». В этом случае специальная камера, прикрепленная к воздушному шару, автоматически снимала видеозаписи поверхности земли. При обсуждении вопросов авторского права суд постановил, что, хотя камера находилась вне контроля человека (истца по делу) во время процесса автоматической записи сверху, все же было вмешательство человека, отраженное в предварительном выборе режима видеозаписи, формата отображения видео, чувствительности и других параметров камеры. Суд посчитал, что эти параметры установлены заранее, а следовательно, скриншоты, выбранные из видео, автоматически сделанных камерой, представляют собой фотографические произведения, и

¹ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/?ysclid=lxaj2c3vsq17147094 (дата обращения: 03.04.2024).

² Нестеров А. В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. С. 539.

несанкционированное использование этих изображений другими лицами представляет собой нарушение авторских прав на фотографическую работу истца¹.

27 ноября 2023 г. Суд по интеллектуальным правам при Верховном суде Китая впервые признал авторские права на изображения, созданные с помощью ИИ. По мнению суда, истец внес определенный вклад в создание произведения, дополняя подсказки, неоднократно настраивая параметры и уточняя детали, чтобы создать картинку, отражающую его «эстетический выбор и индивидуальное суждение». Суд указал, что картинка, созданная с помощью программного обеспечения, преобразующего заданный текст в изображение, должна считаться произведением искусства, находящимся под защитой авторского права на основании оригинальности и интеллектуального вклада создателя². Такая судебная практика китайских судов теоретически может быть использована и российскими судами.

Важное значение имеет вопрос о том, являются ли материалы, сгенерированные нейросетью, нарушением авторских прав на произведения других авторов, на которых происходит обучение нейросети. Как известно, в настоящее время большинство разработчиков ИИ не имеют согласия других авторов на переработку их произведений. Исходя из вышеуказанного, А. В. Лукашова пришла к выводу о том, что материалы, сгенерированные нейросетью на основе оригинальных произведений, являются нарушением авторских прав³.

Действительно, согласно подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ к использованию произведения относят переводы или другие

¹ Does China Back Copyrights for Automatic Photos from a Hot-Air Balloon? // China Justice Observer. 2020. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/does-china-back-copyrights-for-automatic-photos-from-a-hot-air-balloon> (дата обращения: 06.04.2024).

² AI-Generated Images: Who Owns the Copyright? Landmark Ruling From a Chinese Court // The Greater China Journal. November 29. 2023. URL: <https://china-journal.org/2023/11/29/ai-generated-images-who-owns-the-copyright-landmark-ruling-from-a-chinese-court/> (дата обращения: 07.04.2024).

³ Лукашова А. В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 127.

переработки произведений. На первый взгляд для создания производного произведения создателю/владельцу нейросети нужно получать согласие авторов оригинальных произведений. Однако такой подход был бы легитимным, если бы нейросеть генерировала в производном произведении не только мысли и идеи отдельных авторов, но и конкретную форму их выражения, поскольку под защитой авторского права находится именно форма любого произведения. На «идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты» авторское право не распространяется. Между тем отсутствие авторского права на идеи не означает, что не следует ставить ссылки на источник информации в случаях непрямого цитирования.

Согласно ст. 1274 ГК РФ цитирование допускается без согласия автора и выплаты ему вознаграждения как прямое использование отрывка из чужого произведения с указанием источника заимствования. Но цитировать работы других авторов можно при условии, если это происходит в научных, полемических, критических, информационных и учебных целях, для раскрытия творческого замысла или идеи, которую хотел отразить автор. Объем цитирования должен быть оправдан его целью, иначе подобное заимствование можно квалифицировать как нарушение авторских прав.

Если с помощью нейросети в целях рерайтинга перефразируется без потери смысла цитата того или иного автора со ссылкой на источник авторской публикации, то в этом случае отсутствует не только нарушение авторских прав по форме, но и соблюдается научная публикационная этика. Тем более что и до появления ИИ в научных статьях в целях повышения их оригинальности использовали перефразирование цитат отдельных авторов без потери их авторского смысла.

Библиографический список

1. Борисова Л. В. О доктринальных подходах к охране и защите авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Право и практика. 2023. № 2. С. 117–121.
2. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–22.

3. Воскресенская Е. В., Ворона-Сливинская Л. Г., Лойко А. Н. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта // *Colloquium-journal*. 2019. № 5 (29). С. 8–10.

4. Гаврилов Э. П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. 222 с.

5. Гурко А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2017. № 12. С. 7–18.

6. Дзедобоев Т. Авторские права на произведения, сгенерированные нейросетями // *Закон.ру*. 2022. 7 октября. URL:

https://zakon.ru/blog/2022/10/07/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sgenerirovannyye_nejrosetyami (дата обращения: 02.04.2024).

7. Ивлев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // *Журнал российского права*. 2022. № 6. С. 32–46.

8. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // *Власть Закона*. 2019. № 1 (37). С. 42–50.

9. Крысанова-Кирсанова И. Г., Трушина И. О. Правовой статус искусственного интеллекта // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 2. С. 104–107.

10. Куликова Е. В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 31 с.

11. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 79–102.

12. Лукашова А. В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 28. С. 122–131.

13. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

14. Наумов В. Б., Тьтюк Е. В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // *Правоведение*. 2018. Т. 62. № 3. С. 531–540.

15. Нестеров А. В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. С. 531–540.

16. Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. № 2. С. 95–103.

17. Тормозова В. А. К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта автором результатов интеллектуальной деятельности // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 10 (6). С. 60–66.

18. Федотов М. А. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: социально-правовые проблемы творчества // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 68–83.

19. Харитоновна Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524–546.

20. Polydor S., Czapska M., Roberts K. Chinese Dreamwriter Decision: a Dream Come True for AI-generated Works? // Connectontech.com. April 20. 2020. URL: <https://www.connectontech.com/2020/04/20/chinese-dreamwriter-decision-a-dream-come-true-for-ai-generated-works> (дата обращения: 03.04.2024).

21. AI-Generated Images: Who Owns the Copyright? Landmark Ruling From a Chinese Court // The Greater China Journal. November 29. 2023. URL: <https://china-journal.org/2023/11/29/ai-generated-images-who-owns-the-copyright-landmark-ruling-from-a-chinese-court/> (дата обращения: 07.04.2024).

УДК 34:81'37
ББК 67.404.1-1

С. В. Хоружая

начальник
учебно-методического
управления Кубанского
государственного аграрного
университета имени И. Т.

Трубилина,
профессор

кафедры истории и
политологии

Кубанского государственного
аграрного университета имени

И. Т. Трубилина,

доктор философских наук,
профессор

Россия, г. Краснодар
istor-polit@kubsau.ru

Д. О. Мхитарьянц

бакалавр юридического
факультета Кубанского
государственного аграрного
университета имени И. Т.

Трубилина

Россия, г. Краснодар
4346451@gmail.com

РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫКИ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

THE RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES IN LEGAL TEXTS: PROBLEMS OF COMPETITION AND CO-OPERATION

В статье утверждается, что гражданское правовое поле Российской Федерации (РФ) содержит множество явлений, значение которых безосновательно и ощутимо замещают иноязычными словообразованиями. Включение международных норм в правовую систему РФ посредством их переработки с учетом особенностей внутригосударственного правопорядка приобретает особую актуальность. Наскучившие профессионализмы зарубежного происхождения, повсеместно употребляемые русскоговорящим сообществом в области правоприменения, создают крайне сомнительные представления о результатах подобных изменений. Ученым-правоведам удалось переосмыслить данную проблематику и понять ее злободневность. Ввиду этого разработан научный термин «вестернизация права». Вопрос о самобытности российского права возник прежде всего в контексте правосознания «молодых ученых». Оправдывая обыденность

наличия иностранного лексикона, они пытаются убедить социум в неурегулированности российскими словами большинства общественных правоотношений. Выдавая желаемое за действительное, подобные индивиды забывают либо знают и умышленно хотят лишить нас истинного знания: сферы российского гражданского права, не затронутые законодателем, практически отсутствуют; на протяжении многовековой истории великие «управленцы» России непрерывно работали над соответствием международным правилам общежития и вместе с тем прогнозированием требований развивающегося народа.

Ключевые слова: право, конституционная идентичность, язык российского права, народный вопрос, правосознание, терминология, бритва Оккама, интерференция.

The article argues that the civil legal field of the Russian Federation (RF) contains many phenomena, the meaning of which is groundlessly and tangibly replaced by foreign-language word formations. The inclusion of international norms into the legal system of the Russian Federation by means of their processing with due regard for the peculiarities of the domestic legal order acquires a special urgency. Boring professionalisms of foreign origin, universally used by the Russian-speaking community in the field of law enforcement, create extremely doubtful ideas about the results of such changes. Legal scholars have managed to rethink this issue and understand its topicality. For this reason, the scientific term "westernisation of law" has been developed. The question of the originality of Russian law arose primarily in the context of the legal consciousness of "young scholars". Justifying the mundane presence of foreign vocabulary, they try to convince society that most public legal relations are not regulated by Russian words. Passing off wishful thinking as reality, such individuals forget or know and deliberately want to deprive us of true knowledge: there are practically no spheres of Russian civil law not touched by the legislator; throughout the centuries-long history, the great "managers" of Russia have continuously worked on conformity with international rules of life and, at the same time, on forecasting the requirements of the developing nation.

Keywords: law, constitutional identity, language of Russian law, popular question, legal consciousness, terminology, Occam's razor, interference.

К. И. Чуковский писал: «Если человек с детства знал Льва Толстого, Чехова, Пушкина... он мог, конечно, баловаться жаргоном, но ему было что помнить... Если же помнить нечего, если человек знает только жаргон и не имеет понятия о подлинной человеческой речи, а значит и о подлинных

человеческих чувствах ... Тогда надо не с жаргоном бороться, а с бескультурьем»¹. Применительно к праву как области знаний заимствование, преемственность юридических конструкций представляют собой «...исторически высокое достижение в области юриспруденции»².

Использование сленга, а равно варваризмов, считалось допустимым до момента его присутствия исключительно в неформальном общении. С повсеместной популяризацией своеобразная форма выражения пренебрежения к родному языку стала быстро нарастать: особенно стали выделяться тексты официальных документов, в частности судебных решений, а также деловые речи действующих и «готовящихся» специалистов-правоведов. Для понимания актуальной проблемы «...более интенсивного использования иностранных заимствований, которые активно проникают в язык законодательных актов», влекущей утрату Россией самобытности, требуются детальный ее разбор и указание рациональных путей решения³!

Необходимо понимать, что настоящее исследование – конструктивный взгляд на проблему. Образцом категоричности служат поправки ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», «...согласно которым не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях»⁴. Идею таких

¹ Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М.: Азбука, 2023. С. 126.

² Медведева А. С. Заимствование иностранных юридических терминов: проблемы их использования и толкования // Российское право: между Востоком и Западом: сб. тезисов по материалам XIX Междунар. студенческой науч. конф. iSLaCo'2019. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. С. 9.

³ Купцова О. Б. Использование иностранных заимствований в юридическом языке как способ преодоления неопределенности права // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 154.

⁴ Соколова Т. И. Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации // Социальные, культурные исследования и безопасность. 2023. № 3. С. 167.

изменений предложила и впоследствии воплотила председатель Комитета Государственной Думы по культуре Е. А. Ямпольская. Призывы по их реализации заключались в следующем: «...появятся словари, где к норме будут отнесены только иностранные слова и выражения, не имеющие общеупотребительных аналогов, и мы сразу избавимся от всех этих «оупенов», «сейлов», «фудкортов», «кешбэков», «дискаунтов»¹.

С учетом великого принципа философии о логическом построении слов, в частности бритвы Оккама, глубокий смысл которого раскрыт в одном из знаменитых высказываний А. П. Чехова о том, что «краткость – сестра таланта», практическая недопустимость планируемых к реализации мер становится очевидной. Будучи ограниченными рамками сущности процессов преювенности в праве, изложенное председателем Комитета Государственной Думы по культуре Е. А. Ямпольской имеет трудность во внедрении: значения многих явлений, среди них и заимствованные, так или иначе относящиеся к гражданско-правовому полю РФ, не подлежат тезисному оформлению.

К примеру, Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в статью 105.15 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» урегулировано лишь значение понятия «кешбэк»: «...доходы в денежной или натуральной форме в виде перечисляемых на банковский счет налогоплательщика денежных средств и (или) полной или частичной оплаты за налогоплательщика товаров и (или) услуг российскими и иностранными организациями, полученные в результате участия налогоплательщика в программах указанных российских и иностранных организаций с использованием банковских (платежных) и (или) дисконтных (накопительных) карт, направленных на увеличение активности клиентов в

¹ Стенограммы обсуждения законопроекта № 221977-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» в части совершенствования механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации и осуществления контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка // Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/221977-8> (дата обращения: 11.06.2024).

приобретении товаров и услуг указанных организаций и предусматривающих начисление бонусов...». Но обобщающего наименования законодатель так и не предусмотрел¹! Принимая к производству исковое заявление относительно споров, связанных с подобного рода общественными отношениями, судья вводит себя в замешательство. Русификация данного термина отсутствует, необходимо указывать его нормативное значение. Развернутые наименования или значения принято сокращать в текстах судебных актов с указанием: «(далее –...)». Судебные акты после вступления в законную силу должны отвечать таким особенностям языка законодательных актов, как «...ясность и простота изложения, точность, экономное использование языковых средств...»². Однако пока сложно представить, каким образом судебная документация одновременно согласует процессуальную форму и емко заменит иноязычное слово «кэшбэк». Существующая практика не спешит реагировать на приведенные выше «преобразования»: «...основания задержки и отказа в переводе денежных средств (кэшбека) надуманы...», «...получения финансовой выгоды за счет безналичной оплаты (кэшбека)...»³. Заключая, видим крайне сомнительное правовое регулирование в качестве наиболее ожидаемого последствия от следования изложенному Е. А. Ямпольской во внутренней политике России.

Для целей определения группы словообразований, не рекомендованных к употреблению, представим классификацию

¹ О внесении изменений в статью 105.15 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4175.

² Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 8.

³ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 29 июня 2020 г. // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: <https://clck.ru/388hg8> (дата обращения: 23.01.2024); Решение Московского районного суда города Твери от 21 декабря 2022 г. по делу № 2-2933/2022 // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: <https://clck.ru/388uDz> (дата обращения: 23.12.2023).

иноязычных слов, присутствующих сегодня в сфере юриспруденции:

– слова, вошедшие в оборот, как основа правовой системы РФ – адаптация достижений правопорядка англосаксонской и континентальной правовых семей. В результате такого заимствования понятия «кодекс», «принцип», «презумпция», «право собственности», «юстиция» стали важным центром, структурной частью модели современного российского права;

– слова, не разъясненные действующим законодательством, но вошедшие во всеобщее употребление и дополнившие уже существующие правовые нормы. Они являются реакцией законодателя, общества на развивающиеся общественные отношения. В числе таких слов – «концессия», «предприниматель», «эскроу» и, на наш взгляд, «кешбэк»;

– слова, потребность в упоминании которых точно передает фраза адмирала А. С. Шишкова: «Хочешь погубить народ, истреби его язык»¹. Их применение – противовес отечественной легальной терминологии, который приводит к печальным последствиям: дестабилизация народной идентичности и лишение правового единообразия всякого смысла. Законодатель называет неоправданно популярные «фейк», «фудкорт», «стриминг», «каршеринг» соответственно «заведомо ложной информацией», «ресторанным двориком», «потокowym вещанием», «краткосрочной арендой транспортного средства».

Как указано ранее, разрешение проблемы заимствования не сводится к решительному избавлению от иноязычных слов. Презюмируется взаимодополняющий аспект. Так, речь современного специалиста в области права невозможно представить без первых двух групп слов. Относительно последних, «третьих лишних», считаем необходимым минимизировать их употребление, оставив допустимыми лишь для коммуникации с внешним миром и неформального общения!

Исследование в итоге становится теоретической базой двух новых блоков проблем:

1. Невежественная попытка деятельно связанных с правых граждан России «блеснуть интеллектом» путем перефразирования

¹ Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. М.: Концептуал, 2020. С. 8.

русскоязычных выражений на иностранный манер. Практика содержит множество случаев, в которых перевод применен без осмысления особенностей интерпретации «...ввиду двойственного значения слова или понятия...»¹. Привычное «судья» на иных языках, в частности английском, многозначно и не сводится к единообразному «judge». Об этом подробно говорится в работе В. И. Озюменко «Лексико-семантические поля judge и судья в английском и русском языках». Более того, вред приходится на каждый из языков: перевод многозначных иностранных слов («trust», «notary», «attorney» и т. д.) имеет множество сложностей. Постоянство существования данной проблематики прослеживается в письменных записях государственных органов, что следует из работы М. С. Шевченко «Судебная терминология в зеркале переводческих решений». Решить описанный блок проблем можно:

- избеганием подобного умаления родного языка относительно правовой сферы без достаточной базы знаний в области языка;

- взаимным трансграничным обменом особенностями употребления иностранных букв, слов;

- международным сотрудничеством и единомыслием, без которых осмысление иностранных документов представляется невозможным.

2. Не понимать разговоров подрастающего поколения – значит отдалиться от современного мира! Исходя из анализа сведений 2021–2022 гг., убедимся в этом:

- итоги локальной статистики 2021 г. «Как часто вы используете / используете ли вообще в своей профессиональной речи молодежный сленг?» были следующими: «...употребление в профессиональной речи сленгизмов (28 человек из 30 ответили утвердительно (93 %)) и большинство (17 человек (56 %)) делает

¹ Матенов Р. О нормах лексической вариантности при формировании навыков профессиональной речи будущих юристов в условиях дистанционного обучения // Review of law sciences. 2020. № 2. С. 264.

это осознанно, с учетом особенностей коммуникативной ситуации и собственно задач коммуникации»¹;

– аналогичны и сведения аналитического агентства за 2022 г.: «Более четверти россиян... позитивно относятся к изменениям в русском языке, считая появление новых слов естественным процессом, обогащающим речь...»². Непоколебимой с годами остается возрастная группа людей старше 35 лет, принимающих западноевропейские ценности исключительно благодаря стремлению сократить дистанцию в понимании.

Мнимое разрешение конфликта поколений позволяет осветить второй блок проблем. Обобщая статистические данные, состоявшиеся юристы России, чтобы понять прогрессивный «пруд помощников», не только поощряют «вольности», но и перестраивают свою речь под реалии, ставшие нормой. Подобное поведение происходит под предлогом «мы в теме», сближения с «молодежью». Однако, удовлетворяя потребность в принятии одних, прогрессирующий юридический язык тем самым вытесняет целую народность. Правовая система РФ уже содержит «заимствованный» фундамент, поэтому разрешить блок-проблему необходимо посредством установления разумных границ принятия всего нового. Единственная область применения лексических нововведений – вторая группа приведенной классификации – отношения, не имеющие правового регулирования отечественным законодательством.

Таким образом, анализ содержания позволил детально взглянуть и определить пути разрешения главной проблемы самобытности российской юриспруденции, в частности неоправданного пресыщения российского правового поля иностранными словообразованиями. Перспектива воздействия принятых решений видится в построении стабильной

¹ Цицкун В. В., Щекина Д. А. Молодежный сленг в речи преподавателя: профессиональная необходимость или нарушение речевой культуры педагога // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 179.

² Мамиконян О. Слова «фейк», «хайп» и «митинг» названы самыми популярными англицизмами у россиян // Forbes. 2022. 6 июня. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/467901-slova-fejk-hajp-i-miting-nazvany-samyimi-popularnymi-anglicizmami-urossian?ysclid=ly08wpmpr175000511> (дата обращения: 23.12.2023).

международной коммуникации и повышении интереса к русскоязычным сообществам.

Право выступает «...в качестве приоритетного регулятора общественных отношений»¹. Лексика служит одним из инструментов управления народностью. Она прекращает быть характерной для конкретной общности, если возникают сомнения относительно действенности проводимой политики ст. 68 Конституции РФ по поддержанию самобытности, государственного языка. На первый взгляд, иноязычные словообразования употребляются в качестве выражения признательности правовому наследию человечества. Затем все изменяется, достижения подменяют юридическим сленгом, перешедшим из масс и ставшим обыденностью, и уже вполне осознанно встречаешь позицию Э. Г. Куликовой: «Когда после разрубки СССР из-за океана стали кроить “Нью Рашу”, не забыли и про язык»².

Библиографический список

1. Куликова Э. Г. О правомерности понятия «языковое импортозамещение» // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Г. Н. Трофимова М.: РУДН. 2023. С. 300–306.
2. Купцова О. Б. Использование иностранных заимствований в юридическом языке как способ преодоления неопределенности права // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 153–157.
3. Мамиконян О. Слова «фейк», «хайп» и «митинг» названы самыми популярными англицизмами у россиян // Forbes. 2022. 6 июня. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/467901-slova-fejk-hajp-i-miting-nazvany-samymi-popularnymi-anglicizmami-u->

¹ Терехов Е. М. Официальное толкование норм права как инструмент построения российского правового государства // Legal Concept. 2022. № 2. С. 113.

² Куликова Э. Г. О правомерности понятия «языковое импортозамещение» // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Г. Н. Трофимова. М.: РУДН, 2023. С. 303.

rossian?ysclid=ly08wprqmp175000511 (дата обращения:
23.12.2023).

4. Матенов Р. О нормах лексической вариантности при формировании навыков профессиональной речи будущих юристов в условиях дистанционного обучения // *Review of law sciences*. 2020. № 2. С. 263–265.

5. Медведева А. С. Заимствование иностранных юридических терминов: проблемы их использования и толкования // *Российское право: между Востоком и Западом: сб. тезисов по материалам XIX Междунар. студенческой науч. конф. iSLaCo'2019*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. С. 9–12.

6. Озюменко В. И. Лексико-семантические поля judge и судья в английском и русском языках // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2016. № 3. С. 195–213.

7. Соколова Т. И. Правовые и социокультурные аспекты языковой политики Российской Федерации // *Социальные, культурные исследования и безопасность*. 2023. № 3. С. 163–173.

8. Терехов Е. М. Официальное толкование норм права как инструмент построения российского правового государства // *Legal Concept*. 2022. № 2. С. 112–117.

9. Хабибулина Н. И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 20 с.

10. Цицкун В. В., Щекина Д. А. Молодежный сленг в речи преподавателя: профессиональная необходимость или нарушение речевой культуры педагога // *Гуманитарная парадигма*. 2021. № 2 (17). С. 172–183.

11. Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М.: Азбука, 2023. 320 с.

12. Шевченко М. С. Судебная терминология в зеркале переводческих решений // *Философия права*. 2018. № 4 (87). С. 68–73.

13. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. М.: Концептуал, 2020. 256 с.

УДК 347.6
ББК 67.404.5

Г. С. Джумагазиева
доцент кафедры гражданского
права и правового
регулирования инновационной
деятельности Астраханского
государственного университета
имени В. Н. Татищева,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Астрахань
gulnara.dz@mail.ru.

Т. С. Датская
старший преподаватель
кафедры теории и истории
государства и права
Астраханского
государственного университета
имени В. Н. Татищева
Россия, г. Астрахань,
datskau79@mail.ru

**ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ:
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, СПЕЦИФИКА И ЕГО ОТЛИЧИЕ
ОТ СМЕЖНЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ**

**THE CONTRACT OF PROPERTY TRUST MANAGEMENT: LEGAL
NATURE, SPECIFICS AND ITS DIFFERENCE FROM RELATED
CIVIL LAW CONTRACTS**

В статье рассмотрены юридическая природа и специфика договора доверительного управления имуществом, показано его отличие от смежных гражданско-правовых договоров. В результате исследования выявлены некоторые проблемы, возникающие в процессе реализации норм гражданского законодательства о доверительном управлении имуществом в аспекте ответственности сторон, прекращения договора, его исполнения и предложены варианты устранения данных проблем. По мнению авторов, увеличение уровня доверия в управлении доверительными отношениями имеет основание, но необходимо учитывать юридический характер таких отношений. На практике фидуциарная сделка представляет собой предоставление, которое имеет юридические последствия, выходящие за рамки первоначальной экономической цели этого предоставления.

Ключевые слова: договор, граждане, юридические лица, доверительное управление, гражданские правоотношения, ценные бумаги, сделка, суд.

The article considers the legal nature and specificity of the contract of property trust management, shows its difference from related civil law contracts. As a result of the study some problems arising in the process of

implementation of the norms of civil legislation on trust management of property in the aspect of responsibility of the parties, termination of the contract, its execution and proposed options to eliminate these problems. According to the authors, the increase in the level of trust in the management of fiduciary relations has a reason, but it is necessary to take into account the legal nature of such relations. In practice, a fiduciary transaction is a provision that has legal consequences beyond the initial economic purpose of this provision.

Keywords: contract, citizens, legal entities, trust management, civil legal relations, securities, transaction, court.

В качестве доверительного управляющего могут выступать индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, кроме унитарных предприятий.

Особенности отношений по доверительному управлению имуществом связаны с тем, что перед учредителем управления (выгодоприобретателем) обязанности доверительного управляющего носят личный характер, исполнение по договору должно быть произведено доверительным управляющим. Одновременно доверительный управляющий во внешних отношениях с третьими лицами информирует их о том, что действует в таком качестве в соответствии с требованиями гражданского законодательства¹.

Следовательно, возникает вопрос о характере анализируемых отношений. Договор доверительного управления имуществом в своем названии содержит слово «доверительное». Но означает ли это, что речь идет о фидуциарном характере сделки?

Законодатель не раскрывает суть термина «фидуциарный» и не использует его. В литературе он обычно упоминается наряду со словами «личный», «доверительный», «лично-доверительный» либо «по умолчанию». Так, относя доверительное управление к фидуциарным, многие авторы руководствуются именно терминами «лично» и «доверие».

Доверительный управляющий по общему правилу несет обязанность лично исполнять свои обязанности, осуществлять

¹ Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? 4-е изд., доп. М.: Юрайт, 2024. С. 216.

деятельность по доверительному управлению имуществом. При этом в качестве исключения допустимо перепоручение совершения действий, связанных с управлением имуществом иному лицу в случае, если договор предусматривает такое право доверительного управляющего; согласие учредителя управления на это получено в письменной форме; существует вынужденная необходимость обеспечить интересы учредителя управления или бенефициара, однако отсутствует возможность получения соответствующих указаний в разумный срок от учредителя управления. Учредитель управления также может прекратить договорные отношения по другим причинам, но при этом должен выплатить доверительному управляющему вознаграждение, как предусмотрено договором.

Логично предположить, что для успешного сотрудничества между сторонами необходимо наличие определенного уровня взаимного доверия. Однако стоит ли само по себе это доверие в контексте отношений или заключенного договора рассматривать как фидуциарность? Судебная практика проводит различие между доверием, например, к сотрудникам банка или организации и существенным заблуждением в правовом аспекте заключенной сделки. Она свидетельствует о том, что только наличие этих факторов в отдельности не является достаточным основанием для признания сделки недействительной¹.

Считаем, что увеличение уровня доверия в управлении доверительными отношениями имеет основание, но необходимо учитывать юридический характер таких отношений. На практике фидуциарная сделка представляет собой предоставление, которое имеет юридические последствия, выходящие за рамки первоначальной экономической цели такого предоставления. Поэтому можно утверждать, что более логичным подходом является отказ от идеи того, что данная сделка имеет фидуциарный характер. Несмотря на название соответствующего обязательства, в данном случае отсутствует основной элемент

¹ Евдокимова Р. С., Штапова В. Н. Правовая природа договора доверительного управления имуществом // Актуальные вопросы российского права: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 22.

доверительного отношения, который обычно присущ таким видам сделок.

Лично-доверительный характер договора доверительного управления имуществом опровергают Р. С. Евдокимова, В. Н. Штапова, указывая на «необходимость разграничивать такие категории, как фактическое доверие сторон, а также лично-доверительный характер правоотношения, который находит свое отражение в правовом регулировании отношений сторон, правовой сущности такого договора; понятие исполнения обязанностей лично должником в обязательственном правоотношении»¹. Одним из признаков лично-доверительных правоотношений является необходимость личного исполнения обязанности должником без возможности передачи исполнения третьим лицам. Этот признак не исчерпывает характеристику таких правоотношений, поскольку одновременное требование личного исполнения обязанности без возможности делегирования ее третьим лицам не ограничивается лично-доверительными гражданскими правоотношениями. Одной из главных черт отношений, основанных на доверии, является возможность участников этих отношений прекратить договор односторонне без объяснения причин в случае потери доверия. К тому же односторонний отказ не обязывает сторону, прекращающую отношения, компенсировать убытки другой стороне.

Таким образом, хотя личный характер обязанности доверительного управляющего по управлению имуществом может быть высок, это не делает договор доверительного управления фидуциарной сделкой. Название договора в данном контексте можно считать условным, и оно не отражает сути отношений доверия, которые характеризуют фидуциарные сделки. Из этого следует, что договор доверительного управления не является фидуциарной сделкой, а скорее, представляет собой обязательство, возникающее из договора между сторонами, которые равны и обладают имущественной самостоятельностью, не зависящей друг от друга.

Особое внимание следует уделить объекту договора доверительного управления имуществом, так как на практике

¹ Денисюк М. М. Фидуциарный характер договора доверительного управления имуществом // Наука и образование сегодня. 2020. № 12 (59). С. 65.

возникает множество вопросов в связи с определением того, что именно может выступать объектом доверительного управления. Кроме того, в юридической литературе существует точка зрения о том, что глава 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) не распространяется на доверительное управление денежными средствами, не основана на положениях ГК РФ. Однако на них требование о лицензировании доверительного управления денежными средствами распространяться не должно, поскольку в этом случае денежные средства не являются самостоятельным объектом доверительного управления.

В состав переданного в доверительное управление имущества включены и права, приобретенные доверительным управляющим в результате действий по доверительному управлению имуществом (п. 2 ст. 1020 ГК РФ). Тем самым можно сделать вывод о том, что ГК РФ ограничений на передачу в доверительное управление определенных видов объектов гражданских прав не устанавливает. Чтобы имущество могло быть возвращено учредителю учреждения при прекращении договора с доверительным управляющим, оно должно обладать следующими характеристиками:

1. Имущество должно иметь индивидуальные признаки, то есть каждый объект имущества должен быть уникальным и отличаться от других объектов. Например, если речь идет о недвижимости, то каждый участок земли или здание должны иметь уникальные характеристики, в том числе географическое расположение, размеры, строительные особенности и т. д.

2. Имущество должно быть непотребляемым в процессе использования, то есть имущество не должно исчезать или ухудшаться при его использовании.

Условие возврата имущества учредителю при прекращении договора с доверительным управляющим указывает на то, что имущество должно быть сохранено и возвращено в исходном состоянии. Иными словами, доверительный управляющий должен обеспечить сохранность имущества.

На практике складывается сложная структура в определении предмета договора доверительного управления имуществом, так как в него в качестве составляющего элемента имущества, передаваемого по договору, входит большое количество норм, регулирующих порядок заключения и исполнения договора. Таким образом, ГК РФ в ключевой ст. 209 о содержании права собственности закрепил право

доверительного управления имуществом. Передача имущества в доверительное управление – это форма осуществления собственником своего права распоряжения.

Некоторые ученые, исходя из буквального толкования положений ст. 1016 ГК РФ, под предметом договора доверительного управления имуществом ошибочно понимают имущество, переданное в управление¹. Полагаем, что предметом любого договора служит то, по поводу чего стороны заключили соглашение. В зависимости от предмета того или иного договора выделяют договоры по передаче имущества, договоры по выполнению работ, договоры по оказанию услуг и т. д.

Доверительное управление имуществом представляет собой форму обязательства, при которой осуществление услуг происходит наряду с другими видами обязательств, такими как поручение, комиссия и агентирование. Основная цель этого вида договора заключается в управлении имуществом в интересах конкретного лица. Поэтому важным аспектом являются не передаваемые в управление активы, а скорее, правовые и фактические действия, которые должен совершать управляющий для эффективного управления переданным ему имуществом.

Несмотря на то, что, согласно п. 4 ст. 209 ГК РФ, «передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему», доверительный управляющий наделен правомочиями, схожими с триадой права собственности: владением, пользованием, распоряжением. Е. А. Суханов приходит к выводу о том, что доверительное управление в России «представляет собой не отчуждение, а способ осуществления правомочий собственника»².

Подводя итоги относительно соглашения о доверительном управлении имуществом, можно утверждать, что предмет этого договора определен принципом «разрешено все, что не запрещено». Доверительный управляющий имеет право осуществлять широкий спектр действий с имуществом, за

¹ Заказнов Ю. Ю. Предмет и иные существенные условия договора доверительного управления // StudNet. 2020. Т. 3. № 8. С. 367.

² Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Отдельные виды обязательств / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. С. 352.

исключением ограничений и запретов, установленных законодательством и соглашением.

О. В. Барышева «на примере управления недвижимым имуществом справедливо предлагает законодательно установить, что договор может быть заключен и на более чем пять лет, если управляющим получено согласие от учредителя в письменной форме»¹. Данный механизм позволит преодолеть проблему, связанную с формулировкой законодателя о возможности установления других сроков, что приводит к разрозненному размещению норм в различных нормативных правовых актах или к их отсутствию из-за неоднозначного применения доверительного управления в современных частноправовых отношениях.

Цена является существенным условием, например, в договоре розничной купли-продажи (ст. 494 ГК РФ), договоре продажи недвижимости (ст. 555 ГК РФ). Возможно, вопрос о существенности цены для договора можно оставить на усмотрение законодателя.

Итак, в качестве общих существенных условий в ГК РФ, полагаем, следует оставить только:

- 1) предмет – осуществление любых фактических и юридических действий в интересах выгодоприобретателя и в пределах, предусмотренных договором и законом;
- 2) состав имущества – объекта доверительного управления;
- 3) размер и форму вознаграждения (договор следует определить в тексте ГК РФ как возмездный). Возможно исключение условия из перечня существенных.

Рассматриваемый вид гражданско-правового договора является консенсуальным. В рамках консенсуального характера договора доверительного управления имуществом обе стороны должны четко и однозначно выразить свою волю заключить такое соглашение. Доверитель должен быть готов передать управление своим имуществом доверенному лицу, а управляющий должен

¹ Барышева О. В. Содержание договора доверительного управления наследственным имуществом // Современные технологии. Проблемы инновационного развития и внедрения результатов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / ред. И. И. Ивановская. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 97.

согласиться принять это управление на себя. Отсутствие согласия любой из сторон делает договор недействительным.

Кроме того, консенсуальный характер договора подразумевает, что обе стороны понимают условия и последствия такого соглашения. Доверитель должен осознавать, что передает управление своим имуществом третьей стороне, а управляющий должен быть в курсе своих обязанностей и ответственности перед доверителем. При анализе уровня доверия стоит обратить внимание на то, что фидуциарные отношения (от лат. *ducia* – «уверенность, доверие, акт, основанный на доверии») характеризуются особым уровнем доверия. В юридической литературе существуют точки зрения, согласно которым данный договор имеет признаки лично-доверительной сделки¹.

В научной литературе также указано, что управление имуществом должно осуществляться в интересах выгодоприобретателя по договору на принципах надежности, сохранности, доходности и т. д.²

Подводя итоги относительно соглашения о доверительном управлении имуществом, можно утверждать, что предмет этого договора определен принципом «разрешено все, что не запрещено». Доверительный управляющий вправе осуществлять широкий спектр действий с имуществом, за исключением ограничений и запретов, установленных законодательством и соглашением.

Таким образом, договор доверительного управления имуществом будет считаться заключенным исключительно при условии достижения сторонами всех его существенных условий.

В заключение можно сделать ряд выводов.

Во-первых, ссылаясь на российских цивилистов, институт доверительного управления имуществом можно отнести к обязательно-правовым институтам.

¹ Марабян С. С., Дашин А. В. Юридическая природа договора доверительного управления имуществом // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-3 (76). С. 44.

² Матухина Е. Ю. Ответственность доверительного управляющего наследственным имуществом: теория и практика // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 156.

Во-вторых, для заключения договора основным условием является передача имущества доверительному управляющему, который обладает всей юридической полнотой по сделкам в отношении переданного имущества.

В-третьих, правоотношения, которые не основаны на личном доверии, могут представлять риск потери имущества. Для обеспечения безопасности имущества и успешного завершения этих отношений необходимо наличие доверия между сторонами. Однако доверие не может быть застрахованным от возможных негативных последствий.

Еще один вывод следует из ст. 1021 ГК РФ. В ней определено, что управление осуществляется лично, но возникают случаи, в которых управляющий имеет законное право поручить другому лицу совершать доверительные действия от имени доверительного управляющего.

Итак, договор доверительного управления содержит больше ключевых условий, чем многие другие договоры, в которых обычно основным условием выступает только предмет сделки. Тем не менее после более детального изучения некоторые из этих ключевых условий оказываются не настолько критическими, их можно было бы регулировать через дополнительные нормы, не являющиеся обязательными.

Библиографический список

1. Барышева О. В. Содержание договора доверительного управления наследственным имуществом // Современные технологии. Проблемы инновационного развития и внедрения результатов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / ред. И. И. Ивановская. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019. С. 94–98.
2. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? 4-е изд., доп. М.: Юрайт, 2024. 359 с.
3. Денисюк М. М. Фидуциарный характер договора доверительного управления имуществом // Наука и образование сегодня. 2020. № 12 (59). С. 65–68.
4. Евдокимова Р. С., Штапова В. Н. Правовая природа договора доверительного управления имуществом // Актуальные вопросы российского права: сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 22–24.

5. Заказнов Ю. Ю. Предмет и иные существенные условия договора доверительного управления // StudNet. 2020. Т. 3. № 8. С. 367–381.

6. Марабян С. С., Дашин А. В. Юридическая природа договора доверительного управления имуществом // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-3 (76). С. 44–46.

7. Матухина Е. Ю. Ответственность доверительного управляющего наследственным имуществом: теория и практика // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29. С. 155–160.

8. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 4. Отдельные виды обязательств / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 544 с.

УДК 347.1
ББК 67.404

Г. А. Мантул

профессор кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
anoniiasp@yandex.ru

**О МЕТОДАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕЗАКОННЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ**

**ON METHODS OF CIVIL LAW REGULATION OF RELATIONS
UNDER ILLEGAL INTERNATIONAL RESTRICTIONS**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с особенностями правового регулирования отношений в российской экономике, незаконными противоправными ограничениями применительно к России, российским гражданам и российским предпринимателям. Дана оценка законности действий США и иных «недружественных» стран, направленных на подрыв экономического суверенитета Российской Федерации (РФ). Обоснован вывод о том, что понятие «санкция» не соответствует содержанию противоправных мер, применяемых в отношении РФ и ее граждан со стороны стран коллективного Запада. С учетом особенностей характера и содержания, возникающих на российском рынке отношений, прослеживается сбалансированный подход государства при выборе методов правового регулирования имущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права.

Ключевые слова: метод гражданского права, гражданско-правовое регулирование, недружественные страны, незаконные международные ограничения, правовые запреты, правоотношение, субъекты гражданских прав, законность, справедливость.

The article considers the issues related to the peculiarities of legal regulation of relations in the Russian economy, illegal unlawful restrictions as applied to Russia, Russian citizens and Russian entrepreneurs. The article assesses the legality of actions of the USA and other "unfriendly" countries aimed at undermining the economic sovereignty of the Russian Federation (RF). The conclusion that the concept of "sanction" does not correspond to the content of unlawful measures applied to the Russian Federation and its citizens by the countries of the collective West is

substantiated. Taking into account the peculiarities of the nature and content of relations arising in the Russian market, a balanced approach of the state in the choice of methods of legal regulation of property relations regulated by the norms of civil law is traced.

Keywords: method of civil law, civil law regulation, unfriendly countries, illegal international restrictions, legal prohibitions, legal relationship, subjects of civil rights, legality, fairness.

Развитие экономических отношений в условиях специальной военной операции (СВО) высветило проблему несоответствия возникающих при этом отношений средствам и методам их правового регулирования. Присущий гражданскому праву метод юридического равенства, диспозитивности¹ и автономии воли участников гражданского оборота не всегда дает требуемых результатов. Нужны новые подходы к определению метода правового регулирования в новых социально-экономических и политических условиях, позволяющие оперативно решать возникающие задачи бесперебойной работы реального сектора экономики.

В сфере соотношения права и закона существует немало противоречий, в том числе между субъективными представлениями граждан о праве справедливом, отвечающем потребностям участников гражданского оборота, и закрепленными в законе правовыми нормами (должном праве). В литературе высказано мнение о том, что «уже простое применение юридических норм к фактам действительности должно было очень рано обнаружить, что применение одних норм вызывает удовлетворение этического чувства, чувства справедливости, меж тем, как применение других приводит к обратному – к чувству несправедливости»².

В современных условиях при определении методологии научного познания и выбора соответствующего правового инструментария исследования частноправовых проблем стоит

¹ Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 17.

² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 61.

учитывать военно-политическую составляющую обеспечения национальной безопасности. Необходимость идеологизации цивилистической науки требует пересмотра гражданско-правовой методологии через призму национальной безопасности¹.

Осуществление СВО на территории Украины ускорило процесс изоляции российской экономики, усилило попытки ее удушения с целью последующего расчленения Российской Федерации (РФ) и разграбления. Важнейшая задача сегодня – это не допустить спада производства в экономике, сокращения рабочих мест. При этом важнейшей политической задачей остается сохранение правопорядка и учет прав иных лиц, в том числе нерезидентов из дружественных стран. Ответные меры против незаконных ограничений должны быть соразмерными и понятными для мирового сообщества и представителей мирового бизнеса.

Проведение СВО на территории Украины и нарастающие усилия «недружественных стран» США, других стран «недружественного Запада, которые носят противоправный характер, в отношении российской экономики, отдельных юридических и физических лиц высветили ряд правовых проблем, нуждающихся в оперативном решении. Как справедливо пишет профессор В. П. Камышанский, «... к сожалению, российское гражданское законодательство успешно может справляться с регулированием гражданского оборота, только когда «наш бронепоезд стоит на запасном пути», когда все стабильно и за окном не шумит угроза экономической блокады для России, а все зарубежные партнеры по бизнесу исполняют взятые на себя обязательства»².

В этой связи возникает необходимость определить для себя позицию в первую очередь относительно терминологии и чистоты понятий, используемых в юриспруденции при попытке

¹ Барков А. В., Гришина Я. С. Взгляд на цивилистическую методологию через призму национальной безопасности // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 257–258.

² Камышанский В. П. Особенности правового обеспечения гражданского оборота в условиях применения незаконных международных запретов и ограничений // Международное и отечественное право: сб. науч. ст. по итогам VI Севастопольского юридического форума (Севастополь, 22–23 сентября 2023 г.) / отв. ред. С. А. Васильев. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 101.

квалификации агрессивных действий так называемого коллективного Запада.

Широкое распространение в юридической литературе понятия «санкция» в качестве названия противоправных действий различного рода незаконных ограничительных мер недружественных стран так называемого коллективного Запада в отношении России является неверным и не соответствующим заложенному в нем смыслу. Это, скорее, ближе к понятиям «бесправие», «правовой беспредел». Санкция – мера ответственности за совершенное правонарушение. Ее применяют в отношении лиц, совершивших правонарушение, не исполнивших взятые на себя обязательства, допустивших нарушение взятых на себя обязательств, либо нарушивших чье-либо право собственности. На межгосударственном уровне могут быть законными только санкции, которые получили одобрение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН)¹.

Мы исходим из того, что под методом гражданского права следует понимать способы и средства, позволяющие регулировать общественные отношения наиболее эффективным способом. В условиях устойчивых и стабильных отношений на рынке товаров, работ и услуг наиболее предпочтительным является метод равенства и автономии воли его участников. Он позволяет в большей степени реализовать свободу предпринимательства, раскрыть инициативу и творческий подход его участников в своей предпринимательской деятельности.

Наряду со свободой волеизъявления и соблюдением принципа равенства на российском рынке предполагается еще и имущественная самостоятельность коммерческих организаций и предпринимателей без образования юридического лица. Именно свободное формирование производственных заданий и их обеспеченность соответствующими ресурсами позволяет предпринимателям быть конкурентоспособными на соответствующих рынках, закупать по своему усмотрению

¹ Камышанский В. П. Особенности правового обеспечения гражданского оборота в условиях применения незаконных международных запретов и ограничений // Международное и отечественное право: сб. науч. ст. по итогам VI Севастопольского юридического форума (Севастополь, 22–23 сентября 2023 г.) / отв. ред. С. А. Васильев. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 99–100.

комплектующие изделия соответствующего качества и адекватной этому качеству цене. Любое вмешательство в этот процесс извне приводит к негативным последствиям, повышению себестоимости производимой продукции и снижению ее конкурентоспособности.

В настоящее время количество незаконных международных ограничений и запретов в отношении РФ, отдельных российских организаций и граждан перевалило за 21 тысячу. В мировой практике это – беспрецедентные масштабы, которых история не знала. Это несравнимо больше ограничений по сравнению с установленными в отношении Северной Кореи и Ирана. И главное, что все эти международные ограничения носят незаконный характер, поскольку они не санкционированы Советом Безопасности ООН.

В сложившихся условиях, когда коллективный Запад грубо нарушает взятые на себя обязательства и создает препятствия зарубежным партнерам российских предпринимателей для осуществления предпринимательской деятельности, возрастает роль публично-правовых начал при регулировании рыночных отношений. Именно метод власти и подчинения с подключением государства позволяет уберечь российскую экономику от рецессии, спада производства, роста безработицы, а также обеспечивать возрастающие потребности Вооруженных Сил РФ, связанные с участием в СВО.

Применяемые к России незаконные так называемые санкции по юридической силе ничтожны и не должны порождать правовых последствий для РФ. Однако в действительности отечественная экономика столкнулась в последние несколько лет с целым рядом проблем, вызванных попытками ее блокады, изоляции от мировых рынков с целью уничтожения ее экономической основы и смены политического руководства.

Такая ситуация требует консолидации и концентрации усилий по обеспечению стабильности в работе российских предприятий. Это означает усиление публично-правовых начал в гражданском праве, возрастание роли государства в рыночных отношениях, в том числе посредством императивных предписаний, ограничения свободы договора, права частной собственности, применения ответных адекватных мер в отношении инициаторов незаконных действий, адресованных субъектам российского рынка.

Фактически России объявлена экономическая война, направленная на уничтожение отечественной экономики. В связи с этим оперативно принят комплекс мер организационного и правового характера, что позволило сохранить производственные цепочки различных отраслей реального сектора экономики, нарастить мощности военно-промышленного комплекса, сохранить рабочие места и обеспечить товарное наполнение сферы торговли.

В зависимости от особенностей характера и содержания экономических отношений, возникающих в период участия России в СВО, наблюдается в целом сбалансированный подход государства к сферам применения диспозитивного и императивного методов правового регулирования имущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права. Предпринята попытка расширения сферы свободы для бизнеса в его деятельности и максимально возможного снижения надзора и контроля за их деятельностью со стороны контролирующих органов. Ввиду п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса (ГК) РФ к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство применяют только в случаях, прямо предусмотренных законом. Это означает, что любые ограничения предпринимательской деятельности должны быть основаны на законе, а не на различного рода ведомственных инструкциях и рекомендациях. Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ также должны содержать правила, не противоречащие нормам гражданского законодательства.

В условиях СВО очень важно обеспечить баланс публичных и частных интересов, сохранив верховенство закона как нормативного акта, обладающего наивысшей юридической силой. Под балансом интересов следует понимать такое состояние правоотношения, при котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности реализации своих законных интересов¹. Сбалансированность прав и обязанностей имеет стабилизирующее значение для участников

¹ Пьянкова А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 117.

гражданского оборота в условиях СВО, требует разработки специальных правовых режимов. В литературе принято считать, что баланс интересов следует рассматривать в качестве одного из принципов гражданского права¹.

Принципы гражданского права – значимая часть правового порядка. Они обладают определенными регулятивными возможностями общественных отношений и пронизывают в целом систему праву, выступая его объединяющим началом. В науке существует позиция, согласно которой регулятивная роль принципов может проявляться лишь в случаях, если им противоречат правовые нормы². Однако мы исходим из того, что принципы – это всегда положения высшего уровня обобщения, а содержащиеся в них нормы всегда являются общими и поэтому не могут конкурировать со специальными правовыми нормами³.

Проблему сбалансированности интересов в условиях установления специальных правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности можно решить только на основе институционализации действующего гражданского законодательства и путем обеспечения комплексного подхода решения этой задачи. Институциональный подход при решении этой важнейшей задачи предполагает адаптацию норм действующего гражданского права к закрепленным в законах особым правовым режимам, введение которых обусловлено систематически возникающими в мире и периодически повторяющимися экономическими циклами подъема и спада экономической активности. Решение указанной проблемы предполагает системный характер. Он может быть сформирован посредством институционализации правового обеспечения гражданского оборота в условиях применения противоречащих

¹ Богданова Е. В., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 137.

² Бондаренко Н. А. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в правотворческой и правоприменительной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2007. С. 14.

³ Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 225.

международному праву действий недружественных государств и организаций¹.

Библиографический список

1. Барков А. В., Гришина Я. С. Взгляд на цивилистическую методологию через призму национальной безопасности // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. Вып. 6. С. 247–264.

2. Богданова Е. В., Пьянкова А. Ф. Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 135–146.

3. Бондаренко Н. А. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в правотворческой и правоприменительной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2007. 416 с.

4. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

5. Камышанский В. П. Институционализация отношений собственности в российском гражданском праве // Власть Закона. 2017. № 4. С. 14–19.

6. Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций (колонка редактора) // Власть Закона. 2022. № 4. С. 15–21.

7. Камышанский В. П. Особенности правового обеспечения гражданского оборота в условиях применения незаконных международных запретов и ограничений // Международное и отечественное право: сб. науч. ст. по итогам VI Севастопольского юридического форума (Севастополь, 22–23 сентября 2023 г.) / отв. ред. С. А. Васильев. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 99–105.

¹ Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций (колонка редактора) // Власть Закона. 2022. № 4. С. 17; Камышанский В. П. Институционализация отношений собственности в российском гражданском праве // Власть Закона. 2017. № 4. С. 14.

8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 353 с.

9. Пьянкова А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 117–130.

10. Ротань В. Г. Регулятивное значение принципов гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 221–228.

И. И. Рудченко

доцент кафедры гражданского права и процесса Краснодарского
университета МВД России,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
Rudchenkoi@bk.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ
ВЕЩНЫХ ПРАВ**

**THE CIVIL LEGAL LIABILITY OF PUBLIC ENTITIES FOR
INADEQUATE EXERCISE OF PROPERTY RIGHTS**

В статье проанализированы основания и содержание гражданско-правовой ответственности публичных образований за ненадлежащее осуществление правомочий владения, пользования и распоряжения объектами государственной и муниципальной собственности. Сделан вывод о том, что при значительном причинении вреда источником повышенной опасности, находящимся на ограниченном вещном праве, вопрос о возмещении вреда невозможно однозначно решить традиционным способом, путем привлечения исключительно причинителя вреда к гражданско-правовой ответственности. Отсутствие надлежащего контроля за осуществлением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, закрепленным за унитарным предприятием либо учреждением на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, следует квалифицировать как ненадлежащее осуществление публичными образованиями права собственности, и это должно предполагать меры гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность публичного образования, юридическая ответственность, право собственности, гражданская правосубъектность публичных образований, объекты права собственности, право государственной собственности, право муниципальной собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, учреждения, унитарные предприятия.

The article analyses the grounds and content of civil-law liability of public entities for improper exercise of powers of possession, use and disposal of state and municipal property objects. It is concluded that in case of significant infliction of harm by the source of increased danger, which is on the limited proprietary right, the issue of compensation for harm cannot

be unambiguously resolved in the traditional way, by bringing exclusively the cause of harm to civil liability. The lack of proper control over the exercise of the powers of possession, use and disposal of property assigned to a unitary enterprise or institution on the right of economic management or operational management should be qualified as improper exercise of the right of ownership by public entities, and this should imply measures of civil liability.

Keywords: civil liability of a public entity, legal liability, ownership right, civil legal personality of public entities, objects of ownership right, right of state ownership, right of municipal ownership, right of economic management, right of operational management, institutions, unitary enterprises.

При рассмотрении проблем ответственности публичных образований за ненадлежащее осуществление права собственности неизбежно возникает ряд вопросов, связанных с теоретическими аспектами. Они обусловлены в первую очередь недостаточной проработанной научной доктриной в сфере права публичной собственности. Существуют и проблемы практического характера, поскольку привлечение публичных образований к ответственности за причинение убытков гражданам и юридическим лицам остается проблемным ввиду наличия пробелов в законодательстве. Отсутствует отлаженный механизм правового урегулирования охранительных отношений с участием публичных образований.

Санкция служит обязательным атрибутом гражданско-правовой ответственности. Профессор М. К. Сулейменов предлагает понимать под санкцией в гражданском праве правовое последствие, которое норма устанавливает или допускает в случае нарушения гражданских прав¹. При этом «ответственность выступает в качестве формы реализации соответствующих санкций, а санкция – мерой этой ответственности»².

¹ Сулейменов М. К. Гражданско-правовая ответственность по законодательству Республики Казахстан // Ответственность в гражданском праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегодных цивилистических чтений (Алматы, 22–23 мая 2006 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. С. 13.

² Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 37.

Вопрос о факте и формах участия Российской Федерации (РФ), ее субъектов и муниципальных образований в гражданском обороте, в том числе и в отношениях по возникновению и прекращению права публичной собственности, остается дискуссионным и вызывает споры в научной литературе. Например, Д. В. Пятков¹ предлагал объяснять разграничение государства и гражданской правосубъектности наличием двух субъектов права: публично-правовое образование выступает одновременно и как публично-властная организация, и как юридическое лицо, под одним наименованием, но с разным правовым статусом. Более традиционным является признание участия публично-правовых образований в гражданско-правовом обороте как лиц особого рода, не тождественных юридическим, но приравненных к ним действующим гражданским законодательством и, соответственно, обладающих конституционной и гражданской правосубъектностью в одном лице.

Остается неразрешенным и вопрос о бремени доказывания при причинении вреда публично-правовым образованием. Как пишет Д. Е. Богданов, при причинении вреда властной деятельностью слабой стороной выступает потерпевший. Поэтому, исходя из требований принципа справедливости, необходимо возлагать бремя доказывания своей невиновности на публично-правовое образование². Следует признать, что по-прежнему нерешенными являются проблемы защиты слабой стороны в гражданском правоотношении, в том числе сущности этого явления, соотношения сильной и слабой стороны, признаков слабости стороны в гражданском правоотношении³. В отдельных случаях нельзя исключить и публичное образование в качестве слабой стороны правоотношения. Например, при осуществлении обвальной приватизации 90-х гг. прошлого

¹ Пятков Д. В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 57–58.

² См.: Богданов Д. Е. Особенности ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями // Адвокат. 2012. № 3. С. 42.

³ Волос А. А., Волос Е. П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2019. С. 6.

столетия интересы государства не учитывали должным образом, что привело к уничтожению целых отраслей российской экономики.

В действующем законодательстве нет нормативного определения понятия «публичные образования» и данным термином обобщают Российскую Федерацию, ее субъекты и муниципальные образования в доктринальных источниках. Однако, независимо от теоретической основы, наибольшее практическое значение для определения правосубъектности публично-правовых образований в контексте рассмотрения вопроса об ответственности за ненадлежащее осуществление права собственности имеют ряд статей Гражданского кодекса (ГК) РФ¹.

Согласно ст. 2 ГК РФ в числе участников гражданских правоотношений, помимо физических и юридических лиц, указаны Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования. Статья 124 ГК РФ приравнивает Россию, субъекты РФ и муниципальные образования к физическим и юридическим лицам, указывая на то, что к ним применяют нормы, определяющие участие юридических лиц в данных отношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей таких субъектов. О праве собственности говорится в ст. 212 ГК РФ. Данная статья гласит о том, что имущество может принадлежать РФ, ее субъектам и муниципальным образованиям на праве собственности, и отдельно указано, что права всех собственников защищены равным образом.

Действующее гражданское законодательство устанавливает двухзвенную систему объектов собственности публично-правовых образований, разделяя все имущество, принадлежащее им, на государственную и муниципальную собственность. Государственная собственность, в свою очередь, подразделяется на собственность РФ и собственность субъектов РФ. Фактически, учитывая до сих пор актуальный вопрос о разграничении между федеральной собственностью и собственностью субъектов, можно утверждать, что существует трехзвенная система, включающая в

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 2 декабря 2013) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

себя собственность РФ, собственность субъектов РФ и собственность муниципальных образований. В основе этого деления – функции публичных образований, которые не могут быть обеспечены без соответствующей материальной основы.

От имени публично-правовых образований права собственника осуществляют их специально уполномоченные органы, являющиеся, соответственно, структурными подразделениями указанных публично-правовых образований, а также физические и юридические лица. В частности, на федеральном уровне это в первую очередь Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и ряд федеральных министерств, Управление делами Президента РФ.

Все имущество, отнесенное к государственному и муниципальному, либо закреплено за государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями, либо составляет казну РФ, субъектов РФ и муниципальных образований соответственно. Термин «казан» имеет древнюю историю, восходит к римскому (цивильному) праву¹.

Таким образом, часть имущества находится в непосредственном владении публично-правовых образований, а другую его часть передают определенным организациям на предусмотренных гражданским законодательством условиях. За государственными и муниципальными предприятиями имущество закреплено на праве хозяйственного ведения, которое подразумевает самостоятельное владение, пользование и распоряжение переданным имуществом с рядом законодательно установленных ограничений. За учреждениями и казенными предприятиями имущество закреплено на праве оперативного управления, включающего в себя самостоятельное владение и пользование в соответствии с целями деятельности, но распоряжение они осуществляют только с согласия собственника.

Относительно объектов, составляющих имущество публично-правовых образований, также существует ряд особенностей. Во-первых, согласно ГК РФ, в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество,

¹ См. подробнее об этом: Андреев Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. С. 175–202.

за исключением отдельных видов. Относительно государственной и муниципальной собственности такой оговорки не сделано, а значит, объектный состав имущества публично-правовых образований не ограничен в рамках ГК РФ. Во-вторых, ряд объектов, представляющих особый интерес в контексте рассматриваемой темы, могут находиться только в государственной собственности, обладая потенциалом к нанесению значительного имущественного ущерба и вреда жизни, здоровью и окружающей среде вследствие ненадлежащей эксплуатации этих объектов собственником либо управомоченным лицом.

Уместно упомянуть о том, что право собственности носит двойственную природу и, помимо прав собственника, подразумевает его обязанности, в том числе и в ряде специально оговоренных законом случаев, по поддержанию имущества в надлежащем состоянии и возмещению вреда, причиненного им имуществом. Общие положения об ответственности за причиненный вред закреплены в ст. 1064 ГК РФ и подразумевают возмещение вреда причинителем, за исключением случаев, если закон возлагает ответственность на иное лицо, не являющееся причинителем вреда. С позиции теории гражданского права этой статьи достаточно для заключения о том, что ответственность за причинение вреда вследствие ненадлежащего осуществления права собственности публично-правовым образованием в ГК РФ предусмотрена. С учетом ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, подлежит возмещению.

Обязанность возмещения вреда, причиненного публично-правовыми образованиями, – это, несомненно, позитивный элемент в действующем гражданском законодательстве. Данное обстоятельство свидетельствует о равных подходах к защите всех форм собственности, в том числе и в гражданских правоотношениях с участием публичных образований как собственников, об одинаковой защите всех форм собственности даже в случаях, если обязанным (ответственным) лицом выступают государство или муниципальное образование, то есть

субъекты, обладающие особым властно-правовым статусом¹. Вместе с тем на практике реализация этого положения закона нередко вызывает ряд сложностей.

В качестве частного случая прописанной в законодательстве обязанности возмещения вреда вследствие ненадлежащего осуществления прав собственника можно привести предусмотренную Градостроительным кодексом (ГрК) РФ² ответственность за причинение вреда личности или имуществу гражданина, имуществу юридического лица вследствие разрушения, повреждения здания, сооружения либо части здания или сооружения. Согласно ст. 60 ГрК РФ ответственность за причинение вреда возложена на собственника данного здания, сооружения, если он не докажет, что эти события были результатом деятельности третьих лиц, потерпевших или обстоятельств непреодолимой силы.

Таким образом, если данное строение находилось в собственности государства, исходя из содержания статьи, независимо от того, в чьем оно находилось владении и пользовании, именно государство будет отвечать за последствия нарушения обязанности по поддержанию указанного строения в неаварийном состоянии. При этом данное нарушение, очевидно, можно отнести к одной из форм ненадлежащего осуществления прав собственника в отношении объекта собственности.

Значим и тот факт, что в закрытом перечне лиц, к которым собственник может направить регрессный иск после возмещения ущерба, предусмотренном ч. 5 ст. 60 ГрК РФ, отсутствуют владелец или пользователь здания. Соответственно, при причинении вреда в результате разрушения здания, переданного, например, государственному предприятию на праве хозяйственного ведения, возмещать в целом причиненный вред предстоит собственнику, то есть РФ, ее субъекту или муниципальному образованию. Между тем государственное

¹ Гаврилов В. Н., Дружинина Д. А., Сватухина Т. А. Гражданско-правовое регулирование института возмещения потерь в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 3. С. 148.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (с изм. и доп. от 21 октября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

предприятие в процесс возмещения не будет вовлечено, поскольку частный случай, предусмотренный ГрК РФ, в полном соответствии с принципами разрешения подобных коллизий будет применен даже с учетом противоречия заложенному в ГК РФ принципу о возмещении вреда его причинителем.

Вместе с тем ст. 1079 ГК РФ, определяющая порядок возмещения вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, возлагает обязанность возмещения не только на собственника, но и на лица, которым источник повышенной опасности принадлежал на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также ввиду распоряжения о передаче лицу источника повышенной опасности от соответствующего органа. Более того, перечисляя субъектов ответственности в этой статье, законодатель называет лишь граждан и юридических лиц.

Вопрос об актуальности возмещения вреда жизни, здоровью, имуществу и окружающей среде особенно актуален в связи с тем, что ряд источников повышенной опасности, ненадлежащее обращение с которыми может привести к катастрофическим последствиям, законодательно отнесены к исключительной собственности государства и не подлежат приватизации. В качестве примера приведем утвержденный указом Президента России¹ перечень федеральных государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении федерального агентства по атомной энергии.

В соответствии с ч. 3 ст. 126 ГК РФ Россия, субъекты РФ, муниципальные образования по общему правилу не отвечают по обязательствам созданных ими юридических лиц. Как указано ранее в статье, в случае причинения вреда источником повышенной опасности, переданном на праве оперативного управления, обязанность возмещения вреда возлагают на юридическое лицо, а не на собственника. В приведенный выше перечень, помимо иных объектов, входит, например, производственное объединение «Маяк», известное первой в истории СССР радиационной чрезвычайной ситуацией

¹О реструктуризации атомного энергопромышленного комплекса Российской Федерации: указ Президента РФ от 27 апреля 2007 г. № 556 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 18. Ст. 2185.

техногенного характера, имевшей крайне масштабные негативные последствия, произошедшей в 1957 г. Федеральный закон, закрепляющий меры социальной защиты пострадавших, принят только в 1998 г., и он представлял собой фактически добровольное принятие на себя ответственности Россией¹, так как советская правовая система ответственности государства в подобных случаях не предусматривала.

В. П. Камышанский в своих работах об ограничениях права собственности обращает внимание на то, что неотделимым элементом права собственности на предприятие является обязанность по соблюдению установленных нормативов качества окружающей природной среды на основе соблюдения утвержденных технологий, внедрения экологически безопасных технологий и производств, надежной и эффективной работы очистных сооружений, установок и средств контроля, обезвреживания и утилизации отходов².

Из этого следует сделать вывод, что отсутствие надлежащего контроля за исполнением вышеперечисленного юридическим лицом, которому предприятие передано на праве хозяйственного ведения, есть ненадлежащее исполнение публичным образованием права собственности. Подобная ситуация, помимо объектов атомной энергетики, может возникнуть и в отношении иных особо опасных объектов недвижимости, в том числе, к примеру, гидротехнических сооружений, подобных Саяно-Шушенской ГЭС.

В сложившейся ситуации, при возможном повторении масштабного причинения вреда вследствие ненадлежащего осуществления правомочий публично-правового образования как

¹ О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча: федер. закон от 26 ноября 1998 г. № 1175-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 48. Ст. 5850.

² См.: Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 271; Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. 2004. № 4. С. 22; Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // Хозяйство и право. 2008. № 10 (381). С. 63.

собственника источника повышенной опасности, находящегося во владении и пользовании на праве хозяйственного ведения, вопрос о возмещении вреда фактически невозможно будет разрешить традиционным способом. Юридическое лицо, которое ввиду общего правила обязано возмещать вред, причиненный гражданам и юридическим лицам, будет не в состоянии это сделать по независящим от него причинам при отсутствии достаточных средств. В этом случае участие государства при возмещении вреда будет возможным не путем привлечения его к исполнению обязательства в рамках гражданского законодательства, а исключительно путем совершения публично-правовых действий. Например, путем принятия акта, устанавливающего компенсационные меры и источники финансирования. Такой подход с юридической точки зрения не позволяет говорить о наличии в гражданском законодательстве надежных гарантий возмещения вреда для пострадавших граждан и юридических лиц.

Библиографический список

1. Андреев Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 374 с.
2. Богданов Д. Е. Особенности ответственности за вред, причиненный публично-правовыми образованиями // Адвокат. 2012. № 3. С. 41–45.
3. Волос А. А., Волос Е. П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2019. 184 с.
4. Гаврилов В. Н., Дружинина Д. А., Сватухина Т. А. Гражданско-правовое регулирование института возмещения потерь в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 3. С. 148–153.
5. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // RUSSIAN Российский судья. 2004. № 4. С. 22–23.
6. Камышанский В. П. Некоторые проблемы приватизации земельных участков особо охраняемых природных территорий // RUSSIAN Хозяйство и право. 2008. № 10 (381). С. 63–68.
7. Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 357 с.

8. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 608 с.

9. Пятков Д. В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 327 с.

10. Сулейменов М. К. Гражданско-правовая ответственность по законодательству Республики Казахстан // Ответственность в гражданском праве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегодных цивилистических чтений (Алматы, 22–23 мая 2006 г.) / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. 440 с.

УДК 347
ББК 67.404

А. С. Шеховцова

доцент кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Краснодар
ankras@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**THE LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF SERVICE
PROVIDERSHIP USING DIGITAL TECHNOLOGIES**

Статья посвящена анализу правовых аспектов при оказании услуг с использованием цифровых технологий. Исследование основано на анализе существующих концепций электронной торговли и коммерции, а также их отношений с традиционными понятиями гражданского права. Особое внимание уделено вопросам защиты интеллектуальной собственности, а также управления и регулирования цифровых услуг. В работе проведен критический обзор правовых норм, предлагаются рекомендации по их совершенствованию с учетом быстрого развития цифровых технологий и их влияния на современные бизнес-практики.

Ключевые слова: цифровые технологии, оказание услуг, правовое регулирование, услуги, электронная торговля, интеллектуальная собственность, электронная коммерция, обеспечение правовой защиты.

The article is devoted to the analysis of legal aspects in the provision of services using digital technologies. The research is based on the analysis of existing concepts of electronic trade and commerce, as well as their relations with traditional concepts of civil law. Special attention is paid to the issues of intellectual property protection, as well as the management and regulation of digital services. The paper provides a critical review of legal norms and offers recommendations for their improvement, taking into account the rapid development of digital technologies and their impact on modern business practices.

Keywords: digital technologies, service delivery, legal regulation, services, e-commerce, intellectual property, e-commerce, enforcement.

Н аблюдаемые тенденции эволюции научно-технического прогресса вызвали необходимость углубленного рассмотрения интеграции цифровых инноваций в сфере

гражданского оборота. Данное явление оказывает влияние как на правоприменительную практику, так и на академическое сообщество, порождая значительные дискуссии относительно вопросов о нормативном регулировании предоставления различных услуг с использованием цифровых технологий.

Так, исследованию специфики оказания услуг с использованием цифровых технологий и их правовому регулированию посвящены работы В. А. Камышанского¹, А. Я. Гасанова², Е. Ю. Руденко³, В. А. Очаковского⁴ и других ученых. Согласно точке зрения Л. В. Санниковой, понятие «услуги» относится к действиям, осуществляемым «услугодателем» в целях сохранения или изменения состояния невещественных благ, таких как неимущественные права, информация и нематериальные блага, в пользу «услугополучателя». Это означает, что услуги представляют собой акты или процессы, направленные на удовлетворение потребностей или желаний клиента путем предоставления определенных услуг или выработки определенных результатов в сфере нематериальных благ. Такое понимание указывает на важность не только материальных, но и нематериальных аспектов в современной экономике и обществе, где качество услуг играет существенную роль⁵. Управление представляет собой осознанное и направленное использование информационных средств с целью перемещения объекта из одного состояния в другое⁶.

¹ Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14.

² Гасанов А. Я. Цифровые услуги в гражданском обороте // Международный научный вестник. 2023. № 1. С. 72.

³ Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 708. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/40.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Очаковский В. А., Усенко А. С. К вопросу об установлении сбора за интернет-покупки в России // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 376. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/20.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Санникова Л. В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 72.

⁶ Цифровая экономика России: сотрудничество государства и бизнеса // 21-й форум РИФ + КИБ. URL: <http://2017.russianinternetforum.ru/news/1293/> (дата обращения: 30.03.2024).

Целесообразно обратить внимание на то, что интернет предоставляет значительные возможности для незаконного распространения объектов, подпадающих под авторское право и интеллектуальную собственность в целом в онлайн-среде. Для преодоления таких обстоятельств требуется оперативное применение правовых мер. В связи с этим возникла необходимость разработки и принятия правового документа, посвященного охране интеллектуальной собственности, включая авторские права в сети Интернет, который бы регулировал основные аспекты этой проблематики.

Одной из ключевых проблем, связанных с защитой авторских прав, которые нарушаются в информационных сетях, является сложность доказывания факта незаконного использования объектов интеллектуальной собственности. В настоящее время в российской доктрине и правоприменительной практике существует несколько точек зрения относительно того, какие доказательства следует представить суду для подтверждения факта нарушения авторских прав в сети Интернет.

Речь идет о том, что в случае отсутствия специальных условий в договоре возмездного оказания услуг исполнитель обязан выполнять услуги лично. Однако в области рассмотрения услуг, оказываемых с применением электронных технологий, данное положение может быть несостоятельным, поскольку использование электронных средств часто подразумевает применение общих алгоритмов и электронных решений для предоставления однотипных услуг пользователям. В результате концепция «личного» предоставления услуг может оказаться несостоятельной и редко применяется на практике.

В качестве примера можно рассмотреть ситуации, в которых договор заключают с использованием смарт-контрактов¹. В таких ситуациях оказание услуг персонального характера не предусмотрено, правоотношения у сторон возникают и исполняются посредством выполнения алгоритмов и шаблонов, которые заранее запрограммированы. Распространены

¹ Smart contract concept and signs: comparative legal analysis of the legislation in Russia, Belarus, the EU and the USA / V. P. Kamyshansky, M. A. Garmshev, A. S. Shekhovtsova [et al.] // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. No. S3. P. 47.

в практике случаи выполнения той или иной услуги посредством использования искусственного интеллекта. В этих ситуациях отождествлять выполнение таких услуг с деятельностью человека является не совсем корректным.

В электронных документах любого типа, в том числе электронных копиях фотоснимков, изображений, текстовой информации, применяют электронный водяной знак. Это особая метка, встраиваемая в электронный контент для защиты авторских прав и подтверждения целостности документа. Такие знаки расходятся для того, чтобы компьютерный файл не был изменен без разрешения и уведомления автора, а если объект авторских прав незаконно подвергается каким-либо манипуляциям, то электронный водяной знак изменяется.

Выявляемые знаки могут быть как визуальными, так и невидимыми. Визуальные водяные знаки представляют собой уникальные обозначения авторства, такие как подпись автора или логотип, указывающие на принадлежность конкретного произведения определенному автору. Однако эти знаки могут быть легко удалены или изменены. Невидимые водяные знаки, в свою очередь, встраиваются в компьютерные файлы, и их нельзя обнаружить при визуальном осмотре.

Изложенное позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Во-первых, услуги, основанные на использовании цифровых технологий, представляют собой сложный юридический объект: с одной стороны, регулирование оказания таких услуг в рамках гражданского права часто связано с вопросами интеллектуальной собственности; с другой – содержание таких услуг как самостоятельного предмета имеет свои особенности, не всегда сводящиеся к использованию объектов интеллектуальной собственности в качестве правовых основ.

Во-вторых, цифровые технологии служат инструментом (в различных формах, таких как алгоритмы, сигналы, кодовые импульсы и т. д.), использование которого при оказании услуг приводит к следующему: 1) к необходимости проведения таких услуг исключительно в онлайн-среде; 2) к приданию услуге (как процессу ее предоставления, так и в большинстве случаев ее результату) специфических характеристик, изменяющих ее юридическую природу. Это влечет за собой уникальные права, обязанности и ответственность для участников процесса предоставления и получения таких услуг.

Третий аспект заключается в том, что услуги, основанные на использовании цифровых технологий, представляют собой специальную категорию цифровых инструментов, которая в настоящее время не имеет четкого юридического регулирования в рамках российского гражданского права. Нормы, связанные с цифровыми правами, не охватывают полностью гражданско-правовые отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся при оказании услуг с использованием цифровых технологий.

Понятие «услуга с использованием цифровых технологий», по нашему мнению, расширяет понятие «цифровые права», и это определено в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), поскольку услуга как объект гражданского права включает в себя не только цифровые права, но и обязанности сторон и третьих лиц, возникающие в связи с осуществлением гражданских правоотношений.

Кроме того, с целью сближения национальной модели осуществления торговой деятельности с международными стандартами и расширения торгового оборота с дружественными странами в России представляется целесообразным разработать закон о электронной торговле на федеральном уровне. В содержании такого закона следует уделить внимание определению электронной торговли и цифровых технологий, видам сделок, осуществляемым с применением цифровых технологий, а также методам защиты и гарантийным механизмам.

Вместе с тем остаются открытыми вопросы, требующие дальнейшего исследования, в частности в области правового регулирования совершения сделок с использованием искусственного интеллекта, включая нейронные сети, а также реализации принципов добросовестности в условиях цифровизации и другие аспекты. В юридической литературе прослеживается разнообразие точек зрения относительно концепции электронной торговли.

Одни авторы рассматривают электронную торговлю как внутреннюю подсистему торговли и специфический вид коммерческой деятельности. В этом смысле электронная торговля определена как «совокупность коммерческих организаций, для которых оптовые и розничные операции по купле-продаже товаров в электронной форме являются основным и профессиональным видом электронной экономической

деятельности». С точки зрения коммерческого права электронную торговлю рассматривают как многофункциональную профессиональную деятельность, включающую в себя формирование товарных потоков, расширение и освоение новых рынков сбыта, установление международных и региональных договорных отношений по поставкам товаров, а также накопление товарных запасов и иные аспекты¹.

Другие авторы предлагают отождествлять понятия «электронная торговля» и «электронная коммерция»². Данный подход основан на том, что термин «электронная торговля» является переводом англоязычного термина “electronic commerce”, который, например, используется Всемирной торговой организацией для обозначения процессов производства, рекламы, продажи или распределения товаров через телекоммуникационные сети³.

Ряд исследователей аргументируют, что понятие «электронная коммерция» охватывает понятие «электронная торговля». Согласно их трактовке, электронная коммерция представляет собой совокупность всех операций между предпринимателями и их контрагентами, осуществляемых с использованием информационных технологий, и она не ограничена исключительно торговыми операциями⁴. В области исследований электронная коммерция рассмотрена как поставщик информационно-телекоммуникационных решений, поддерживающих процессы электронной торговли⁵.

Безусловно, электронная торговля отличается тем, что ее проведение осуществляется с использованием электронных

¹ Рассолов И. М. Электронная торговля и электронные платежи в свете нового российского законодательства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 98.

² Алексеев И. Ю. Электронная торговля: правовые проблемы предпринимательской деятельности в Интернете // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 275; Терещенко Л. К. Правовое регулирование электронной коммерции // Юридический мир. 2001. № 10. С. 37.

³ Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Указ. соч.

⁴ Евтушенко Д. Д. Электронный бизнес, электронная коммерция, интернет-торговля: сущность и взаимосвязь понятий // Бизнес информ. 2014. № 8. С. 187.

⁵ Марченко М. А. Электронная торговля как форма прямого маркетинга // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 1 (2). С. 75.

сообщений, то есть передачи и приема информации через информационно-телекоммуникационные сети. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» торговля определена как вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров¹.

Следовательно, электронная торговля может быть охарактеризована как разновидность предпринимательской деятельности, связанной с процессом приобретения и продажи товаров через информационно-телекоммуникационные сети. В связи с этим для обеспечения единого и ясного понимания термина «товар» целесообразно закрепить его определение в гражданском законодательстве. В предложенном определении «товар» может быть представлен как любое движимое имущество, за исключением ряда категорий, а также как недвижимое имущество, свободно обращающееся на рынке в соответствии с законодательством.

Библиографический список

1. Алексеев И. Ю. Электронная торговля: правовые проблемы предпринимательской деятельности в Интернете // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 275–278.
2. Гасанов А. Я. Цифровые услуги в гражданском обороте // Международный научный вестник. 2023. № 1. С. 72–75.
3. Евтушенко Д. Д. Электронный бизнес, электронная коммерция, интернет-торговля: сущность и взаимосвязь понятий // Бизнес информ. 2014. № 8. С. 184–188.
4. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–18.
5. Марченко М. А. Электронная торговля как форма прямого маркетинга // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 1 (2). С. 74–78.

¹ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 13.

6. Очаковский В. А., Усенко А. С. К вопросу об установлении сбора за интернет-покупки в России // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 376–385. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/04/pdf/20.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

7. Рассолов И. М. Электронная торговля и электронные платежи в свете нового российского законодательства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 4 (35). С. 98–99.

8. Руденко Е. Ю., Усенко А. С. Понятие и правовое регулирование электронной торговли // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 708–720. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/07/pdf/40.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

9. Санникова Л. В. Обязательства об оказании услуг в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 315 с.

10. Терещенко Л. К. Правовое регулирование электронной коммерции // Юридический мир. 2001. № 10. С. 36–42.

11. Цифровая экономика России: сотрудничество государства и бизнеса // 21-й форум РИФ + КИБ. URL: <http://2017.russianinternetforum.ru/news/1293/> (дата обращения: 30.03.2024).

12. Smart contract concept and signs: comparative legal analysis of the legislation in Russia, Belarus, the EU and the USA / V. P. Kamyshansky, M. A. Garmshev, A. S. Shekhovtsova [et al.] // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2020. No. S3. P. 1–47.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

УДК 347.232
ББК 67.404.1

С. В. Скрябин

главный научный сотрудник
Института законодательства и правовой информации Республики
Казахстан,
старший научный сотрудник
Института частного права
Каспийского университета,
кандидат юридических наук, доцент
Казахстан, г. Алматы
sergei_skryabin@mail.ru

**ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ**

**THE INTERPRETATION OF CIVIL LAW NORMS OF THE
KAZAKHSTAN REPUBLIC ABOUT ACQUISITION LIMITATION**

Статья подготовлена на основе выступления автора на международной научно-практической конференции (в рамках ежегодных цивилистических чтений) «Применение и толкование закона и договора» (г. Алматы, 22–23 сентября 2022 г.). Изложены правовые позиции и краткие комментарии по толкованию правил гражданского законодательства Республики Казахстан о приобретательной давности. По результатам исследования предложены общие рекомендации по формированию новых правовых позиций Верховного суда Республики Казахстан, систематизации сформулированных ранее предложений о проекте изменений и дополнений в действующее законодательство в контексте вопросов приобретательной давности. Сделан вывод о важности системного толкования норм гражданского законодательства, придании ему нормативного характера. Утверждается, что правовые позиции должны быть разумным сочетанием (синтезом) юридической доктрины и практики. Это не изменяет их правовой природы, то есть они остаются лишь разъяснениями (результатами толкования) норм гражданского законодательства, которые напрямую зависят от редакции соответствующих норм и правил. Подобные разъяснения составляют сущность и содержание нормативных постановлений Верховного суда Республики Казахстан, не могут содержать новых правовых норм.

Ключевые слова: приобретательная давность, незаконное владение, условия приобретения по давности владения, защита

незаконного владения, толкование норм, гражданское законодательство, судебное толкование.

The article was prepared on the basis of the author's speech at the international scientific-practical conference (within the framework of annual civilistic readings) "Application and interpretation of law and contract" (Almaty, 22-23 September 2022). Legal positions and brief comments on the interpretation of the rules of civil legislation of the Republic of Kazakhstan on acquisition limitation are stated. Based on the results of the study, general recommendations on the formation of new legal positions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, systematisation of the previously formulated proposals on the project of amendments and additions to the current legislation in the context of issues of acquisition limitation are proposed. The conclusion is made about the importance of systemic interpretation of the norms of civil legislation, giving it a normative character. It is argued that legal positions should be a reasonable combination (synthesis) of legal doctrine and practice. This does not change their legal nature, i.e. they remain only explanations (results of interpretation) of the norms of civil legislation, which directly depend on the wording of the relevant norms and rules. Such explanations constitute the essence and content of normative resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan and cannot contain new legal norms.

Keywords: acquisition limitation, unlawful possession, conditions of acquisition by limitation of possession, defence of unlawful possession, interpretation of norms, civil law, judicial interpretation.

Введение

Гражданское законодательство многих постсоветских государств, построенных на основе модельного Гражданского кодекса стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), в отношении приобретательной давности лаконично. Во всех кодексах представлена лишь одна статья, расположенная в главах о приобретении права собственности.

Между действующими редакциями ст. 240 Гражданского кодекса Республики Казахстан¹ (далее – ГК, Кодекс) и ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)

¹ Здесь и далее, если в тексте не указано иное, правовые акты Республики Казахстан и Российской Федерации приведены из информационной системы «Параграф» («Юрист», «Континент») по состоянию на 1 ноября 2023 г.

существуют различия. Их немного: 1) срок, в течение которого приобретается право собственности на недвижимое имущество (семь лет – в Казахстане, пятнадцать лет – в России); 2) по-разному определено начало течения срока, в частности в Казахстане с момента завладения вещью (п. 4 ст. 240 ГК), в России – иначе и сложнее (п. 4 ст. 234 ГК РФ).

Судебное толкование правил о приобретательной давности в Казахстане было фрагментарным. В России высшие судебные инстанции неоднократно представляли свою позицию относительно отдельных аспектов ст. 234 ГК РФ¹. Мы не ставим целью в настоящей статье сопоставить правовые позиции судов Казахстана и России. Задача состоит в другом: попытаться дать системное толкование правил о приобретательной давности по гражданскому законодательству Казахстана. Возможно, изложенное будет интересным в контексте предполагаемого принятия новой редакции раздела II ч. 1 ГК РФ², что предусмотрено в одноименной концепции³.

В Казахстане в течение длительного периода правила ст. 240 ГК о приобретательной давности были своего рода *terra incognita* (в переводе с лат. «неизвестная земля»). Ее не спешили «исследовать» ни участники гражданских правоотношений, ни правоприменители. Подобное обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

По нашему мнению, основной объективной причиной является отсутствие в советском, как и постсоветском, гражданском законодательстве правил об институте владения, а

¹ См., напр.: О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Гарант.ру: информ. - правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1695065/?ysclid=lxbn850b5x130248320> (дата обращения: 20.03.2024).

² См. один из вариантов: О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект № 47538-6/5 во втором чтении федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?ysclid=lxbnimbqai872636284> (дата обращения: 09.12.2019).

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. / Вступ. ст. А. Л. Маковского. М.: Статут, 2009. С. 72 и сл.

значит, и приобретательной давности как составной его части. Как станет очевидным из последующего анализа, толкование и применение даже существующих правил ст. 240 ГК не может быть осуществлено без использования ряда общих положений о владении, представленных сегодня лишь на доктринальном уровне. Именно поэтому разработка надлежащих правовых позиций, разъясняющих особенности применения правил ст. 240 ГК и некоторых взаимосвязанных с ней других статей Кодекса, позволит не только упорядочить и скорректировать сложившуюся судебную практику Казахстана, но и предложить решения некоторых концептуальных вопросов владения при зятянувшемся «молчании» законодателя.

Главной субъективной причиной можно назвать отсутствие в Казахстане комплексных исследований вопросов приобретательной давности. При этом нельзя утверждать, что не было изысканий относительно ряда аспектов приобретательной давности, как и владения. Были и остаются¹. Но их почему-то чаще всего игнорируют правоприменители.

Важно указать на практическую востребованность приобретательной давности, поскольку с помощью соответствующих правил решается одна из фундаментальных цивилистических задач: *снимается противоречие между фактическим и юридическим присвоением, незаконным владением и собственностью, устраняется правовая*

¹ См., напр.: Скрыбин С. В. Институт владения в гражданском законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития // Некоторые вопросы совершенствования гражданского, социального и предпринимательского законодательства Республики Казахстан: Коллективная монография / под общ. ред. Р. К. Сарпекова, В. Т. Конусовой. Нур-Султан: РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 2021. С. 6–25; Защита гражданских прав: Монография / Отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2011. С. 135–140; Скрыбин С. В. Отдельные особенности доказывания по спорам о защите владения, права собственности и иных вещных прав // Зангер. 2010. № 8. С. 37–47; Скрыбин С. В. Защита владения в гражданском законодательстве Республики Казахстан // Защита гражданских прав: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Казахского гуманитарно-юридического университета (в рамках ежегодных цивилистических чтений). Алматы, 13–14 мая 2004 г. / Отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права, КазГЮУ, 2004. С. 180–186; Скрыбин С. В. Исковая и приобретательная давность // Юрист. 2003. № 9. С. 48.

неопределенность в имущественных правоотношениях. Кроме того, при решении указанной задачи существует прямой выход на более фундаментальную проблему: *неприкосновенность и гарантированность собственности.* Конечно, в правовых системах эти проблемы решают различными способами. Казахстану при всем богатстве вариантов нужно выбрать и выработать свое, учитывающее сложившиеся различные факторы (политические, экономические, культурные, иные).

Вместе с тем нельзя не акцентировать внимание на необходимости разработки и включения в ГК полноценного раздела о владении. Это должен быть самый приемлемый вариант реализации раздела 4.5 Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 г., утвержденной указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. № 674. В нем речь идет о следующем: «В целях усиления защиты права собственности необходимо совершенствование норм о владении, приобретательной давности и негаторном иске».

Полагаем, что только таким образом можно предложить должное решение ряда теоретических и практических вопросов. Пока можно говорить об одном значимом, но лишь фрагменте института владения, в частности о приобретательной давности. Однако и в этом случае важны для доктрины и практики правовые позиции судов, в которых должны найти отражение как разумное сочетание применения соответствующих правил, так и разъяснения (результаты толкования) составляющих сущность и содержание нормативных постановлений Верховного суда Республики Казахстан (далее – НП ВС), но не новых правовых норм¹.

Общий анализ законодательства и судебной практики о приобретательной давности

Прежде всего обратим внимание на несколько формальных, но важнейших условий толкования правил ст. 240 ГК.

Во-первых, прошедшие изменения и дополнения. Их было три:

¹ Дискуссию об этом см.: Скрябин С. В. Юридическая природа нормативных постановлений Верховного суда Республики Казахстан: продолжение дискуссии // Юрист. 2009. № 11. С. 41–49.

1) законом Республики Казахстан от 2 марта 1998 г. № 211-1 «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) и в постановление Верховного Совета Республики Казахстан “О введении в действие Гражданского кодекса Республики Казахстан (общая часть)” в ч. 1 п. 1 ст. 240 слова «не являющиеся» заменены словами «не являющееся»¹;

2) законом Республики Казахстан от 25 марта 2011 г. № 421-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского законодательства» (далее – Закон от 25 марта 2011 г. № 421-IV) внесены два существенных изменения: а) п. 4 ст. 240 ГК изложен в новой редакции: «4. Течение срока приобретательной давности начинается с момента завладения вещью»; б) п. 5 ст. 240 ГК исключен.

Закон от 25 марта 2011 г. № 421-IV разрабатывался по инициативе и при непосредственном участии сотрудников Научно-исследовательского института (НИИ) частного права Каспийского университета в рамках совершенствования гражданского законодательства. За его нормами – результаты научных изысканий, анализ сложившейся практики применения Кодекса. Не все наши предложения учтены при разработке Закона от 25 марта 2011 г. № 421-IV, ряд проблем остался. Их устранению и разрешению будут способствовать большинство из сделанных ниже рекомендаций. Поэтому, например, обоснование новой редакции п. 4 ст. 240 ГК следует искать в необходимости разграничения правил исковой и приобретательной давности². Срок начала течения приобретательной давности, во-первых, перестал зависеть от каких-либо иных условий; во-вторых, получил достаточное твердое временное исчисление, без искусственного увеличения срока приобретательной давности, к

¹ Изменение является лишь редакционным уточнением, не влияющим на содержание правового регулирования, что присуще большинству поправок цитируемого закона.

² Об этом см.: Скрябин С. В. Исковая и приобретательная давность // Юрист. 2003. № 9. С. 48–55.

которому ранее присоединялся общий срок исковой давности: 18 лет для недвижимости и восемь лет для движимых вещей¹.

Исключение Законом от 25 марта 2011 г. № 421-IV пункта 5 статьи 240 ГК² призвано предотвратить (даже прекратить) возможность фиктивных исков со стороны мнимых собственников, что предоставило бы давностному владельцу требование о признании за ним права собственности, независимо от соблюдения условий приобретения, указанных в п. 1 ст. 240 ГК.

Еще раз сделаем акцент на важности, но недостаточности изменений и дополнений Закона от 25 марта 2011 г. № 421-IV о приобретательной давности, что с очевидностью продемонстрировала ситуация, связанная с применением соответствующих норм. Подробнее остановимся на этом далее в статье.

3) наконец, законом Республики Казахстан от 22 июля 2011 г. № 479-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам жилищных отношений» (далее – Закон от 22 июля 2011 г. № 479-IV) в ч. 1 п. 1 ст. 240 ГК слово «пятнадцати» заменено словом «семи». Казалось бы, пустяк. Но нет! Это нововведение, которое можно смело именовать очередным казахстанским «прибамбасом», существенно исказило суть приобретения права собственности на недвижимое имущество по давности владения. Срок сокращен более чем в два (!) раза, в итоге незаконным владельцам недвижимости дана возможность легально приобрести его в ускоренном порядке. Тем самым существенно ограничены законные гарантии неприкосновенности права собственности. И это далеко не пустяк!

Разработка и принятие Закона от 22 июля 2011 г. № 479-IV – результат лоббирования представителей ряда регионов, в которых начала формироваться судебная практика по

¹ Об этом см., напр.: Алимбеков М. Т., Утешева К. Ш., Абдиев Ж. Н., Абдрасулов Е. Б., Горячева Е. Б. Споры о праве собственности на жилое помещение: практическое пособие, Астана, 2009. С. 75–76.

² Данный пункт действовал в следующей редакции:

³ В случае, если лицу отказано в суде в признании за ним права собственности, собственником становится лицо, владеющее имуществом.».

рассмотрению дел о так называемом брошенном жилье, включая не только отдельные домовладения, но и квартиры. Дополнительный всплеск интереса к приобретательной давности обеспечило разрешение споров по дачной (садовой) и иной пригородной недвижимости, возникших при расширении крупных городов. Предложен простой и незамысловатый способ, в частности снижение срока для приобретения по давности владения недвижимостью: вместо пятнадцати лет лишь семь, что, видимо, необходимо исправить.

Во-вторых, толкование норм гражданского законодательства чаще всего необходимо осуществлять в системе с иными нормами Кодекса и других нормативных правовых актов. Для приобретательной давности подобных взаимосвязей несколько. Часть из них очевидна, другая – не вполне. Приведем наиболее важные из них:

1) п. 1 ст. 240 ГК взаимосвязан с понятием добросовестного владельца, содержащимся в п. 1 ст. 261 ГК (так называемая субъективная добросовестность), а также с общей презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 4 ст. 8 ГК);

2) ч. 2 п. 1 ст. 240 ГК требует согласования с правилами о государственной регистрации права собственности на имущество, включая правила ст. 118 ГК, аналогичный закон и иное законодательство, регулирующие вопросы регистрации отдельных объектов;

3) п. 2 ст. 240 ГК требует привязки к правилам гражданского процессуального законодательства. Подобная привязка отсутствует как в действующем Кодексе Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (далее – ГПК), так и в ранее действовавшем гражданском процессуальном законодательстве;

4) п. 4 ст. 240 ГК взаимосвязан с правилом ст. 173 ГК о начале срока, определенного периодом времени;

5) определение значения правила п. 2 ст. 242 ГК в аспекте соотношения ряда способов приобретения права собственности, основанных на завладении между собой, установлением особенностей применения приобретательной давности.

Конечно, практика правоприменения правил Кодекса о приобретательной давности постепенно начала формироваться. Приняты первые решения, подготовлено несколько обобщений,

по некоторым вопросам сформированы правовые позиции в различных НП ВС. Изначально разрешены соответствующие вопросы относительно жилья (ч. 3 п. 12 НП ВС от 16 июля 2007 г. № 5 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с защитой права собственности на жилище», ч. 2 п. 5, пункты 10–13 НП ВС от 20 апреля 2006 г. № 3 «О практике рассмотрения судами споров о праве на жилище, оставленное собственником»). Процессуальные аспекты приобретательной давности сформулированы частично: указано, например, на недопустимость рассмотрения подобных вопросов в рамках особого производства (пункты 8, 12-1 НП ВС от 28 июня 2002 г. № 13 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение»).

Наконец, в 2019 г. проведено Обобщение судебной практики по гражданским делам о признании права собственности в силу приобретательной давности (далее – Обобщение)¹. В Обобщении судебная практика по искам о признании права собственности в силу приобретательной давности разделена на условные группы. Это иски в отношении:

- государственного имущества;
- бесхозяйного имущества;
- имущества, приобретенного по ненадлежаще оформленной сделке;
- имущества, собственники которого умерли;
- самовольных построек (с. 85 Обобщения).

По каждой группе исков сделаны определенные обобщения и выводы.

Так, исключено действие приобретательной давности в отношении государственного имущества (с. 86 Обобщения). Бесхозяйное жилье может быть приобретено по давности владения (с. 90–91 Обобщения), а бесхозяйные земельные участки – нет (с. 96–97 Обобщения). Имущество, приобретенное по ненадлежаще оформленной сделке, может быть приобретено в

¹ См.: Обобщение судебной практики по гражданским делам о признании права собственности в силу приобретательной давности // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. № 7. 2019. С. 75–111.

При необходимости далее в тексте, в скобках, будут указаны страницы из текста Обобщения.

собственность посредством: а) признания соответствующей сделки действительной; б) приобретательной давности (с. 99–100 Обобщения).

Гражданские дела по искам о признании права собственности на имущество, собственник которого умер, разделены на три группы. В Обобщении сделан вывод о том, что при наличии определенных обстоятельств приобретение по правилам ст. 240 ГК возможно. Однако подобные ситуации должны иметь исключительный (редкий) характер (с. 103–107). В отношении самовольных построек подтвержден сделанный ранее вывод о том, что на соответствующие отношения приобретательная давность не распространяется (с. 107–109).

Очевиден тот факт, что большая часть результатов, изложенных в Обобщении, вошли в проект НП ВС «О применении судами норм гражданского законодательства о признании права собственности в силу приобретательной давности» (далее – проект НП)¹. Институт частного права Каспийского университета неоднократно делал рекомендации и замечания относительно проекта НП². Верховному суду предложен формат семинара для обсуждения положений проекта НП, выработки рекомендаций по толкованию и применению правил ст. 240 ГК (далее – Рекомендации)³, который проведен 14–15 марта 2022 г. Рекомендации подготовлены, пересланы на имя Председателя ВС. Получен феноменальный ответ (но уже от председателя гражданской коллегии ВС). Его суть сводится к следующему: «приняты к сведению, будем работать, но предложения по

¹Один из вариантов см.: О применении судами норм законодательства о признании права собственности в силу приобретательной давности: проект нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан // Верховный суд Республики Казахстан. URL: sud.gov.kz/sites/default..proekt_np_davn_rus.docx (дата обращения: 20.03.2024).

² Обзор некоторых концептуальных положений проекта НП и сделанные нами рекомендации. См.: Скрыбин С. В. Институт владения в гражданском законодательстве Республики Казахстан. С. 13–15.

³ См.: Приобретательная давность: теоретические и практические вопросы применения норм гражданского законодательства (материалы международного семинара) // Актуальные проблемы частного права. Научные труды НИИ частного права Каспийского университета. Выпуск 2 / Отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2022. С. 179–195.

дополнениям в ГК – это не к нам». Иными словами, бюрократическая отписка.

Семинар прошел, как нам показалось, конструктивно, позволил понять истоки многих проблем в сфере применения правил ст. 240 ГК. Думаем, что авторы проекта НП не предполагали, насколько сложной будет проблематика. Да и для нас это стало своего рода откровением: то, что казалось очевидным и простым, после общения с судьями, предстало сложным и запутанным. Рассмотрим проблемные вопросы подробнее.

Обзор Рекомендаций по толкованию и применению ст. 240 ГК¹

Прежде всего укажем три обстоятельства:

1) часть изложенных далее Рекомендаций предложена нами, согласована и обсуждена с участниками семинара. Другая часть подготовлена, но не обсуждалась. Не хватило времени, поэтому они доработаны позднее и приведены в настоящей статье;

2) большинство Рекомендаций связаны с толкованием правил ст. 240 ГК в действующей редакции. Их реализация не требует дополнительного нормативного регулирования, предполагая лишь корректировку ряда правовых позиций ВС, сформулированных ранее по этим вопросам. Но существуют дополнения ГК и других нормативных правовых актов (ГПК и прочие), без которых должная реализация правил о приобретательной давности будет затруднительной. Однако мы остаемся приверженцами известного положения ст. 1 Швейцарского гражданского уложения: «Закон применяется по всем тем вопросам, для которых он по букве и/или толкованию содержит постановление. Если в законе не может быть найдено соответственное постановление, то судья должен решить дело на основании обычного права, а, при отсутствии и такового, – по

¹ Рекомендации К. М. Ильясовой, Х.-Й. Шрамма не приведены. См.: Приобретательная давность: теоретические и практические вопросы применения норм гражданского законодательства: материалы Междунар. семинара // Актуальные проблемы частного права. Научные труды НИИ частного права Каспийского университета. Вып. 2 / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2022. С. 189–195.

правилу, которое он установил бы в качестве законодателя. При этом он следует указаниям науки и практики»¹. Именно из этих постулатов мы исходим при формулировке правовых позиций и Рекомендаций. Считаем, что аналогичный подход должен быть использован при разработке любых НП ВС;

3) далее будет представлена иная последовательность Рекомендаций, чем их опубликованная версия. Некоторые из них будут сопровождаться краткими комментариями. Последовательность Рекомендаций увязана со структурой ст. 240 ГК. Для лучшего восприятия нами приведена действующая редакция соответствующих правил.

Ч. 1 п. 1 ст. 240:

«Гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственниками имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющие как своим собственным недвижимым имуществом в течение семи лет, либо иным имуществом не менее пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)».

В цитируемой норме дано легальное понятие приобретательной давности. Иначе соответствующую часть статьи можно назвать «условия приобретательной давности». Правила толкования требуют дать характеристику каждого элемента (условия). Их несколько:

1) *гражданин или юридическое лицо не являются собственниками имущества.*

Возможны две позиции:

а) владение при приобретательной давности является разновидностью незаконного владения. Владение, начавшееся для другого лица (собственника или обладателя иного имущественного права), считается законным и не может привести к возникновению права собственности в силу приобретательной давности. Поэтому незаконность владения при приобретательной давности означает отсутствие не только права собственности на предмет владения, но и иного имущественного

¹ Цитата по: Швейцарское гражданское уложение 10 декабря 1907 г. / пер. К. М. Варшавского. Петроград: Тип. Двигатель, 1915. С. 23.

Существуют иные переводы этой статьи. См., напр.: Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 5. С. 119.

права (вещного или обязательственного), содержание которого составляет правомочие владения;

б) владельцами при приобретательной давности могут быть только физические и юридические лица, как коммерческие, так и некоммерческие, как с участием государства, так и без его участия. Важным условием приобретения по давности служит лишь возможность для юридических лиц быть *собственниками имущества*. Государство и административно-территориальные единицы не могут приобрести право собственности по давности владения;

2) *добросовестность владения*:

– владение презюмируется добросовестным если оно: 1) возникло ненасильственно; 2) получено (приобретено) от лица, которое не имело права его отчуждать, о чем давностный владелец не знал и не должен был знать (п. 1 ст. 261 ГК)¹;

– закрепление элемента «объективной» добросовестности: *лицо, владеющее имуществом по давности, не может приобрести право собственности на него, если его владение возникло при помощи насилия, обманного или тайного присвоения чужого имущества (кража, грабеж, разбой и иные подобные действия), совершенного в момент завладения им;*

– наличие правила закона об ограничении доступа к реестру прав на недвижимое имущество третьим лицам (ст. 17 Закона Республики Казахстан от 26 июля 2007 г. № 310-III «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество») презюмирует добросовестность давностного владельца недвижимостью;

3) *открытость владения*:

– владение при приобретательной давности предполагается открытым;

– открытость владения означает, что лицо не скрывает факт своего владения имуществом, о нем может быть известно третьим лицам. Принятие обычных мер по обеспечению сохранности имущества (например, хранение картин в специальных условиях)

¹ Важным является совместное применение в контексте вопросов добросовестности владельца как объективного, так и субъективного критериев. Кроме того, подобное толкование следует из смысла последнего предложения п. 4 ст. 8 ГК.

не свидетельствует о сокрытии владения. Не может считаться открытым владение вещами, данные о которых содержатся в публичных реестрах (коллекционные ценности, редкие вещи, др.) или информация об утрате (потере) которых размещена в специализированных изданиях;

4) *непрерывность владения:*

– владение при приобретательной давности предполагается непрерывным с момента завладения вещью до момента признания права собственности;

– непрерывность владения означает сохранение лицом контроля над вещью в течение срока, указанного в ГК.

Полагаем важным в проекте НП закрепить презумпцию непрерывности владения лица, указанную выше. Более того, утраченное и впоследствии возвращенное владение не считается прерванным. Правила Кодекса о течении, перерыве и приостановлении исковой давности (глава 7 ГК) не применяются к приобретательной давности, поскольку ее срок имеет пресекательный характер;

5) *владение имуществом как своим собственным:*

– владение имуществом как своим собственным означает субъективное отношение владельца к предмету обладания: *лицо полагает себя собственником, фактически осуществляет соответствующие правомочия;*

– владение при приобретательной давности является разновидностью незаконного владения. Владение, начавшееся для другого лица (собственника или обладателя иного имущественного права), не может привести к возникновению права собственности в силу приобретательной давности. Поэтому незаконность владения при приобретательной давности означает отсутствие не только права собственности на предмет владения, но и иного имущественного права (вещного или обязательственного), содержание которого составляет правомочие владения;

6) *прочие аспекты, вытекающие из ч. 1 п. 1 ст. 240 ГК:*

– условия приобретательной давности, указанные в п. 1 ст. 240 ГК, подлежат доказыванию на момент завладения вещью (п. 4 ст. 240 ГК);

– необходимо отличать владение от держания вещью;

– по смыслу п. 1 ст. 240 ГК имуществом, приобретаемым по давности владения, могут быть только вещи, находящиеся в свободном гражданском обороте. Вещи, изъятые из гражданского

оборота (п. 2 ст. 116 ГК) и ограниченные в нем (п. 3 ст. 116 ГК), не могут быть приобретены по правилам ст. 240 ГК;

– доли в общей собственности (праве общей собственности) не могут быть приобретены по давности владения каким-либо третьим лицом. При отстранении от осуществления права общей собственности одного из сособственников право на долю в общей собственности (праве общей собственности) может быть признано судом за сособственником (сособственниками), открыто и непрерывно владеющим общим недвижимым имуществом в течение семи (пятнадцати)¹ лет либо иным имуществом не менее пяти лет. Владение сособственников предполагается добросовестным при отсутствии доказательств насильственного завладения общим имуществом.

Ч. 2 п. 1 ст. 240:

«Право собственности на недвижимое и иное имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает у лица, приобретшего это имущество в силу приобретательной давности, с момента такой регистрации».

Вопросы, связанные с приобретательной давностью и требующие разработки надлежащих правовых позиций о недвижимости:

– значение реестра прав на недвижимость. Учитывая неполноту реестра прав на недвижимость, как и реестров отдельных видов недвижимости (земельный кадастр и др.), целесообразно закрепить правовую позицию о возможности приобретения по давности несформированных объектов недвижимости, сведения о которых отсутствуют в специальных реестрах. Это возможно как при изменении правил ст. 240 ГК, так и при действующем правовом регулировании²;

– давностное владение земельным участком исключает его признание неиспользуемым;

– владение и/или пользование частью объекта кондоминиума (п. 6 ст. 209 ГК) исключает возможность его приобретения по давности владения.

¹ При внесении в ГК изменений и дополнений.

² В итоге изложенная позиция будет способствовать более полному формированию возможных реестров, связанных с недвижимостью.

Ч. 2 п. 1 ст. 240 ГК требует согласования с правилами о государственной регистрации права собственности на имущество, включая правила ст. 118 ГК, аналогичный закон и иное законодательство.

П. 2 ст. 240 ГК:

«До приобретения на имущество права собственности гражданин или юридическое лицо, владеющие им как своим собственным, имеют право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законодательными актами или договором основания».

Следует обратить внимание на то, что толкование п. 2 ст. 240 ГК сочетает материальные и процессуальные аспекты. Но ни в Обобщении, ни в проекте НП эти вопросы не отражены. Подобное объясняли отсутствием соответствующих споров. Полагаем, что особенности применения правил п. 2 ст. 240 ГК обязательно должны быть указаны в проекте НП.

Предложены следующие правовые позиции:

1. Защита незаконного владения основана не на наличии субъективного гражданского права, а как минимум на сочетании двух охраняемых законом интересах: а) в приобретении права собственности и/или б) в спокойном обладании вещью, не основанном на праве. Следовательно, истцом в спорах о защите владения может выступать только давностный владелец, а ответчиком – любое лицо, которое препятствует осуществлению владения и/или насильственно завладело предметом спора.

2. Защита владения при приобретательной давности может осуществляться двумя способами: а) иск об удержании владения; б) иск о восстановлении владения¹. Важные особенности владельческих исков:

¹В данном случае допустима некоторая аналогия с виндикационным и негаторным исками. Теоретически упрощенной защитой может воспользоваться любое лицо, владеющее вещью: собственник, иной законный владелец, незаконный владелец. Подобный подход способствовал бы появлению в Казахстане так называемой владельческой защиты, что было бы существенным прорывом в сфере защиты фактического присвоения вещей. Но концептуально владение и владение при приобретательной давности различны: первое, понимаемое как фактическое присвоение, во многих случаях есть видимость собственности. Именно этим обоснована защита владения. Владение же при

а) иск об удержании владения целесообразно применять, если на вещь, находящуюся в обладании одного лица, претендует другое. Три основных условия защиты владения по этому иску: 1) оно должно возникнуть не насильственно; 2) быть открытым, то есть известным неопределенному кругу лиц (в основе находились, как правило, показания свидетелей); 3) лицо должно владеть (как и пользоваться) для себя, а не для третьих лиц;

б) иск о восстановлении владения применяют для защиты лица, ранее владевшего спорной вещью, но к настоящему моменту утратившему владение вещью в результате противоправных (насильственных) действий лица, обладающего ею. Условия защиты владения по этому иску заключаются в доказывании двух обстоятельств: 1) владение вещью до нарушения; 2) факт нарушения. В противном случае владение сохраняется за лицом, фактически владеющим вещью.

3. Госпошлина по делам подобной категории должна быть незначительной, установленной в твердой сумме и не привязанной к какой-либо стоимости имущества.

4. Вопрос о праве на владение не входит в предмет и содержание владельческой защиты. При возникновении спора об этом он должен быть разрешен в исковом или особом производствах.

5. На споры по защите владельца при приобретательной давности распространяются общие правила подсудности.

6. Вопрос об установлении факта владения определенного лица является основным. Он может быть подтвержден не только судом, но и определенными должностными лицами, с последующим судебным контролем (например, по аналогии закона (п. 5 ст. 1051 ГК) в населенных пунктах, в которых отсутствуют суды). Соответствующие споры целесообразно рассматривать по правилам приказного производства (гл. 12 ГПК) или, как менее приемлемый вариант, в порядке особого производства (гл. 32 ГПК)¹.

приобретательной давности – это всегда есть состояние незаконности владения, влекущее определенные последствия. Главное из них – приобретение права собственности на вещь.

¹ Реализация приведенных положений станет возможной после дополнения (изменения) действующего законодательства. Дополнительно будут возможными

П. 3 ст. 240 ГК:

«Гражданин или юридическое лицо, которые ссылаются на давность владения, могут присоединить к своему владению все то время, в течение которого владел данной вещью тот, чьими правопреемниками они являются».

Данное правило указывает на особенности правопреемства в отношениях приобретательной давности. В проекте НП нужно учитывать два обстоятельства:

1) право собственности незаконного владельца, возникшее по правилам ст. 240 ГК, исключает какое-либо правопреемство с прекращенным правом собственности другого лица;

2) правопреемство возможно лишь в вопросах перехода (передачи) владения от незаконного владельца другому (п. 3 ст. 240 ГК), которое относится ко всем условиям, предусмотренным п. 1 ст. 240 ГК.

Значим тот факт, что отсутствие правопреемства с предшествующим правом собственности позволяет квалифицировать приобретательную давность в качестве первоначального способа приобретения права.

П. 4 ст. 240 ГК:

«Течение срока приобретательной давности начинается с момента завладения вещью».

При толковании указанной нормы нужно исходить из следующих положений:

– приобретательная давность, хотя и является разновидностью срока, определяемого периодом времени, однако его начало увязано только с фактическими обстоятельствами, подлежащими установлению в конкретном случае;

– термин «завладение» следует рассматривать через призму:
а) установления фактического господства над вещью; б) односторонней сделки, не зависящей от волеизъявления третьих лиц. Завладение не имеет негативной коннотации, свойственной публичному праву;

принятие методических рекомендаций по рассмотрению соответствующих споров, проведение мероприятий правовой пропаганды по разъяснению изменений.

– завладение не требует постоянного физического контакта между незаконным владельцем и вещью. Достаточным будет установление однократного господства, с последующим его поддержанием со стороны как владельца, так и третьих лиц, которые могут быть определены посредством установления родственных (личных) или служебных связей с владельцем (опосредованное владение);

– завладение возможно на основе сделок, не влекущих передачу права собственности (отчуждатель не имеет прав на передачу владения вещью).

Процессуальные аспекты применения правил ст. 240 ГК:

Исковой процесс.

Правила приобретательной давности могут быть использованы в двух возможных вариантах:

а) как возражение ответчика (незаконного владельца) при истребовании имущества собственником (ст. 260 ГК). Подобный вариант может быть реализован посредством как предъявления встречного иска о признании права собственности ответчика в силу приобретательной давности, так и приведения подобного довода в письменных пояснениях (отзыве) ответчика. В последнем случае в резолютивной части решения суд фиксирует признание права собственности ответчика (давностного владельца) на имущество (вещь), являющееся предметом спора. Данный вариант служит наиболее типичным способом применения ст. 240 ГК. Но ни в проекте НП, ни в Обобщении он даже не упоминается;

б) как самостоятельный иск о признании права собственности в силу приобретательной давности. В Обобщении, как и в проекте НП, этот вариант является доминирующим. Теоретически он возможен только при наличии спора о праве. Однако в Обобщении указано, что «иск о признании права собственности в силу приобретательной давности не является следствием нарушения прав и законных интересов давностного владельца со стороны лиц, привлеченных в качестве ответчиков» (с. 82). Подобный вывод свидетельствует о потенциальной невозможности использования иска о признании

права собственности в силу приобретательной давности или как минимум ограниченном его использовании¹.

2. *Процесс об установлении фактов, имеющих юридическое значение.*

Теоретически нельзя исключить ситуации, при которых незаконный владелец узнает об отсутствии титула (права собственности) на имущество, которым он владеет. В данном случае наиболее целесообразна защита незаконного владения в рамках особого производства (подраздел 4 ГПК), так как роль суда сводится к установлению условий приобретательной давности, перечисленных в пунктах 1, 3 и 4 ст. 240 ГК. При этом законных препятствий для применения соответствующей процедуры нет (п. 3 ст. 305 ГПК). Основной преградой для использования правил особого производства выступает позиция ВС, которая нам представляется легко корректируемой². Вероятные злоупотребления, о чем шла речь на прошедшем семинаре, можно преодолеть принятием следующих мер: посредством установления некоего перечня третьих лиц, участие которых является обязательным по делам данной категории, особым контролем со стороны вышестоящих судов, регулярным обобщением дел этой категории, приданием большей публичности (открытости) соответствующих процедур, облегчением возможности пересмотра состоявшихся решений по вновь открывшимся обстоятельствам, ответственностью за неправосудные решения и другие³.

3. *Вопросы государственной пошлины.*

Существующая практика рассматривает подобные споры в качестве имущественных, требующих установления рыночной стоимости предмета спора. Считаем эту позицию неверной. В

¹ По нашему мнению, ни одна из условных групп, указанных в Обобщении (с. 85 и далее), допускающих применение иска о признании права собственности в силу приобретательной давности, к анализируемой ситуации не может быть применима.

² См.: пункты 8 и 12-1 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 28 июня 2002 года № 13 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» // Верховный суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79693/2002> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Большинство указанных вопросов можно решить в НП ВС.

первом случае применения правил ст. 240 ГК (как встречный иск или возражение на поданный виндикационный иск) вопрос о госпошлине решается по правилам о предъявлении исков об истребовании имущества. В случае применения процедуры особого производства госпошлина должна быть определена в твердом размере, не связанном со стоимостью имущества (вещи). Иные вопросы применения правил ст. 240.

Приведем несколько постулатов, влияющих на толкование и применение ст. 240 ГК:

– давностное владение следует понимать в качестве длящегося правоотношения (юридические факты состояния);

– необходимо закрепление в НП ВС, а впоследствии и в тексте Кодекса, презумпции о предположении собственником владельца движимой вещи;

– вопрос о владении традиционно является важным для ряда способов приобретения права собственности, главным условием которых выступает завладение вещь (установление фактического контроля над ней) (ст. 242–247 ГК)¹. Указанные способы приобретения права собственности посредством завладения вещами нуждаются в определении четкого соотношения. В данном случае значимым является правильное и точное толкование п. 2 ст. 242 ГК, который и устанавливает правило о подобном соотношении: *правила ст. 242–247 ГК являются специальными нормами закона, которые могут быть применены только для указанных объектов. Правила ст. 240 ГК применяются ко всем иным вещам (имуществу);*

– при отказе от права собственности возможно приобретение соответствующего имущества по давности владения. Лицо, завладевшее соответствующим имуществом, обязано представить доказательства отказа от права бывшего собственника;

– имущество (вещь), полученное лицом по незавершенным (неналежаще оформленным) сделкам, не может быть приобретено по правилам ст. 240 ГК. К подобным случаям должны быть применены правила Кодекса о сделках (договорах),

¹ Ст. 241 ГК (обращение в собственность общедоступных для сбора либо добычи вещей) находится в некотором отдалении от иных способов завладения вещью.

на которых основано владение соответствующими объектами гражданских прав. Основным иском для защиты прав и законных интересов указанных лиц будет иск о признании права собственности;

– для целей приобретательной давности возможно владение бесхозными вещами (ст. 242 ГК). Подобное владение будет незаконным, но оно не может быть принудительно прекращено кем-либо, кроме собственника бесхозной вещи. Данное положение следует из правила п. 2 ст. 240 ГК. В качестве специального правила-запрета прекращения давностного владения выступает норма ч. 4 п. 3 ст. 242 ГК;

– владение при приобретательной давности пользуется определенной защитой (п. 2 ст. 240 ГК, о котором шла речь ранее) и влечет указанные в законе юридические последствия: 1) приобретение права собственности при наличии указанных в законе условий (п. 1 ст. 240 ГК); 2) возмещение понесенных затрат на имущество, произведенных улучшений или их стоимости (ст. 263 ГК). Оба этих последствия нужно учитывать при разрешении соответствующих споров, особенно при предъявлении виндикационных исков (статьи 260–263 ГК). Они не свидетельствуют об изменении природы незаконного владения, а лишь указывают на регулирование соответствующих вопросов законодателем.

Необходимые изменения законодательства в контексте вопросов о приобретательной давности

1.1. Изменения действующей редакции пунктов 1 и 5 ст. 240 ГК.

Пункт 1 статьи 240:

«Статья 240. Приобретательная давность

1. Гражданин или юридическое лицо, не являющиеся собственниками имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющие как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет, либо движимым имуществом не менее пяти лет, приобретают право собственности на это имущество (приобретательная давность)».

Пункт 5 статьи 240:

«5. Против граждан и юридических лиц, владеющих в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи недвижимым имуществом в течение тридцати лет либо движимым имуществом

в течение десяти лет, не может быть выдвинуто возражение, основанное на их недобросовестности».

Первое изменение возвращает ранее действовавшую редакцию п. 1 этой статьи. Второе вводит в Кодекс важную новеллу: *признание за недобросовестным владельцем права собственности на фактически принадлежащее ему имущество*. Кроме того, целесообразно придать обратную силу новому правилу п. 5 ст. 240 ГК, которое должно распространяться на отношения давностного владельца, возникшие до введения в действие соответствующих изменений¹.

Далее требуют специального исследования и проработки вопросы об изменениях и дополнениях ГПК, связанных с защитой незаконного владения, необходимостью развития и конкретизации правил п. 2 ст. 240 ГК в гражданском процессуальном законодательстве.

Заключение

Изложенное выше позволяет сделать ряд общих выводов относительно проекта НП:

1) требуется его существенная доработка в соответствии со приведенными Рекомендациями. Возможно использование некоторых частных положений проекта НП, но лучше подготовить его новую редакцию;

2) для надлежащего регулирования отношений приобретательной давности необходимо не только сформировать существенные правовые позиции ВС, но и инициировать проект изменений и дополнений в действующее законодательство в контексте вопросов о приобретательной давности. Как минимум он должен затронуть ГК и ГПК;

3) необходимо систематизировать ранее изложенные правовые позиции ВС о вопросах приобретательной давности.

В завершение дополним три заключительных тезиса о толковании норм гражданского законодательства:

1. Важным видится системное толкование норм гражданского законодательства, так как правила ГК чаще всего

¹ Здесь и далее указаны необходимые изменения и дополнения действующего законодательства относительно вопросов о приобретательной давности. Приведенные новеллы при их одобрении могут быть сконцентрированы в одном проекте.

находятся во взаимосвязи с иными нормами Кодекса, других нормативных правовых актов.

2. Толкование закона в определенных случаях может и должно иметь нормативный характер. Чаще всего оно выражено посредством правовых позиций судов, особенно высших инстанций. Подобные позиции должны быть разумным сочетанием (синтезом) юридической доктрины и практики. Но они лишь останутся разъяснениями (результатами толкования) норм гражданского законодательства, которые напрямую зависят от редакции соответствующих норм и правил. Именно подобные разъяснения составляют сущность и содержание нормативных постановлений Верховного суда, но не новые правовые нормы.

3. Проведенный семинар в очередной раз свидетельствует о важности взаимодействия судов и юридической науки в вопросах толкования норм гражданского законодательства. Даже отсутствие (надеемся, что временное) имплементации сделанных Рекомендаций в проект НП не умаляет значимости и результативности подобного взаимодействия. Нельзя не вспомнить выражение, предписываемое Марку Аврелию, которое очень любил Ю. Г. Басин: *делай что должно, и будь что будет*. Мы сделали все, что можно. Очень не хотелось бы «похоронить» соответствующие разработки, на которые потрачены существенные временные и интеллектуальные ресурсы. Остается уповать на время, которое покажет, что получилось в итоге.

Библиографический список

1. Алимбеков М. Т., Утешева К. Ш., Абдиев Ж. Н., Абдрасулов Е. Б., Горячева Е. Б. Споры о праве собственности на жилое помещение: практическое пособие, Астана, 2009. 264 с.

2. Защита гражданских прав: Монография / Отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2011. – 608 с.

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А. Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 158 с.

4. Приобретательная давность: теоретические и практические вопросы применения норм гражданского законодательства (материалы международного семинара) // Актуальные проблемы частного права. Научные труды НИИ частного права Каспийского университета. Вып. 2 / Отв. ред. М.

К. Сулейменов. Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2022. 400 с.

5. Скрябин С.В. Институт владения в гражданском законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития // Некоторые вопросы совершенствования гражданского, социального и предпринимательского законодательства Республики Казахстан. Коллективная монография / под общ. ред. Р. К. Сарпекова, В. Т. Конусовой. Нур-Султан: РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 2021. 205 с.

6. Скрябин С. В. Исковая и приобретательная давность // Юрист. 2003. № 9. С. 48–55.

7. Скрябин С. В. Отдельные особенности доказывания по спорам о защите владения, права собственности и иных вещных прав // Зангер. 2010. № 8. С. 37–47.8. Скрябин С. В. Юридическая природа нормативных постановлений Верховного суда Республики Казахстан: продолжение дискуссии // Юрист. 2009. № 11. С. 41–49.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

Р. И. Абдуллаев
аспирант кафедры
истории государства и права
Дагестанского государственного
университета,
Россия, г. Махачкала
rychalova79@bk.ru

**О СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА
И ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ**

**ABOUT THE FORMATION OF SOVIET CRIMINAL LAW AND
THE PECULIARITIES OF ITS EMERGENCE**

Статья посвящена исследованию проблем формирования уголовного права в период Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. Автором проанализированы ключевые аспекты эволюции советского уголовного права, отражены ее особенности. Рассмотрено влияние убеждений таких политических деятелей, как В. И. Ленин и П. И. Стучка, на развитие уголовного права. В ходе исследования определены основополагающие декреты и постановления, повлиявшие на коренное изменение уголовного законодательства после слома дореволюционной системы права. Показана динамика преступности в Поволжье на основании статистики народных судов, собранной и систематизированной Е. Тарновским в 1921 г. Сделан вывод о том, что для повышения эффективности уголовного законодательства необходимо использовать положительный опыт советского уголовного права и применять общественное порицание на практике.

Ключевые слова: уголовное право, революционная целесообразность, советская юстиция, революционная совесть, революционные трибуналы, народные суды, контрреволюционные преступления, революционное правосознание.

The article is devoted to the study of the problems of formation of criminal law during the Great October Socialist Revolution and the Civil War. The author analyses key aspects of the evolution of Soviet criminal law, reflects its peculiarities. The influence of convictions of such political figures as V. I. Lenin and P. I. Stuchka on the development of criminal law is considered. The study identifies the fundamental decrees and resolutions that influenced the fundamental change in criminal law after the breakdown

of the pre-revolutionary system of law. It shows the dynamics of crime in the Volga region on the basis of statistics of people's courts collected and systematised by E. Tarnovsky in 1921. It is concluded that in order to improve the effectiveness of criminal legislation it is necessary to use the positive experience of Soviet criminal law and to apply public censure in practice.

Keywords: criminal law, revolutionary expediency, Soviet justice, revolutionary conscience, revolutionary tribunals, people's courts, counter-revolutionary crimes, revolutionary legal consciousness.

В. И. Ленин писал: «Освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан»¹. Эти строки написаны в августе-сентябре 1917 г. По нашему мнению, в приведенной цитате наблюдается проявление одного из первых принципов борьбы с преступностью. Речь идет об отказе от дореволюционного наследия.

Под дореволюционным наследием как раз и подразумевалось то, что система правоохранительных органов, существовавшая до 1917 г., должна была быть ликвидирована и на этом месте нужно было строить все сначала. В частности, первым документом стал Декрет № 1 «О суде», который ликвидировал такие правовые институты, как следствие, прокуратура, адвокатура и судебная система.

На месте старой судебной системы появились революционные трибуналы и народные суды. Народные суды судили по общеуголовным делам без признаков контрреволюции. Революционные трибуналы занимались борьбой с контрреволюционными преступлениями. На практике, к сожалению, все это быстро смешалось по причине того, что понятие контрреволюции не было закреплено ни в одном нормативном акте, разделение на народные суды и революционные трибуналы подразумевалось более четко, чем оказалось в действительности.

Далее укажем второй принцип. Он традиционно считается базовым принципом советской системы правосудия вплоть до

¹ Ленин В. И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1966. С. 756.

примерно 1922–1924 гг. В частности, принцип революционной целесообразности применяли повсеместно все суды на протяжении Гражданской войны. Революционная целесообразность – это подчинение правосудия идеологии, то есть суды должны были выступать в качестве инструмента классовой борьбы, и, исходя из этого, само по себе предназначение правосудия состояло не только в достижении справедливости, но и в том, что оно должно было соответствовать интересам советской власти и интересам классовой борьбы.

Судьи исследуемого периода при вынесении приговоров руководствовались исключительно «революционной совестью» и «революционным правосознанием». Определение данных понятий не было закреплено ни в одном нормативном акте того времени. Данные термины требовали от судьи руководствоваться не нормами законов, в основном еще и не разработанных, а некими общими идеологическими представлениями о том, что важно для советской власти.

Кроме того, судьям следовало избегать формальностей в разбирательствах. Судья получил право по своему усмотрению организовывать судебное разбирательство. Он мог посчитать, что показания свидетеля в судебном разбирательстве являются непринципиальными, в связи с этим мог не вызвать его на разбирательство, чтобы ускорить процесс.

Формализм воспринимали, скорее, как возможность избежать показаний неудобного свидетеля. Судья мог его не вызвать на разбирательство. Не стоит забывать и о том, что институты следствия и адвокатуры были ликвидированы, а на их месте учреждены коллегии правозаступников, в которые входили лица, желающие помочь революционному правосудию на добровольных началах, как в форме общественного обвинителя, так и в форме общественного защитника. Нередко члены коллегии становились только обвинителями, то есть смешение полномочий приводило к тому, что судьи этому не препятствовали. В итоге условный адвокат и условный прокурор занимались одним и тем же: обвиняли подсудимого.

Декреты и постановления зачастую не имели четкого предмета регулирования и могли охватывать нормы различных

отраслей права¹. Такое разделение затрудняло развитие уголовного законодательства, поскольку отсутствие строгой иерархии законов создавало сложности в регулировании деятельности государственных органов и трудящегося класса.

Первые декреты советской власти, принятые в начале периода Октябрьской революции, обращали внимание на ключевые вопросы общественной жизни. Одним из них является Декрет о земле, провозглашавший социализацию земли. В нем отражено стремление к реформированию земельных отношений в соответствии с идеалами Великой Октябрьской социалистической революции². Для нас в упомянутом декрете интересен в первую очередь третий пункт, в котором поставлен вопрос об охране конфискованного имущества. В частности, указано, что любое повреждение или порча данного имущества, принадлежащего отныне всему советскому народу, объявляется тяжким преступлением и карается революционным судом. В этом фрагменте прослеживаются первые зачатки криминализации деяния и его закрепление в официальном документе. Декрет выступает одним из первых актов, регулирующих общественные отношения сразу нескольких отраслей права.

Отличительной особенностью декретов данного периода было то, что они приняты не законодательным органом власти, как обычно, а исполнительным органом в лице Совета Народных Комиссаров РСФСР. В развитие Декрета № 1 «О суде» в марте и июле 1918 г. опубликованы декреты № 2 и № 3, которые существенно расширили компетенцию народных и окружных судов. Учреждены следственные комиссии и коллегии правозащитников, установлен порядок подачи и рассмотрения кассационных жалоб на решения судов, обжалование же в апелляционном порядке отменено, а деятелям упраздненных ранее судов дано право быть избранными в новые судебные и

¹ Колотков М. Б. Зарубина К. А. История уголовной политики российского государства (конец 1917 – середина 1918 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4 (49). С. 309.

² Кондрашова Т. В. Становление российского уголовного законодательства в период октябрьской революции и гражданской войны // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / гл. ред. А. С. Смыкалин. Вып. 6. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 337.

следственные органы. Судопроизводство по уголовным делам проходило по правилам Судебных уставов 1864 г. лишь постольку, поскольку такие не отменены и не противоречат правосознанию трудящихся классов (ст. 8 ч. 4 Декрета № 2 «О суде»).

На наш взгляд, возникновение системы советского уголовного права в том виде, в котором она функционировала в Советском государстве, было бы невозможно представить без такого видного деятеля этой сферы, как Петр Иванович Стучка. Его личность вызывает много споров в научных кругах. Но факт остается фактом: именно он стал одним из первых теоретиков, внесших неоценимый вклад в формирование и разработку марксистско-ленинской теории права и государства.

П. И. Стучка принимал активное участие в разработке практически всех основополагающих актов относительно уголовного права. Все они имели революционный характер и раскрывали основополагающие принципы нового советского права. Приведем в качестве примеров ряд работ, в подготовке которых он участвовал. В их числе – Декрет № 1 «О суде» (1917), Декрет «О революционных трибуналах» (1918), «О Народном суде РСФСР» (1918), Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹.

П. И. Стучка внес весомый вклад в разработку, систематизацию, и кодификацию норм советского права. Его справедливо можно считать выдающимся юристом и одним из ключевых архитекторов советской уголовно-правовой системы. В отличие от буржуазных юристов российской империи, которые строили право, основываясь на заимствованиях римского и европейского права на протяжении 200 лет, представители коммунистического строя не имели подобных источников для заимствований в связи с тем, что социалистический тип права не существовал в истории ранее. Поэтому советскими теоретиками проведена колоссальная работа по созданию системы декретов,

¹ Гайдарова А. Г. Вклад П. И. Стучки в развитие советского права // Великие юристы России: материалы межвуз. конф., посвященной 220-летию образования Минюста России (Ростов-на-Дону, 1 июля 2022 г.) / ред. Д. Б. Загорский [и др.]. Ростов н/Д: Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2022. С. 191.

регулирующих интересы зарождающегося Советского государства в условиях Гражданской войны.

Считаем целесообразным выделить декреты и постановления периода Гражданской войны, внесшие весомый вклад в развитие уголовно-правового законодательства. Их перечень не является исчерпывающим. Выделим наиболее значимые документы указанного периода: Декрет № 1 «О суде», Декрет № 2 «О суде» и Декрет № 3 «О суде», декреты о борьбе со спекуляцией, комиссиях для несовершеннолетних, набатном звоне, взяточничестве; постановления о производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений, об освидетельствовании душевнобольных (инструкция), о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная инструкция), об отделе презрения несовершеннолетних, о руководящих началах по уголовному праву РСФСР.

Идея об уничтожении государства и права ориентировала новое право на обострение классовой борьбы. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. можно выделить как инструмент, помогающий органам советской юстиции выполнять свою миссию по борьбе с классовыми противниками пролетариата.

В момент разработки Руководящих начал не существовало учебников по советскому праву. В связи с этим П. И. Стучка, Д. И. Курский и М. Ю. Козловский старались предоставить базовые знания во Введении к Руководящим началам для новых судей, не имевших юридического образования и вышедших из рядов рабочих и крестьян, понимание сущности и задач советского уголовного права. Руководящие начала по своей сути представляли собой общую часть советского уголовного права, состоящую из 27 статей и восьми глав¹. В этом акте приведены базовые определения уголовной законности.

¹ Стукан А. Ю. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: закрепление системы преступлений и наказаний в советской России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Междунар. науч.-теорет. конф.: в 2 ч. Ч. 2 (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.) / под ред. Н. С. Нижник, сост. Н.

В главе первой дано определение «права как системы общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой его организованной силой», а также сформулированы задачи советского уголовного права. Вторая глава посвящена уголовному правосудию, так как уголовное право в РСФСР осуществляли органы Советского правосудия (Народные суды и Революционные трибуналы).

Преступление определено в главе третьей: это нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом, как действием или бездействием опасных для данной системы общественных отношений. В данном определении обращено внимание не только на противоправность, но и на классовый характер этих действий. Дано кратко определение наказания и его задач. В указанной главе содержатся четкие предписания относительно выбора наказания, определения меры воздействия на совершившего преступление и меры наказания. Отражены и изменения возрастных границ привлечения к уголовной ответственности: теперь не подлежали суду и наказанию несовершеннолетние до 14 лет. Ранее возраст, с которого могли привлечь к уголовной ответственности, составлял 17 лет. Об этом говорилось в Декрете «О комиссиях для несовершеннолетних» (1918), то есть в Руководящих началах произошло снижение возраста уголовной ответственности. Данные изменения можно рассматривать как шаг в направлении развития ювенальной юстиции и депенализации¹.

В главах с четвертой по шестую дана характеристика стадий осуществления преступления, соучастия, системы наказаний. Институт условного осуждения и действия уголовного права в пространстве закреплен в главах седьмой и восьмой.

Руководящие начала стали фундаментальным документом исследуемого периода, в котором четко сформулированы базовые принципы и задачи уголовно-правовой системы. Для понимания сути работы органов советской юстиции и развития уголовно-

С. Нижник, Е. Н. Козинникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2022. С. 312.

¹ Синяева М. И. Градации возраста в уголовном праве советского периода (1917–1991 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 4 (24). С. 367.

правовой системы в трудных социально-экономических условиях можно привести пример Поволжья. Обратимся к цифрам, представленным в таблице 1¹.

Таблица 1

Четверти 1921 г.	Голодные губернии		Остальные губернии	
	Абсолютное число	%	Абсолютное число	%
I (январь – март)	74.486	100	252.480	100
II (апрель – июнь)	79.224	106	302.085	120
III (июль – сентябрь)	71.789	96	322.885	128
IV (октябрь – декабрь)	76.139	102	297.157	118

Количество возникших в народных судах уголовных дел

Е. Тарновский провел сравнительную характеристику влияния голода на рост преступности в Поволжье. Представлены сведения как о количестве возбужденных уголовных дел, так и о количестве осужденных народными судами (отдельно в голодающих и остальных губерниях). Данные получены из народных судов и сгруппированы по кварталам 1921 г. Из голодных представлено десять губерний: Астраханская, Уфимская, Саратовская, Татарская республика, Немецкая коммуна, Марийская область, Царицынская, Симбирская, Вятская, Самарская.

Из таблицы 2 видно, что в голодных губерниях ситуация оставалась примерно неизменной, за исключением третьего квартала (в этот период прослеживается снижение зарегистрированных случаев преступности в народном суде). Между тем в остальных губерниях, не затронутых голодом, наблюдается рост уровня преступности, который к концу года заметно сократился.

¹ Тарновский Е. Н. Движение преступности в 1920–21 гг. (по данным нарсудов) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 9.

Таблица 2

Количество осужденных народными судами

Четверти 1921 г.	Голодные губернии		Остальные губернии	
	Абсолютное число	%	Абсолютное число	%
I (январь – март)	29.302	1 00	95.447	1 00
II (апрель – июнь)	41.906	1 43	137.941	1 45
III (июль – сентябрь)	32.853	1 12	151.936	1 60
IV (октябрь – декабрь)	58.301	2 00	209.263	2 20

Итак, количество осужденных в голодных и остальных губерниях стремительно возрастало, и лишь в третьем квартале произошел сбой. Но это не помешало увеличению количества осужденных на 100 % в остальных губерниях, и такой прирост составил 120 %. Тем самым становится понятным, что голод не стал причиной повышения ни количества дел, ни количества осужденных, а наоборот, преступность росла в губерниях, не затронутых голодом. Вероятно, особую роль сыграл фактор высокой смертности во время голода и оттока людей из голодавших губерний.

В условиях революционных перемен, Гражданской войны уголовно-правовые нормы имели основной целью обеспечение выживания и укрепления советской власти. По мнению В. И. Ленина, плох революционер, который в момент острой борьбы колеблется перед незыблемостью закона; в период революционных преобразований законы приобретают временное значение, и, если какой-то закон противоречит идеям и целям революции, его следует отменить или изменить¹.

Данный тезис выражает идею о том, что революционер должен быть готов к принятию решительных мер в отношении

¹ Ленин В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 36. Март – июль 1918 г. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 504.

законов в зависимости от обстоятельств и потребностей революции. Из этого можно заключить, что законность начинает определяться не только нормами права в анализируемый период, но также политическими обстоятельствами и целями.

Период Гражданской войны характеризовался отсутствием кодифицированного акта в системе уголовного права, который бы систематизировал уголовно-правовые нормы. В процессе нормотворческой деятельности советской властью к концу июля 1918 г. издано 40 специальных уголовно-правовых декретов и 69 актов, в которых определены отдельные составы преступлений. Особую роль сыграл Декрет № 1 «О суде», в котором местным судам дано право использовать законы свергнутого Правительства лишь в случае, если они не отменены революцией и не противоречили революционной совести и целесообразности.

Отсутствие четкой регламентации терминов привело к их неправильной интерпретации жителями сел и общин, которые, в свою очередь, стали заниматься правотворческой деятельностью. Люди, исходя из собственного понимания законодательных терминов, интерпретировали их по-своему, что приводило к искажению. Приведем в качестве примера жителей села Чиняты Змеиногорского уезда, которые разработали собственный Уголовный кодекс, известный как Уложение о наказаниях.

Сельские сходы повсеместно стали заниматься правотворческой деятельностью, что привело к негативным последствиям. Местные органы принимали акты, включающие в себя элементы местничества и сепаратизма, выходя за рамки своих полномочий и противоречащие декретам и постановлениям советской власти. Это способствовало самоуправству и самосуду.

Главной проблемой можно назвать отсутствие правовой грамотности среди пролетариев и крестьян, а также комментариев и разъяснений со стороны законодателей относительно революционной целесообразности и совести. Приведенные примеры представляют лишь малую часть общей ситуации с учетом того, что упомянутые институты существовали примерно до 1922–1924 гг. Это свидетельствует о том, что количество различий и ошибок в практике только увеличивалось с годами. Противоречий могло бы и не возникнуть, если бы каждый человек действовал в соответствии с законом, а не исходя из собственных убеждений.

В процессе упорной законотворческой деятельности в борьбе с сепаратизмом и внедрения в работу местных органов

советской власти соответствующего принципа централизма особую роль сыграло постановление «О точном соблюдении Законов», в котором речь шла о неуклонном соблюдении всеми без исключения постановлений, положений и распоряжений, издаваемых советской властью. Но допустимым уход за пределы был лишь в экстренных условиях.

Сам по себе принцип законности в исследуемый период называли социалистической законностью. Термины указанного периода имели такие приписки, как социалистическая, революционная, советская, народная и другие. Введение таких дополнений к терминам свидетельствовало о стремлении придать им специфический идеологический характер, связанный с социалистическим строем и государственным строительством исследуемого времени.

Советское право есть явление глобальное как в территориальном, демографическом аспекте, так и в контексте трансформации человеческой личности¹. На заседании президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) 1 апреля 1918 г. В. И. Ленин предлагал внесение ряда поправок в проект о трудовой дисциплине. Однако особый интерес представляют последние его предложения относительно санкций за нарушение трудовой дисциплины. Из выступления В. И. Ленина следует, что карательные меры за нарушение трудовой дисциплины должны быть более строгими. Он предлагал введение наказания, вплоть до тюремного заключения, как одну из форм ответственности. Увольнение с завода также могли применять, но его характер должен был измениться.

В условиях социалистического строя, при котором введена трудовая повинность, нарушение трудовой дисциплины не рассматривали лишь как нарушение гражданской сделки, как при капиталистическом строе. Теперь это уже считали уголовным преступлением, за которое должно быть предусмотрено

¹ Рамазанов А. Х. Методологические проблемы в исследовании советского права (к 100-летию образования ДАССР) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 37. № 1. С. 39.

соответствующее наказание. Данное выступление размещено частично в 1940 г. в № 1 журнала «Пролетарская революция»¹.

В современном уголовном законодательстве многие принципы, механизмы унаследованы из советского уголовного права и подверглись систематизации и улучшению. Однако обратим внимание на то, что изменение приоритетов государственного строительства привело к отказу от некоторых аспектов советской системы.

Несмотря на это, изучение советского уголовного права остается значимым, поскольку многие его аспекты могут быть полезны и применены в современных условиях. Например, следует учитывать опыт применения общественного порицания, который закреплен еще в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и получил развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. и Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. Общественное порицание может быть рассмотрено в качестве альтернативы наказаний, связанных с лишением свободы, и применено как в виде основного, так и в виде дополнительного наказания в ряде случаев.

Сегодня мы живем в век усиления цифровизации и технологизации всех сфер жизнедеятельности. Внедрение данных технологий повысит эффективность уголовно-правовых институтов, даст возможность эффективнее реализовывать политику открытого диалога общества с сотрудниками правоохранительной системы. Публикация информации о лицах с отклоняющимся девиантным поведением осужденных к общественному порицанию на сайте Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России или других информационных ресурсах может помочь обеспечить безопасность наиболее уязвимой и виктимной категории граждан, которые станут более информированными и бдительными.

Исследование наиболее эффективных идей советской уголовно-правовой системы дает нам возможность

¹ Ленин В. И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века) / под ред. В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, О. Г. Носковой. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 41.

модернизировать и адаптировать их к современным вызовам. Этот подход позволяет нам не только сохранить ценный опыт прошлого, но и провести оптимизацию уголовно-правового воздействия на преступность. В. И. Ленин и П. И. Стучка внесли существенный вклад в развитие уголовного права, систематизацию и кодификацию правовых норм, в частности советского уголовного права.

Исследование вопросов в контексте темы настоящей статьи, по нашему мнению, является вполне обоснованным и закономерным, поскольку изучение истории советского уголовного права не только предоставляет возможность понять исторический контекст, но и показывает, какие факторы оказали влияние на формирование современной системы уголовного права.

Библиографический список

1. Гайдарова Л. Г. Вклад П. И. Стучки в развитие советского права // Великие юристы России: материалы межвуз. конф., посвященной 220-летию образования Минюста России (Ростов-на-Дону, 1 июля 2022 г.). Ростов н/Д: Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2022. С. 188–193.

2. Колотков М. Б., Зарубина К. А. История уголовной политики российского государства (конец 1917 – середина 1918 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4 (49). С. 309–312.

3. Кондрашова Т. В. Становление российского уголовного законодательства в период октябрьской революции и гражданской войны // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / гл. ред. А. С. Смыкалин. Вып. 6. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 335–346.

4. Ленин В. И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века) / под ред. В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, О. Г. Носковой. М.: Изд-во Московского университета, 1983. С. 41–42.

5. Ленин В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 36. Март – июль 1918 г. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 774 с.

6. Ленин В. И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1966. 826 с.

7. Рамазанов А. Х. Методологические проблемы в исследовании советского права (к 100-летию образования ДАССР) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 37. № 1. С. 39–42.

7. Синяева М. И. Градации возраста в уголовном праве советского периода (1917–1991 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 4 (24). С. 366–372.

8. Стукан А. Ю. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: закрепление системы преступлений и наказаний в советской России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Междунар. науч.-теорет. конф.: в 2 ч. Ч. 2 (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.) / под ред. Н. С. Нижник, сост. Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2022. С. 311–319.

9. Тарновский Е. Н. Движение преступности в 1920–21 гг. (по данным нарсудов) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19–20. С. 9–10.

А. А. Брысин

аспирант кафедры гражданского права и процесса Института
права и национальной безопасности Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)
при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва
brysinalexey@rambler.ru

**ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ
ПО НОВЫМ И ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

**THE REASONS FOR REVIEW OF JUDICIAL ACTS ON NEW
AND REVEALED FEASIBILITIES
IN THE ARBITRATION PROCESS**

В статье рассмотрены основания для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. С учетом экстраординарного и чрезвычайного характера этой стадии перечень оснований для пересмотра должен быть исчерпывающим (закрытым), поскольку происходит конкуренция с *res judicata*, правовой определенностью и неопровержимостью судебных актов в обход инстанционного проверочного производства. Анализ судебной практики показывает, что основания для пересмотра дел суды трактуют расширительно, и это не соответствует правовой природе данной стадии. Важно учитывать, что изначально законодатель не может предусмотреть в текстах процессуальных кодексов все возможные обстоятельства, при установлении которых судебные акты должны отменяться в контексте рассмотрения производства по делу. В данном случае, по сути, вопрос заключается в проведении демаркационной линии между правом на судебную защиту, дискрецией суда и правовой определенностью.

Ключевые слова: судебный акт, основания пересмотра судебного акта, вновь открывшиеся обстоятельства, новые обстоятельства, *res judicata*, правовая определенность, исчерпывающие основания, судебная практика, арбитражный процесс.

The article considers the grounds for revision of judicial acts on newly discovered and new circumstances. Given the extraordinary and extraordinary nature of this stage, the list of grounds for revision should be exhaustive (closed), as there is competition with *res judicata*, legal certainty

and irrefutability of judicial acts, bypassing the instance verification proceedings. Analysis of judicial practice shows that the courts interpret the grounds for revision of cases broadly, and this does not correspond to the legal nature of this stage. It is important to take into account that initially the legislator cannot provide in the texts of the procedural codes for all possible circumstances, upon establishment of which judicial acts should be cancelled in the context of review proceedings. In this case, the issue is essentially one of drawing a demarcation line between the right to judicial protection, judicial discretion and legal certainty.

Keywords: judicial act, grounds for reviewing a judicial act, newly discovered circumstances, new circumstances, *res judicata*, legal certainty, exhaustive grounds, judicial practice, arbitration process.

Как в доктрине¹, так и в судебной практике² сложился единый и, по нашему мнению, верный подход к пересмотру судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам как к исключительному и экстраординарному способу защиты своих прав. Фактически данный институт направлен на адаптацию судебных актов к действительным обстоятельствам, которые существовали в момент рассмотрения спора, но были неизвестны (вновь открывшиеся обстоятельства), или которые появились после принятия судебного акта. Из этого следует, что пересмотр судебных актов фактически может отменить уже вступивший в законную силу судебный акт в обход классического инстанционного обжалования (апелляционного, кассационного и

¹ Так, Т. М. Яблочков рассматривал пересмотр в качестве «чрезвычайного способа обжалования». См.: Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1912. С. 232.

² См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ласкина Кирилла Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 311 и частью 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 31 октября 2023 г. № 2819-О // Гарант.ру: информ. -правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/408029991/?ysclid=lx52x6t9wk137817895> (дата обращения: 10.03.2024); По делу о проверке конституционности части второй статьи 397 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Амосовой, Т. Т. Васильевой, К. Н. Жестковой и других: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Справ. - правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98853/?ysclid=lx530sz66a800185743 (дата обращения: 10.03.2024).

иного). Другими словами, происходит конкуренция с *res judicata*, с правовой определенностью и неопровержимостью. Это свидетельствует о том, что основания для пересмотра должны быть четко определены законодателем, чтобы соответствовать экстраординарной и чрезвычайной природе данного института.

Судебной практикой арбитражных судов, в том числе и Верховным Судом Российской Федерации (РФ), а ранее и Высшим Арбитражным Судом РФ, также подтверждается, что перечень оснований для пересмотра является исчерпывающим¹. Так, суды часто мотивируют отказные судебные акты о пересмотре тем, что ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ РФ)² содержит исчерпывающие основания для пересмотра³. Аналогичная позиция содержится и в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам»⁴.

Данную формулировку нельзя признать удачной. Основание для пересмотра, содержащееся в п. 1 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, само по себе является не основанием, а, как верно пишет Л. А. Терехова,

¹Мантул Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // Юрист-Правоведъ. 2014. № 4 (65). С. 82.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

³ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2022 г. № 306-ЭС19-9742 по делу № А12-33500/2016 // Справ. -правовая система «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=697940&ysclid=lx53i87ai2184086143#aNcj2FUC8aWhzCD21> (дата обращения: 10.03.2024);

Определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 310-ЭС21-18618 по делу № А64-6538/2019 // Справ. -правовая система «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=698120&ysclid=lx53i3ms2345488422#44Bk2FUIFdUvfDjl> (дата обращения: 10.03.2024);

Определение Верховного Суда РФ от 10 января 2022 г. № 305-ЭС21-25660 по делу № А40-241965/2017 // Справ. -правовая система «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=696766&ysclid=lx53n8prwzg583054110#7Vbk2FU0I3EHmJ832> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9. С. 136–138.

закрепляет признаки вновь открывшихся обстоятельств, которые могут стать основанием для пересмотра¹. Следует согласиться с позицией И. О. Подвального. Он полагает, что законодатель мог и не вводить иные основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку фактически достаточно п. 1 ч. 1 ст. 311 АПК РФ².

Однако возникает закономерный вопрос. Если с учетом правовой природы данной стадии перечень оснований должен быть закрытым, то способен ли законодатель заранее предусмотреть все возможные обстоятельства, которые могут служить основаниями для пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам? Представляется, что на него следует ответить отрицательно, даже не учитывая постоянно изменяющихся и развивающихся общественных отношений, технологий и т. д. На это обстоятельство еще даже в дореволюционной литературе обращали внимание: речь шла о том, что невозможно в тексте процессуального кодекса предусмотреть все возможные основания для пересмотра³.

Актуальной судебной практикой подтверждается и то, что перечень обстоятельств, которые суды принимают в качестве вновь открывшихся или новых обстоятельств, гораздо шире, чем это предусмотрено ст. 311 АПК РФ. В этом, очевидно, прослеживается несоответствие буквы и духа закона. Если вопрос относительно вновь открывшихся обстоятельств стоит не настолько остро, поскольку многие из нижеприведенных вновь открывшихся обстоятельств можно обосновать через п. 1 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, то перечень новых обстоятельств является закрытым без возможности его расширения в соответствии с п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 311 АПК РФ.

Однако ограничение права на пересмотр вследствие того, что законодатель не успевает за изменяющимися общественными

¹ Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 229, 233–234.

² Подвальный И. О. Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: ретроспективный анализ и перспектива развития // Арбитражные споры. 2015. № 3. URL: <https://arbspor.ru/articles/896/> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875. С. 340.

отношениями (или вследствие невнесения изменений в процессуальные кодексы), видится безусловным ограничением права на судебную защиту, что представляется недопустимым¹. В данном случае вопрос заключается в том, где провести «демаркационную линию» между правом на судебную защиту и закрытым перечнем оснований для пересмотра. Проблема усиливается и тем, что как в случае отказа в удовлетворении заявления о пересмотре, так и в случае удовлетворения заявления о пересмотре право на судебную защиту может быть нарушено, поскольку интересы сторон в процессе являются противоборствующими. Компромиссный вариант (до внесения соответствующих изменений в процессуальные кодексы) – оставить данный вопрос в дискреции суда, который должен в каждой исключительной ситуации устанавливать действительную мысль законодателя путем толкования².

Анализ судебной практики показывает, что основания для пересмотра арбитражные суды толкуют расширительно. Это относится не только к вновь открывшимся, но и даже к новым обстоятельствам, при которых суды как раз следовали не формально, а в некоторых случаях действительно устанавливали то, на какие правоотношения направлена воля законодателя³.

1. Недобросовестное поведение, заключающееся в сокрытии ключевых доказательств, является основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам⁴.

¹ См., напр.: Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 154–155; Петручак Р. К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 17.

² Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 11.

³ Рассказов О. Л., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23). С. 138.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) по делу № А65-6755/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=658413&ysclid=lx54reisut172305647#hkSs2FUWg5qlnnn72> (дата обращения: 20.02.2024).

Данное определение стало резонансным в юридических кругах, поскольку формально таких оснований, как сокрытие доказательств, обман суда, ст. 311 АПК РФ не содержит, но Верховный Суд РФ воспрепятствовал недобросовестной стороне извлечению выгоды.

Фабула дела заключается в том, что конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительным соглашения о расторжении договора купли-продажи ценных бумаг. Ответчик занимал позицию, состоящую в том, что соглашение о расторжении не было заключено. Отказывая в удовлетворении требований, суд исходил из того, что управляющим не доказано наличие соглашения о расторжении. Получив отказ, конкурсный управляющий обратился с иском о взыскании задолженности с того же ответчика по договору купли-продажи ценных бумаг. Однако ответчик заявил о расторжении договора купли-продажи, представив соответствующее соглашение. В связи с этим денежные средства не подлежали взысканию с ответчика. В итоге конкурсному управляющему второй раз отказано в удовлетворении требований, и управляющий обратился с заявлением о пересмотре в рамках первого дела, которое окончательно разрешено Верховным Судом РФ. Удовлетворяя заявление конкурсного управляющего о пересмотре, Верховный Суд РФ указал, что в данном случае основанием служит *«... недобросовестное поведение одной из сторон спора, заключающееся в сокрытии ключевых для дела доказательств...»*.

Изложенная правовая позиция нашла закрепление в абз. 4 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции», в котором разъяснено, что «отказ стороны от фактического участия в состязательном процессе, в том числе непредставление или несвоевременное представление отзыва на исковое заявление, доказательств, уклонение стороны от участия в экспертизе, неявка в судебное заседание, а также сообщение суду и участникам процесса заведомо ложных сведений об обстоятельствах дела в силу части 2 статьи 9 АПК РФ может влечь для стороны неблагоприятные последствия, заключающиеся, например, в ... появлении у другой стороны спора возможности

пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (пункт 1 части 2 статьи 311 АПК РФ)».

2. Пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам можно рассматривать как способ устранения технической ошибки¹.

В деле заявитель обратился с заявлением о пересмотре судебных актов, поскольку в резолютивной части определения установлено, что заявителю должна быть передана в собственность квартира с номером 129, по данным бюро технической инвентаризации. Это заявитель посчитал опиской, поскольку ему должна была быть передана квартира с номером 132. Установив такое несоответствие, он обратился с заявлением об исправлении опечаток. Факт несоответствия был подтвержден многочисленными доказательствами, однако суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления об исправлении опечаток.

Поэтому заявитель обратился с заявлением о пересмотре определения в данной части по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Суды трех инстанций в удовлетворении заявления отказали, но Верховный Суд РФ отменил нижестоящие судебные акты, направил заявление на рассмотрение на новый круг. Судебная коллегия не сослалась на конкретный пункт АПК РФ, согласно которому данное заявление подлежит пересмотру по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, в определении содержатся лишь доводы о том, что в определении суда первой инстанции обнаружены внутренние противоречия, устранить которые заявитель не мог иным образом. Это, видимо, и стало основанием для направления дела на новое рассмотрение.

С обоснованием Судебной коллегии трудно согласиться. Заявителю следовало обжаловать определение суда первой инстанции об отказе в исправлении опечаток, что прямо предусмотрено ч. 4 ст. 179 АПК РФ, а не обращаться с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 305-ЭС17-2507(35) по делу № А41-1022/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=714607&syscli d=lx54wpms4i157158446#o4Vt2FUCB7gFpeFp> (дата обращения: 20.02.2024).

Удовлетворение данного заявления, скорее, можно отнести к проявлению так называемого социального, а не «профессионального» процесса, поскольку очевиден тот факт, что заявителем избрана ненадлежащая процессуальная форма защиты права.

3. Признание увольнения незаконным является основанием для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам¹.

В данном деле в отношении бывшего генерального директора удовлетворен иск об обязанности передать имущество и документы, связанные с деятельностью общества. В дальнейшем в рамках другого дела удовлетворен иск генерального директора о признании увольнения незаконным и о восстановлении в должности. В связи с этим генеральный директор обратился с заявлением о пересмотре судебных актов об обязанности передать имущество и документы. Заявление мотивировано тем, что восстановление в должности в качестве директора свидетельствует о незаконности удовлетворенных требований.

Суды двух инстанций в удовлетворении заявления отказали, суд кассационной инстанции судебные акты отменил и направил спор на новое рассмотрение, по результатам которого заявление о пересмотре удовлетворено. При этом ни в одном из судебных актов не указано, на каком основании заявление удовлетворено.

Можно предположить, что суд первой инстанции, рассматривая заявление на новом кругу, удовлетворил заявление о пересмотре на основании п. 1 ч. 2 ст. 311 АПК РФ, поскольку факт незаконности увольнения существовал в момент рассмотрения. Но восстановление в должности станет возможным исключительно после вступления в законную силу соответствующего решения.

4. Пересмотр судебных актов в связи с признанием недействительным решения собрания.

Данное основание для пересмотра является наиболее интересным с точки зрения доктрины, поскольку ответ на этот

¹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 28 июня 2023 г. по делу № А33-18599/2020 // Арбитражный суд Красноярского края. URL: <https://krasnoyarsk.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.02.2024).

вопрос находится на стыке материального и процессуального права.

В отличие от вновь открывшихся обстоятельств, п. 2 ч. 1 ст. 311 АПК РФ прямо указывает на то, что перечень новых обстоятельств является исчерпывающим. Это подтверждается следующей формулировкой: «... указанные в части 3 настоящей статьи...». Из приведенного выше следует, что пересмотреть решение по новым обстоятельствам можно только по основаниям, которые прямо поименованы в законе. Однако в определенных случаях даже новые обстоятельства толкуются в широком смысле. Например, новым обстоятельством может стать не только признание сделки недействительной, но и признание недействительным решения собрания. Возможность такого расширительного толкования продиктована материальным правом, что нашло обоснование в судебной практике.

Изначально было несколько судебных актов, в которых суды, в том числе и Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, прямо указали, что ч. 3 ст. 311 АПК РФ не подлежит расширительному толкованию. В связи с этим признание решения собрания недействительным не является основанием для пересмотра судебных актов¹. С точки зрения процессуального права такие решения следует признать верными, поскольку, учитывая экстраординарный и чрезвычайный характер данной стадии, основания для пересмотра по новым обстоятельствам должны быть прямо предусмотрены законом.

Однако с позиции материального права существуют основания для расширительного толкования, что подтверждается следующим. До 2013 г. в Гражданском кодексе (ГК) РФ отсутствовали нормы о признании решений собраний

¹ См., напр.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № ВАС-8531/13 по делу № А12-6482/2011 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=343214&cacheid=3CF3830748C15BFB6223CF889680433E&mode=splus&rnd=pPIF3FUocEW7sxy4#qXAJ3FUuD3XGqtFY> (дата обращения: 20.02.2024); постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 сентября 2015 г. № Ф07-6786/2015 по делу № А13-9753/2012 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/41203043/?ysclid=lx58kxpdli150309410> (дата обращения: 20.02.2024).

недействительными, данные вопросы регулировались специальными (корпоративными) законами. В Концепции развития гражданского законодательства РФ речь шла о том, что в ГК РФ необходимо закрепить регулирование решений собраний, поскольку последние обладают определенными особенностями по сравнению со сделками: например, решения собраний обязательны для всех участников общества, даже если участник не голосовал или голосовал против¹.

Тем не менее в последние несколько лет доктрина (а за ней и судебная практика) сместила акценты в пользу позиции относительно того, что решения собраний имеют «сделочную природу», поскольку решения собраний (как и сделки) являются волеизъявлениями, направленными на установление, изменение или прекращения прав и обязанностей, что также соответствует и немецкой доктрине². Однако между этими институтами существует определенная разница, а значит, нормы о сделках в полной мере не могут быть применимы к решениям собраний³. Более того, необходимость применения норм (например, о недействительности сделок к решениям собраний) очевидна ввиду того, что вопрос недействительности сделок в отечественной доктрине более разработан. Поэтому правоприменителю приходится регулярно обращаться к доктрине в контексте данного вопроса для преодоления возможных пробелов (субсидиарный источник правил)⁴.

Такой вывод подтверждается п. 110 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–15.

² Труханов К. И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 126–129.

³ Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сб. ст. к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М.: Статут, 2020. С. 202–209.

⁴ Кузнецов А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 16–19.

Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором обращено внимание на допустимость применения норм о сделках к решениям собраний по аналогии.

Окончательная точка поставлена в данном вопросе в определении Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 (дело ООО «Яна Тормыш»). В нем указано следующее: *«Положения о таком специальном виде сделок, как решения собрания, должны применяться в системной взаимосвязи с общими положениями о сделках в части, не урегулированной правилами о решениях собраний и не противоречащей их существу».*

Тем не менее при удовлетворении заявлений о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам судам следует давать надлежащую мотивировку, а не ограничиваться перечислением норм из главы 37 АПК РФ, а также различными разъяснениями¹. В качестве примера надлежащего обоснования такого рода судебных актов можно привести постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 марта 2019 г. № Ф09-6241/18 по делу № А50-15638/2017, в котором дано следующее обоснование: основываясь на ст. 8, гл. 9.1 ГК РФ, решения собраний являются самостоятельным юридическим фактом, со своим правовым регулированием. Как решения собраний, так и сделки по своей сути служат волеизъявлениями, направленными на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. И в связи со схожим характером отношений к

¹ См, напр.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 1 октября 2014 г. № Ф09-6931/14 по делу № А71-15195/2012 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=156293&ysclid=lx592hufii195778914#cuoM3FUPaJEr26k6> (дата обращения: 20.02.2024); постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 июня 2015 г. № Ф09-138473/2013 по делу № А71-4712/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=163363&ysclid=lx5941zkhv734762204#xo7N3FUW8QhubpPw2> (дата обращения: 20.02.2024); постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 июня 2016 г. № Ф06-10190/2016 по делу № А57-11042/2014 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/39226808/?ysclid=lx595qp2d6161282181> (дата обращения: 20.02.2024).

решениям собраний могут быть применены положения о сделках по аналогии закона.

Таким образом, приведенный выше анализ подтверждает, что в ряде случаев основания для пересмотра как по вновь открывшимся, так и по новым обстоятельствам могут толковаться расширительно, что подтверждается судебной практикой не только судов первой инстанции, но и практикой кассационных судов, а также практикой Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, несмотря на разъяснения и буквальное толкование норм АПК РФ. Тем не менее в целом такой подход уместен, поскольку законодатель не может успеть за развитием общественных отношений и технологий. Однако право на судебную защиту должно продолжать осуществляться и гарантироваться, что станет возможным именно через дискрецию судов, осуществляющих правосудие в определенном случае. Судебные акты, выходящие или стоящие на грани норм АПК РФ, должны быть надлежащим образом мотивированы, поскольку отсутствие надлежащего обоснования не позволит развивать правопорядок в целом.

Библиографический список

1. Борисова Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 352 с.
2. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 507 с.
3. Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сб. ст. к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. М.: Статут, 2020. С. 199–271.
4. Кузнецов А. А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4–24.
5. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875. 356 с.

6. Мантул Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // Юрист-Правоведь. 2014. № 4 (65). С. 82–87.

7. Петручак Р. К. Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 216 с.

8. Подвальный И. О. Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам: ретроспективный анализ и перспектива развития // Арбитражные споры. 2015. № 3. URL: <https://arbspor.ru/articles/896/> (дата обращения: 10.03.2024).

9. Рассказов О. Л., Мантул Г. А. Развитие института судебного разрешения торговых (предпринимательских) споров в XVIII – первой половине XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 4 (23) С. 138–141.

10. Терехова Л. А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 458 с.

11. Труханов К. И. Решения собраний – новая категория в Гражданском кодексе РФ // Закон. 2013. № 10. С. 125–134.

12. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1912. 336с.

У. Ганболд

руководитель Департамента государственного управления в
Администрации Губернатора
столицы Монголии
Монголия, г. Улан-Батор
unenchanbold@yahoo.com

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НИЗШЕГО УРОВНЯ НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**THE PROPERTY RIGHTS OF LOWER TIER ADMINISTRATIVE
TERRITORIAL UNITIES IN THE POST-SOVIET SPACE**

В статье утверждается, что потребность в обеспечении нужд местного населения обуславливает формирование особого правового института, который в современных государствах получил различное закрепление. Автор анализирует законодательство Республики Беларусь, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Республики Монголия и Российской Федерации, демонстрируя существование различных подходов как к формированию используемой при этом терминологии, так и к определению места права собственности административно-территориальных образований низшего уровня в системе вещных прав. В отличие от России, в которой муниципальная собственность предстает как самостоятельная форма собственности, муниципальная (местная), коммунальная и коллективная формы собственности в Монголии, Беларуси, Казахстане и Китае рассмотрены в качестве составной, хотя и несколько обособленной, части государственной собственности, что находит отражение в специфике возникающих вещных правоотношений. Обоснована мысль о том, что общинная собственность в России и Монголии эволюционировала в направлении частной собственности.

Ключевые слова: форма собственности, муниципальная собственность, коммунальная собственность, коллективная собственность, вещное правоотношение, общинная собственность, государственная собственность, частная собственность, административно-территориальное образование.

The article argues that the need to meet the needs of the local population determines the formation of a special legal institution, which in modern states has received different consolidation. The author analyses the legislation of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Republic of Mongolia and the Russian

Federation, demonstrating the existence of different approaches both to the formation of the terminology used in this process and to the definition of the place of property rights of lower-level administrative-territorial entities in the system of proprietary rights. Unlike Russia, where municipal property is presented as an independent form of ownership, municipal (local), communal and collective forms of ownership in Mongolia, Belarus, Kazakhstan and China are considered as an integral, albeit somewhat separate, part of state property, which is reflected in the specifics of arising proprietary legal relations. The idea that communal property in Russia and Mongolia evolved in the direction of private property is substantiated.

Keywords: form of ownership, municipal ownership, communal ownership, collective ownership, real property legal relationship, communal ownership, state ownership, private ownership, administrative-territorial formation.

Потребность в обеспечении нужд местного населения обуславливает формирование особого правового института, который в современных государствах получил различное закрепление. В западноевропейской традиции, воспринятой и в России, речь идет о праве муниципальной собственности. Однако значительному числу государств подобная экономическая категория неизвестна, поскольку замещается такими функционально близкими экономическими понятиями, как общая племенная, общинная, кооперативная, коммунальная или коллективная собственность¹. Каждое из них в той или иной мере может быть рассмотрено в качестве экономической основы существования некой социальной группы, постоянно или временно проживающей на определенной территории. Схожий в экономическом смысле формат отношений может получать различное правовое закрепление. Особый интерес при этом представляет формирование данного института на постсоветском пространстве, которое в течение длительного времени характеризовалось специфическим экономическим укладом².

¹ См.: Woodin T., Crook D., Carpentier V. Community and mutual ownership: a historical review // Joseph Rowntree Foundation. July. 2010. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1474803/1/community-mutual-ownership-full.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

² Мантул Г. А. Генезис института собственности на Руси // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 49.

Близка к рассматриваемой форме собственности общинная собственность, в большей степени присущая сельским сообществам, для которых родственные связи владельцев общего имущества хотя и характерны, но имеют меньшее значение. Последнее стало актуальным для Монголии, в которой после ликвидации коллективных хозяйств, действовавших в социалистический период ее развития, начали возрождаться кочевые общины как традиционная форма самоорганизации для совместного ведения хозяйства, что обусловлено не только потребностью в производственной кооперации, но и необходимостью обеспечения безопасности, защиты собственности и реализации экономических интересов. Это не могло не сказаться на возникающих в них имущественных отношениях, поскольку подвижный образ жизни порождает умеренное стремление к собственности¹.

Однако отношения в них строятся по модели частной собственности, так как в большинстве случаев основу подобных объединений составляют семейно-родственные коллективы, хотя родство не является единственно необходимым условием их формирования. В России вопрос о праве собственности общин коренных малочисленных народов решен сквозь призму права частной собственности соответствующего юридического лица, в котором его члены сохраняют право на получение доли из имущества общины или компенсации ее стоимости при выходе из нее (ст. 12, 17 Федерального закона от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (в редакции от 20 октября 2022 г.) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»²).

Заслуживает внимания и право коллективной собственности, нашедшее закрепление, в частности, в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики (ГК КНР). Из анализа положений ст. 260 и 261 ГК КНР следует, что состав

¹ См.: Жамбалдорж Жаргалсайхан Монгольское кочевничество: сущность, особенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2013. С. 13.

² Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (в ред. от 20 октября 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

его объектов в значительной мере совпадает с объектами права муниципальной собственности, включая земли, леса, горные хребты, дуга, невозстановленные земли и илистые отмели, которые принадлежат коллективам ввиду прямого предписания закона, образовательные, научные, культурные, медицинские, спортивные и другие объекты, находящиеся в собственности коллективов и т. п. Предполагается, что владение, пользование и распоряжение ими осуществляется крестьянским коллективом села или сельским комитетом от его имени, коллективной хозяйственной организацией или группой сельских жителей – от имени фермерских коллективов, хозяйственными организациями города – от имени фермерского коллектива поселка (ст. 262 ГК КНР), а также городским коллективом в соответствии с законами и административными постановлениями (ст. 263 ГК РФ). По своим характеристикам он занимает промежуточное положение между государственной и частной собственностью, поскольку предполагает большую вовлеченность граждан в решение вопросов относительно такого имущества. Коллективистский дух, по мнению законодателя, должен превалировать и при ведении фермерского хозяйства. С учетом этого, в отличие от российского подхода, согласно которому имущество данного хозяйства образует общую совместную (если иное не установлено соглашением), но частную собственность его членов (п. 1 ст. 257 ГК РФ), оно в соответствии со ст. 260 ГК КНР находится в коллективной собственности членов фермерского коллектива.

В правовой доктрине в понятие коллективной собственности, как правило, вкладывают иное содержание, поскольку через него предпринимается попытка объяснить правовой режим имущества юридического лица¹. Это было характерным уже для разработанной во Франции теории коллективной собственности (Варейль-Соммьер, Планиоль, Бертелеми), согласно которой имущественные права могут принадлежать коллективам, то есть определенным образом организованным объединениям лиц, выступающим вместе как

¹ См.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М.: Статут, 2003. С. 215; Богданов Е. В. Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 80.

единый субъект права. Подобный подход на волне преобразований начала 90-х гг. XX в. нашел закрепление и в законодательстве, о чем свидетельствует ст. 10 Закона СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР»¹. Однако М. М. Агарков в свое время особое внимание обращал на то, что в данном случае речь не идет об общественной (социалистической) собственности², получившей закрепление в конституциях СССР и союзных республик, а также гражданском законодательстве советского периода. И, учитывая, особенности китайской политической системы, эту трактовку нельзя игнорировать.

Вызывает вопросы и использование для обозначения имущественной основы деятельности местных органов власти категории коммунальной собственности. Применение подобной терминологии является вполне закономерным, учитывая, что понятие «коммуна» предполагает коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда. На определенных этапах исторического развития это понятие использовали для обозначения общины, добивавшейся прав самоуправления. Вместе с тем в юриспруденции право коммунальной собственности иногда ассоциируется с реализацией правомочий собственников помещений по владению, пользованию и распоряжению как индивидуальным имуществом, так и общим имуществом строения, и в этом качестве его рассматривают как самостоятельное вещное право³. Иными словами, коммуна воспринимается как небольшой коллектив, интересы которого ограничены принадлежащим ему имуществом.

В ГК Казахстана коммунальная собственность рассмотрена как форма государственной собственности, состоящая из местной казны, которую образуют средства местного бюджета и иного коммунального имущества, не закрепленного за

¹ См.: О собственности в СССР: закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

² См.: Агарков М. М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 145.

³ См.: Басос Е. В. Коммунальная собственность в Российской Федерации // Юридический мир. 2015. № 11. С. 42; Певницкий С. Г. Право коммунальной собственности в многоквартирных домах // Юрист. 2006. № 2. С. 52.

государственными юридическими лицами, а также имущества, закрепленного за коммунальными юридическими лицами (п. 3 ст. 192 ГК Казахстана)¹. Предполагается, что она подразделяется по уровням местного государственного управления и самоуправления на областную, города республиканского значения, столицы; районную (города областного значения) и коммунальную собственность местного самоуправления (города районного значения, села, поселка, сельского округа). Интересен тот факт, что за местными исполнительными органами власти признают полномочия по разработке и утверждению нормативных правовых актов в сфере управления областным коммунальным имуществом в пределах своей компетенции, управлению им и осуществлению мер по его защите (ст. 17, 18.1 Закона Республики Казахстан от 1 марта 2011 г. № 413-IV «О государственном имуществе»²). Однако сохранение ее статуса как одной из форм государственной собственности подтверждается соответствующей компетенцией государственных органов по управлению государственным имуществом. Понятием коммунальной собственности оперирует и Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»³ (ст. 55). При этом ст. 215 ГК Беларуси также относит ее к разновидности государственной собственности⁴.

¹ См.: Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 г. // [Zakon.kz](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=2350;-55#pos=2350;-55). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=2350;-55#pos=2350;-55 (дата обращения: 11.06.2024).

² См.: О государственном имуществе: закон Республики Казахстан от 1 марта 2011 г. № 413-IV // [Zakon.kz](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30947363&pos=3;-108#pos=3;-108). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30947363&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 11.06.2024).

³ См.: О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З // [Pravo.by](https://pravo.by/): национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000108> (дата обращения: 11.06.2024).

⁴ См.: Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З // [Pravo.by](https://pravo.by/): национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=hk9800218> (дата обращения: 11.06.2024).

Подобный подход фактически базируется на представлениях, нашедших закрепление в Законе СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»¹, в котором основа местного хозяйства связана с наличием коммунальной собственности, распространявшейся на имущество, безвозмездно передаваемое Союзом ССР, входящими в него республиками, иными субъектами, а также имущество, создаваемое или приобретаемое местным Советом народных депутатов за счет принадлежащих ему средств (ст. 10). Коммунальная собственность, согласно ст. 19 Закона СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР»², относилась к государственной собственности.

В дальнейшем российское законодательство в этой сфере испытало на себе существенное влияние западноевропейской традиции, что отразилось как на использовании юридической терминологии, так и концепции муниципальной собственности. Появление последней в какой-то мере стало следствием политического решения, базировавшегося на представлении о необходимости децентрализации власти и создании экономических основ для ее эффективной реализации. Иными словами, она зарождалась директивным путем и, будучи провозглашенной нормативно-правовыми актами, лишь со временем получила имущественное наполнение, что существенно осложняло процесс приватизации³.

Понятие «муниципальная собственность» впервые закреплено в Законе РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР»⁴. Ее специфика раскрыта через

¹ См.: Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

² См.: О собственности в СССР: закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

³ См.: Абидова Ю. М. Правовое регулирование формирования муниципальной собственности в России (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 8.

⁴ См.: О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

перечисление относящихся к ней объектов и указание на круг субъектов, уполномоченных распоряжаться ими (ст. 23). Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утвержденные Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1¹, подобные административно-территориальные образования правом собственности не наделяли, относя к субъектам права собственности лишь граждан, юридических лиц и государство. В Законе РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации»² уже констатировано, что муниципальная собственность является достоянием населения соответствующей территории и, наряду с иной собственностью, служит источником получения доходов местного самоуправления и удовлетворению потребностей населения определенной территории (ст. 36, 37). С этого момента ее стали рассматривать в качестве экономической основы местного самоуправления, что получило закрепление и в ст. 49 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в редакции от 25 декабря 2023 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³.

Формирование законодательства Республики Монголия в течение длительного времени под воздействием социалистических идей продолжает оказывать влияние на нормативно-правовое закрепление общественных отношений, хотя Конституция Монгольской Народной Республики (МНР)⁴ говорит об обеспечении соответствия ее экономики, основанной на различных формах собственности, тенденциям глобального экономического развития с учетом национальных особенностей (ст. 5). Формы и виды собственности получили противоречивое

¹ См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

² См.: О местном самоуправлении в Российской Федерации: закон РФ от 6 июля 1991 г. № 1550-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.

³ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁴ См.: Монгол улсын үндсэн хууль, 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 11.06.2024).

закрепление. В п. 2 ст. 5 Конституции МНР речь идет о признании всех форм государственной и частной собственности. Это положение воспроизводит и п. 1 ст. 99 ГК Монголии, согласно которой в Монголии существует государственная и частная собственность, хотя в 1996 г. принят Закон «О государственной и муниципальной¹ собственности» (далее – Закон о ГМС²). В то же время выделяют категорию общественной или публичной собственности, которая в соответствии с п. 2 ст. 99 ГК Монголии включает в себя государственную, муниципальную и религиозную собственность. Первые две подразделяют на предназначенные для публичного использования и собственно государственную или соответственно муниципальную собственность (ст. 3 и 74 Закона о ГМС), что призвано подчеркнуть нахождение части имущества в общем достоянии. Последнее «выступает едва ли не отрицанием собственности вообще», поскольку «при общественной форме собственности человек не «совладеет» и не «сораспоряжается» ею, он пребывает в определенном отношении, согласно которому нечто запрещается и разрешается целым рядом гармонирующих между собой социальных норм»³. В этом смысле нельзя не согласиться с Л. А. Чердаковой, указывающей на недопустимость отождествления муниципальной собственности с ассоциированной частной собственностью (корпоративной, кооперативной, коммунальной и т. п.), если соответствующий объект состоит из сумм объектов индивидуальной собственности (долей) сособственников⁴.

Концепция общественной собственности, представленная еще Платоном, наибольшее развитие получила в марксистской социологии, в контексте которой она рассмотрена как

¹ «Орон нутгийн өмчийн» буквально переводится как «местная собственность», но в контексте настоящего исследования будем использовать более привычное для российской правовой доктрины понятие «муниципальная собственность».

² См.: Төрийн болон орон нутгийн өмчийн тухай, 1996 оны 5 дугаар сарын 27-ны өдөр // Legalinfo.mn. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/492> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Мулина Н. А. Частная и общественная формы собственности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2005. С. 7, 22.

⁴ См.: Чердакова Л. А. Теоретико-правовые основы права муниципальной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 32.

действительное общественное явление, присущее всем обществам на любых этапах их развития¹. К тому же уровень такого развития, характер складывающихся в обществе отношений, в том числе обусловленных формой правления, территориального устройства, политического режима предопределяет и выбор формы управления соответствующим имуществом.

В правовой доктрине общественная собственность характеризуется как особый тип собственности, который противопоставлен частной собственности и находит выражение в различных формах: государственной, муниципальной, коллективной (корпоративной)². О категории общественной собственности говорят и экономисты, обращая внимание на ее предназначение для удовлетворения интересов определенной социальной группы. Применительно к ним уместным признают и использование категории публичной собственности³, если речь идет о том, что имущество используют для удовлетворения публичных интересов, понимаемых не как интересы государства и его органов и должностных лиц, а как общественные интересы, проявляющиеся и на уровне общества в целом, если мы можем говорить о государственной публичной собственности, и на уровне отдельных социальных групп, интересы которых при таком подходе обеспечивает муниципальная публичная собственность.

Предложения о введении в российское законодательство нормы о признании права публичной собственности высказывают в правовой доктрине, хотя право на общенародное достояние ассоциируется только с правом государственной

¹ См.: Таранова О. А. О теории общественной собственности в марксистской социологии // Социология и право. 2018. № 2 (40). С. 47.

² См.: Капура М. М. Право собственности кооперативов: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 7–8; Тархов В. А., Рыбаков В. А. Собственность и право собственности: монография. 3-е изд., доп. М.: Юрист, 2007. С. 78, 79.

³ См.: Дойников И. В. Публичная собственность – основа экономики страны // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы развития предприятий: теория и практика» (Самара, 10–12 октября 2002 г.) / отв. ред. А. Е. Пилецкий. Ч. 3. Самара: Изд-во Самарской государственной экономической академии, 2002. С. 53.

собственности¹. Последнее, на наш взгляд, видится не вполне оправданным, поскольку не отражает исторических предпосылок обособления этого имущества, а также механизм удовлетворения интересов населения муниципальных образований, не предполагающий получения специального разрешения на это органов власти или заключение договора с ними². К тому же муниципальная собственность юридически признана достоянием населения соответствующей территории в ст. 37 Закона РСФСР о местном самоуправлении 1991 г. В действующем законодательстве использована более сложная правовая конструкция, содержащая указание на принадлежность соответствующего имущества муниципальным образованиям, от имени которых права собственника осуществляют органы местного самоуправления и уполномоченные ими юридические лица и граждане (ст. 214, 125 ГК РФ)³. Хотя указание на возможность нахождения объектов, признаваемых общественным достоянием, не только в государственной, но и муниципальной собственности, находит отражение в российском законодательстве применительно к землям особо охраняемых природных территорий (ст. 95 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ)⁴.

На наш взгляд, именно характеристика объектов муниципальной собственности в качестве общественного достояния местного сообщества в целом, постоянно или временно связанного с соответствующей территорией, как нельзя лучше отражает ее социально-экономическое назначение. Это в совокупности с особенностями реализации правомочий владения, пользования и распоряжения ими через специально созданные органы власти позволяет отграничить его от племенной,

¹ См.: Андреев Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2013. С. 150.

² См.: Винницкий А. В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 18.

³ См.: Шугрина Е. С. Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ // Правоприменение. 2018. № 3. С. 89.

⁴ См.: Земельный кодекс РФ: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

общинной, коллективной и кооперативной форм общественной собственности.

Специфика правового режима муниципальной собственности определена различными факторами. Среди них наиболее значимы особенности взаимоотношений различных уровней публичной власти, а также экономической политики государства. Очевиден тот факт, что формирование разнообразных подходов к организации власти на местах, обусловленных представлениями об организации государственного управления, закономерно отражается и на складывающихся отношениях собственности¹. Так, приверженность теории государственного самоуправления базируется на представлении о том, что органы местного самоуправления, хотя и формируются местным сообществом, обеспечивают реализацию переданных им государством задач, что, в свою очередь, обуславливает сохранение государственного контроля за их деятельностью. При подобном подходе муниципальная (коммунальная, коллективная) собственность предстает как часть государственной собственности, что и прослеживается в Монголии, равно как и в Беларуси, Казахстане и Китае. В рамках общественной теории муниципальную собственность рассматривают как самостоятельную форму собственности с присущими только ей характерными признаками, поскольку государство и муниципалитеты выступают в качестве разных субъектов экономики². Подобный подход изначально изложен в Конституции РФ. В частности, ст. 132 Конституции РФ была ограничена указанием на то, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения, хотя и могут быть

¹ См.: Гончаров И. В. Правовой статус муниципального имущества и право муниципальной собственности в социальном государстве // Образование и право. 2020. № 7. С. 158.

² См.: Генералова О. Н. Формирование отношений и прав собственности в интересах муниципального образования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2008. С. 12.

наделены отдельными государственными полномочиями при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств. Действующая редакция уже содержит дополнительное указание на то, что они, наряду с органами государственной власти, входят в единую систему публичной власти в России и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Это является следствием влияния дуалистической теории самоуправления, в основе которой лежит тезис о невозможности полного разделения собственно местных и общегосударственных дел при одновременном наличии общегосударственного и местного интереса в деятельности местного самоуправления¹.

Таким образом, можно констатировать, что обеспечение экономической основы жизнедеятельности отдельных социальных групп, проживающих на определенной территории, на постсоветском пространстве осуществляется в различных формах. На это указывает существование категорий коммунальной, кооперативной и муниципальной (местной) собственности. Общинная собственность в России и Монголии эволюционировала в направлении частной собственности.

Библиографический список

1. Абидова Ю. М. Правовое регулирование формирования муниципальной собственности в России (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 21 с.
2. Агарков М. М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3. С. 145–181.
3. Андреев Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.

¹ См.: Дементьев А. Н. Теории местного самоуправления и их современные интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 18.

4. Басос Е. В. Коммунальная собственность в Российской Федерации // Юридический мир. 2015. № 11. С. 42–46.

5. Богданов Е. В. Идеи индивидуализма, коллективизма, капитализма в современном гражданском праве России // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 80–97.

6. Винницкий А. В. Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 60 с.

7. Гончаров И. В. Правовой статус муниципального имущества и право муниципальной собственности в социальном государстве // Образование и право. 2020. № 7. С. 158–163.

8. Генералова О. Н. Формирование отношений и прав собственности в интересах муниципального образования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2008. 20 с.

9. Дементьев А. Н. Теории местного самоуправления и их современные интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 18–24.

10. Дойников И. В. Публичная собственность – основа экономики страны // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы развития предприятий: теория и практика» (Самара, 10–12 октября 2002 г.) / отв. ред. А. Е. Пилецкий. Ч. 3. Самара: Изд-во Самарской государственной экономической академии, 2002. С. 53–64.

11. Капура М. М. Право собственности кооперативов: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 42 с.

12. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М.: Статут, 2003. 316 с.

13. Мантул Г. А. Генезис института собственности на Руси // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 49–52.

14. Мулина Н. А. Частная и общественная формы собственности: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2005. 22 с.

15. Жамбалдорж Жаргалсайхан Монгольское кочевничество: сущность, особенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2013. 26 с.

16. Певницкий С. Г. Право коммунальной собственности в многоквартирных домах // Юрист. 2006. № 2. С. 52–53.

17. Таранова О. А. О теории общественной собственности в марксистской социологии // Социология и право. 2018. № 2 (40). С. 47–52.

18. Тархов В. А., Рыбаков В. А. Собственность и право собственности: монография. 3-е изд., доп. М.: Юрист, 2007. 276 с.

19. Чердакова Л. А. Теоретико-правовые основы права муниципальной собственности // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 32–34.

20. Шугрина Е. С. Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ // Правоприменение. 2018. № 3. С. 89–109.

21. Woodin T., Crook D., Carpentier V. Community and mutual ownership: a historical review // Joseph Rowntree Foundation. July. 2010. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1474803/1/community-mutual-ownership-full.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

А. А. Иванов

аспирант

Института государственной службы
и управления

Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (РАНХиГС)

при Президенте РФ

Россия, г. Москва

artem.krasnogorsk@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE LEGAL NATURE OF THE REPRESENTATIVE BODY OF A MUNICIPALITY

В статье проведен анализ истории развития правового статуса представительных органов в России. Особое внимание уделено законодательным изменениям 2020 г., которые повлияли на структуру государственного управления и функционирование муниципальных образований. Цель исследования – оценить, как эти трансформации влияют на деятельность и ответственность депутатов муниципальных органов. Резюмируется, что современное отечественное законодательство в полном объеме содержит демократические принципы функционирования представительного органа, его основное предназначение заключается в выражении воли жителей муниципального образования. Согласно выводу автора, модификации в законодательстве повысят эффективность работы представительных органов. Однако подобные преобразования требуют дополнительного анализа их влияния на местное самоуправление впоследствии. Выводы, сформулированные по окончании исследования, могут быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательной базы представительных органов в России на уровне муниципалитетов.

Ключевые слова: муниципальные образования, представительные органы, Правительство Российской Федерации, государственное управление, конституционные изменения, полномочия, органы местного самоуправления.

The article analyses the history of the development of the legal status of representative bodies in Russia. Particular attention is paid to the legislative changes of 2020, which affected the structure of public administration and the functioning of municipalities. The purpose of the

study is to assess how these transformations affect the activity and responsibility of deputies of municipal bodies. It is summarised that modern domestic legislation fully contains democratic principles of functioning of the representative body, its main purpose is to express the will of the residents of the municipal entity. According to the author's conclusion, modifications in the legislation will increase the efficiency of representative bodies. However, such transformations require additional analysis of their impact on local self-governance subsequently. The conclusions formulated at the end of the study can be used for further improvement of the legislative base of representative bodies in Russia at the level of municipalities.

Keywords: municipalities, representative bodies, Government of the Russian Federation, public administration, constitutional amendments, powers, local self-government bodies.

В современной России вопросы развития и функционирования представительных органов муниципального уровня занимают особое место в дискуссиях о формировании эффективной системы государственного и муниципального управления. Актуальность темы обусловлена рядом значительных правовых трансформаций, произошедших в 2020 г., которые направлены на укрепление интеграции и взаимодействия различных уровней власти в стране. Эти изменения затрагивают в том числе структуру и полномочия представительных органов, влияют на их место в системе публичной власти, что делает необходимым проведение тщательного анализа, оценки воздействия нововведений на эффективность работы муниципальных депутатов и качество управления на местах.

Проблема усиливается тем, что в некоторых муниципалитетах представительные органы не полностью реализуют свои возможности и полномочия, порой выполняя роль консультативных структур, что противоречит их истинной функции в системе местного самоуправления. Отсутствие у представительных органов собственного аппарата для аналитической работы, юридической и антикоррупционной экспертизы, а также слабое взаимодействие с исполнительной властью приводят к снижению их роли в управленческих процессах, что, в свою очередь, усиливает влияние исполнительной власти и подрывает основы демократического управления на местах.

Обращаясь к характеристике методологии исследования, стоит указать, что нами применен комплексный подход,

сочетающий теоретический анализ нормативных правовых актов, таких как Конституция Российской Федерации (РФ), федеральные конституционные и федеральные законы, а также международные договоры и конвенции, ратифицированные РФ; историческое рассмотрение развития правового статуса местного самоуправления и его органов, в том числе изменений 2020 г.; анализ практического применения законодательства на уровне муниципалитетов с учетом работы представительных органов, деятельности депутатов и механизмов взаимодействия с населением через выборы и референдумы.

Основополагающим элементом для всех областей законодательства РФ служит Конституция РФ¹, которая принята на общенациональном референдуме в 1993 г. Она закрепляет концепцию местного самоуправления в качестве формы «выборной власти», имеющей прямое взаимодействие с гражданами страны посредством референдумов, выборов и других методов выражения воли народа, тем самым воплощая принципы демократии. Российский законодатель уделяет особое внимание полномочиям органов местного управления, которые реализуются через разнообразные структуры в результате свободного, секретного, равного, прямого и доступного для всех выборного процесса, отражающего голос народа. Это способствует определению границ и установлению иерархии среди органов местного самоуправления, разделяя их на представительские и исполнительные органы. Хотя законодательный фонд России в области местного самоуправления является относительно ограниченным, он базируется на широко узнаваемых принципах международного права, нашедших отражение во многих его аспектах.

В 2020 г. произошли значительные правовые трансформации, направленные на формирование интегрированной структуры государственного управления в России. Внесены модификации в Основной закон страны, дополненные рядом законодательных актов. Среди них –

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 12.02.2024).

Федеральный конституционный закон № 4-ФКЗ от 6 ноября 2020 г.1, в котором речь идет в том числе о структуре Правительства РФ, а также Федеральный закон № 394-ФЗ от 8 декабря 2020 г.2 и Федеральный закон № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г.3, определяющие полномочия Государственного Совета РФ и устанавливающие общие принципы функционирования публичной власти на уровне субъектов РФ соответственно. В контексте этих изменений особое внимание уделено анализу правового положения органов местного самоуправления, их роли и места в единой системе управления государством.

В значимом аспекте работы органов местного управления ключевую роль играет представительный орган на уровне муниципалитетов, формируемый из депутатов, выбираемых народом. Эти депутаты несут ответственность за защиту интересов жителей своего муниципалитета в ходе принятия решений по вопросам, имеющим местное значение. В качестве представителей народа депутаты обладают определенными правами для выполнения действий, отвечающих интересам избирателей. Эффективность работы депутата тесно связана с предоставленными ему гарантиями для осуществления его полномочий. Законодательство предусматривает также меры, направленные на предотвращение неправомерного исполнения или неисполнения обязанностей депутатом, включая ограничение его полномочий ответственностью за незаконные действия или бездействие. Однако до сих пор остается открытым вопрос о создании единого нормативного списка полномочий, гарантий и ответственности депутата, что влияет на качество выполнения им своих функций в представительном органе муниципалитета. Для разработки наиболее подходящего варианта предложений относительно этого направления необходимо провести анализ

¹ О Правительстве Российской Федерации: федер. конст. закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

² О Государственном Совете Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

³ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

истории развития правового статуса представительных органов в России.

Формирование выборных структур на уровне местного самоуправления служит обязательным условием, закрепленным в ряде законов РФ, включая Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². В результате процессов становления и реформирования, как в международном контексте, так и в рамках российского законодательства, установлено, что учреждение представительных органов на местном уровне является не только необходимым, но и обязательным аспектом управления. Это требование обосновано как природой представительных органов, так и их задачами, полномочиями. Главные функции местных представительных органов включают в себя:

- отражение и защиту интересов различных социальных слоев населения в рамках муниципального образования;
- разработку нормативных актов в рамках предоставленных полномочий, определенных на уровне федерального и регионального законодательства, а также устава муниципалитета;
- надзор за исполнением утвержденных норм и актов, а также за деятельностью исполнительных структур и должностных лиц на местном уровне.

Члены выборных структур местного уровня получают мандаты через всеобщее, анонимное голосование, которое строго следует демократическим нормам и правилам выборов. В рамках своих обязанностей депутаты на местном уровне вовлечены в широкий спектр деятельности, от участия в формировании бюджета муниципалитета и до разработки программ развития

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2002. 15 июня.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

территории, общения с жителями и защиты интересов территориального образования на региональном и государственном уровнях, если это требуется¹.

В процессе выполнения своих задач депутаты выборных органов обязаны придерживаться принципов законности, ответственности и прозрачности в работе. При осуществлении полномочий они взаимодействуют с разнообразными структурами власти, организациями и общественными объединениями. Продолжительность полномочий депутатов местных собраний устанавливается сроком действия данного выборного органа, который, в свою очередь, регламентируется Уставом муниципального образования с юридическим ограничением от двух до пяти лет². В контексте законодательно установленных сроков работы депутатов на местном уровне основными являются следующие составляющие:

- дата избрания депутата считается днем проведения голосования;

- завершение полномочий депутата муниципального органа наступает в день образования нового состава данного органа;

- определенный срок службы депутата остается фиксированным на период в целом, если Федеральным законом не предусмотрены исключения, включая возможность досрочного освобождения по законным основаниям.

Ключевым аспектом в работе депутатов на уровне муниципалитетов служит возможность раннего завершения их службы. Согласно действующему законодательству, такое прекращение службы может произойти по ряду причин:

- если депутат умирает;

- если депутат самостоятельно решает отказаться от своих обязанностей;

- если, по решению суда, депутат признан недееспособным вследствие серьезного заболевания;

¹Куликова Ю. А. Некоторые аспекты проблемы правовой природы депутатского мандата // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 176.

²Ногайлиева М. Х., Чомаев Ш. Х. Регулирование выборов и правовой статус депутатов представительных органов местного самоуправления // Кронос. 2022. Т. 7. № 1 (63). С. 6.

- если суд решает, что депутат считается пропавшим без вести или объявлен умершим;
- если в отношении депутата вынесен обвинительный вердикт;
- если депутат переезжает за пределы РФ для постоянного проживания;
- если депутат лишается гражданства РФ или гражданства иностранного государства, с которым Россия заключила международный договор, позволяющий иностранцу быть избранным в органы местного самоуправления;
- если избиратели отзывают мандат у депутата;
- если полномочия соответствующего органа местного самоуправления прекращаются досрочно;
- в других случаях, определенных законодательством¹.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ подробно определяет правовые рамки и сферы деятельности всех элементов системы местного управления. В рамках этой системы представительным органам предоставлена особая задача и специфическая роль в управленческих процессах на уровне муниципалитетов, а также в процессе формирования законодательных актов. Важно учитывать, что особенности правового статуса органов местного самоуправления предполагают их активное взаимодействие как с представительными, так и с исполнительными структурами местной власти. Более того, наблюдаемое несоответствие между законом установленным статусом, нормативным регулированием и реальным положением дел в системе управления на муниципальном уровне порождает беспокойство².

Законодательные структуры не всегда эффективно исполняют свою ключевую миссию: отражать и защищать интересы граждан и их избирателей, обеспечивая достойное качество жизни и в рамках создания законов, и в повседневной

¹ Климова А. С. Статус депутата представительного органа местного самоуправления в России: в поисках оптимального правового регулирования // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 4. С. 484.

² Джагарян А., Джагарян Н. Функционально-правовые ориентиры местного самоуправления: теоретический аспект // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (120). С. 94.

деятельности. Часто депутатам в качестве элементов этих структур приходится выполнять лишь номинальные функции в избирательных процедурах и принимать участие в «автоматическом» голосовании за предложения, выгодные другим властным инстанциям и органам управления. В результате их реальная роль сводится к минимальному участию в процессе утверждения и подписания законодательных актов. Ситуация такова из-за ряда причин, включая правовые, экономические, организационные, финансовые и кадровые аспекты. Во многих органах местного самоуправления возникает ситуация, в которой мэр или глава муниципалитета, возглавляя исполнительный орган и имея весомое влияние либо поддержку влиятельных личностей, фактически единолично управляет всем органом, без четкого разделения властей, несмотря на то, что его избрали путем применения демократических процедур (голосования)¹. Этот руководитель не только формирует кадровую политику и возглавляет администрацию, но и иницирует законодательные проекты, имеет право наложить вето. Фактически его власть не испытывает значительных ограничений. В результате часто наблюдаются отсутствие властных полномочий у Совета и невозможность реализовать свои функции.

В некоторых местных администрациях органы, предназначенные для представления интересов общества, фактически превратились в консультативные структуры при руководителе муниципалитета, что является нарушением их истинной роли. Депутатские собрания на местах часто не могут эффективно лидировать в управлении муниципалитетом по причине недопонимания своей значимости и объема полномочий, предоставленных законодательством. Во многих муниципальных единицах представительные органы не располагают собственным персоналом и аппаратом для разработки и анализа нормативных актов, включая юридическую и антикоррупционную экспертизу, а также оценку проектов, предложенных исполнительной властью, особенно в вопросах финансов и бюджета. В итоге принятие решений перекладывается на исполнительные

¹ Авакьян С. А. Разделение властей: для каких уровней применять? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 15.

структуры, что усиливает их влияние и ослабляет позиции представительных органов. Кроме того, на депутатов местного уровня оказывают давление со стороны областных или районных властей. Не следует игнорировать тот факт, что бюджеты муниципалитетов в большей мере формируются за счет субсидий, а районные бюджеты являются консолидированными, что дает районным чиновникам больше финансовых и политических рычагов влияния на городские или сельские советы. Однако важно обратить внимание на то, что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ устанавливает четкое разделение полномочий и сфер влияния между разными уровнями местного самоуправления, предписывая им не вмешиваться в деятельность друг друга¹.

Одна из ключевых задач в разграничении властных полномочий между исполнительной и представительной властью на муниципальном уровне связана с формированием и официальным утверждением структуры органов местного управления. Как указано в Конституции РФ, структура местного самоуправления устанавливается непосредственно населением. Процесс детализации и модификации законодательства федерального уровня происходит с учетом особенностей регионального и муниципального права. Большая часть этих документов включает в себя условия для учреждения органов управления на местном уровне посредством выборного процесса, который строится на основах универсальности, равноправия и непосредственности избирательных прав с обеспечением конфиденциальности голосования. Вопрос о создании подобных структур может быть разрешен либо автономно лицом, назначенным в соответствии с уставом муниципалитета, либо при наличии одобрения от органа представительной власти на местном уровне.

Подводя итоги настоящего исследования, нельзя не учитывать и тот факт, что формирование выборных структур на уровне местного самоуправления в России закреплено федеральными законами, включая законы относительно

¹ Шарыбар С. В., Барышева А. А. Анализ формирования и исполнения бюджета муниципального образования // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 5. С. 392.

обеспечения конституционных прав граждан на участие в выборах и референдумах, а также основ принципов местного самоуправления. Представительные органы, формируемые из депутатов, выбираемых народом, играют ключевую роль в защите интересов жителей и принятии решений по вопросам местного значения. Законодательство РФ предусматривает обязательное наличие таких органов, подчеркивая их ведущую роль в системе местного самоуправления.

Согласно Конституции РФ и Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ устанавливается структура местного самоуправления, которая может включать в себя как обязательные, так и дополнительно определенные органы, должности. Эффективность работы представительных органов связана с предоставленными им правами и гарантиями, а также мерами ответственности за неправомерные действия.

Представительным органам отведены уникальная функция и роль в создании нормативных актов, управлении на муниципальном уровне. Важно укрепить их организационную независимость и правовой статус для достижения большей самостоятельности от исполнительных структур, что предполагает расширение их компетенции и полномочий. Необходимо создать условия для беспрепятственного осуществления их функций, включая разработку планов развития, управление муниципальным имуществом и контроль за выполнением бюджета.

В целом следует признать, что современное отечественное законодательство в полном объеме содержит демократические принципы функционирования представительного органа, его основное предназначение заключается в выражении воли жителей муниципального образования. Под представительным органом понимают обязательный коллегиальный орган, избираемый населением, подотчетный ему и действующий самостоятельно, призванный представлять и защищать интересы жителей в решении вопросов местного значения на основе закрепленных полномочий.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Разделение властей: для каких уровней применять? // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 15–26.

2. Джагарян А., Джагарян Н. Функционально-правовые ориентиры местного самоуправления: теоретический аспект // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (120). С. 94–115.

3. Климова А. С. Статус депутата представительного органа местного самоуправления в России: в поисках оптимального правового регулирования // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 4. С. 484–497.

4. Куликова Ю. А. Некоторые аспекты проблемы правовой природы депутатского мандата // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 176–179.

5. Ногайлиева М. Х., Чомаев Ш. Х. Регулирование выборов и правовой статус депутатов представительных органов местного самоуправления // Кронос. 2022. Т. 7. № 1 (63). С. 6–8.

6. Шарыбар С. В., Барышева А. А. Анализ формирования и исполнения бюджета муниципального образования // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 5. С. 390–395..

УДК 341.9
ББК 67.910.821

А. В. Костицын

преподаватель кафедры международного
и интеграционного права
Института права и национальной безопасности юридического
факультета
имени М. М. Сперанского
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Россия, г. Москва
kostitsyn-av@ranepa.ru

**ОПЫТ АРБИТРИРОВАНИЯ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ КАК
КРИТЕРИЙ ВЫБОРА СТОРОНАМИ АРБИТРА
ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА
AD HOC**

**THE EXPERIENCE OF ARBITRATION AND
ADMINISTRATION AS A CRITERION FOR PARTIES TO SELECT
AN ARBITRATOR FOR INTERNATIONAL COMMERCIAL
ARBITRATION AD HOC**

В статье утверждается, что международный коммерческий арбитраж ad hoc – динамично развивающийся институт по разрешению внешнеэкономических споров. Современные геополитические тенденции, развитие многополярного мира в условиях так называемых санкций естественным образом влияют на рост популярности арбитража ad hoc и его перспективы. Выбор данного формата арбитража для спорящих сторон является наиболее простым. Однако одновременно с этим он требует наличие у арбитра, состава третейского суда больших, чем у участников институционального арбитража, навыков (опыта) как по арбитражированию, так и по администрированию споров. В настоящей статье автор предлагает оценить такой опыт как критерий выбора арбитра для международного коммерческого арбитража ad hoc. Именно наличие опыта арбитра в администрировании и арбитражировании, гибкого подхода арбитра (арбитров), готовности его процессуального взаимодействия со спорящими сторонами (без нарушения пределов беспристрастности и независимости) в сочетании с высоким уровнем

доверительных отношений сторон, заботящихся о своей репутации, служит ключом для успеха процедуры арбитража (ad hoc).

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж ad hoc, арбитраж, арбитраж ad hoc, администрирование споров, опыт арбитра, третейское разбирательство, третейский суд, третейский суд ad hoc.

The article argues that international commercial arbitration ad hoc is a dynamically developing institution for resolving foreign economic disputes. Modern geopolitical trends, the development of a multipolar world under the so-called sanctions naturally affect the growing popularity of ad hoc arbitration and its prospects. The choice of this format of arbitration is the easiest for the disputing parties. However, at the same time, it requires the arbitrator and the arbitral tribunal to have more skills (experience) in both arbitration and dispute administration than the participants of institutional arbitration. In this article, the author proposes to evaluate such experience as a criterion for selecting an arbitrator for international commercial arbitration ad hoc. It is the arbitrator's experience in administration and arbitration, flexible approach of the arbitrator (arbitrators), readiness of his/her procedural interaction with the disputing parties (without violating the limits of impartiality and independence), combined with a high level of trust of the parties, who care about their reputation, that serves as a key to the success of the arbitration procedure (ad hoc).

Keywords: international commercial arbitration ad hoc, arbitration, arbitration, arbitration ad hoc, dispute administration, arbitrator experience, arbitration, arbitral tribunal, arbitral tribunal ad hoc.

Единственным основанием для разрешения возникшего спора или спора, который лишь может возникнуть в будущем, путем международного коммерческого арбитража ad hoc (далее – арбитраж ad hoc) служит заключение сторонами арбитражного соглашения.

Спорящим сторонам для выбора арбитража ad hoc достаточно указать в арбитражном соглашении следующее: «Стороны разрешают возникающие споры путем арбитража ad hoc». Указанная формулировка (так называемая краткая форма (формулировка), англ. – small form) арбитражного соглашения является при этом заключенной и действительной.

На заключенность, действительность арбитражного соглашения (арбитражной оговорки) не влияет детализация всех критериев последующего арбитражного разбирательства (так называемая длинная форма (формулировка), англ. – long form). Таких как, например, выбор спорящими сторонами состава арбитров, места арбитража, заседаний, окончательности решения или, например, языка разбирательства и др.

Указанное положение подкреплено положениями ст. 2 Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений¹, ст. 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже², ст. 7 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о международном коммерческом арбитраже)³, ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже)⁴, Приложением к Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ⁵, а также подтверждено доктринами⁶ и устоявшейся судебной практикой¹.

¹ Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже: принят ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г. // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/mal_rus.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

³ О международном коммерческом арбитраже: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/doc/5338/?ysclid=lxhabbw3m0722223306> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴ Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/?ysclid=lxhaomrr12878898398 (дата обращения: 26.02.2024).

⁵ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (принят Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1976 г.) // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

⁶ См., напр.: Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. С. 215–239; Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клаувер, 2005. С. 336; Минаков А. И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юридическая литература, 1985. С. 82; Новиков Е. Ю. Правовая природа третейского разбирательства // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. Т. 2. 2002–2003 / под ред. В. В. Яркова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 314; Поассон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Российский институт современного арбитража,

Необходимыми условиями для признания арбитражного соглашения заключенным и действительным являются:

- выбор процедуры разрешения спора из всех вариантов альтернативных процедур – арбитража;
- выбор формы арбитража – институционный или ad hoc (разовый, специальный, для разрешения конкретного спора);
- выбор арбитражного учреждения, компетентного для разрешения данного спора (для институционного арбитража)².

Таким образом, указание сторонами в арбитражном соглашении на арбитраж ad hoc является достаточным основанием признать его заключенным и действительным. Приведенный подход нашел подтверждение в правовых позициях высшей судебной инстанции относительно третейского разбирательства³.

По умолчанию презюмируется, что стороны, заключившие арбитражное соглашение, обладают надлежащей правосубъектностью сторон, добровольно заключили

2021. С. 46; Brachet P. De l'execution Internationale des sentences arbitrees. Paris: Rousseau et Cie, 1928. P. 27–30; Klein F. Consideration sur l'arbitrage en Droit International Prive. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1955. P. 50–52; Lorenz W. Die Rechtsnatur von Schiedsvertrag und Schiedsspruch // Archiv für die zivilistische Praxis. 1958. S. 265.

¹ Пункты 18–31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 53 от 10 декабря 2019 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/?ysclid=lxxbn9831p570138850 (дата обращения: 02.03.2024); Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 апреля 2001 г. № 3515/00 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 8; Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314742/?ysclid=lxxbs3vfs4353856384 (дата обращения: 02.03.2024).

² См.: Коломиец А. И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. техн. наук. М., 2018. С. 33–35.

³ Пункты 29–30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/?ysclid=lxxbn9831p570138850 (дата обращения: 02.03.2024).

арбитражное соглашение и оно отражает их действительную волю, а также арбитражное соглашение заключено в отношении арбитрабельного предмета спора. Достаточность указания приведенных условий для признания арбитражного соглашения действительным и заключенным с точки зрения теории не означает одновременно с этим, что на практике реализации данного соглашения указанных положений будет достаточно для эффективного арбитражного разбирательства. Следствием заключения арбитражного соглашения является также последующая невозможность передать спор на разрешение в государственный (компетентный) суд, за исключением ситуации с изменением волеизъявления спорящих сторон относительно достигнутого арбитражного соглашения.

Следовательно, международный коммерческий арбитраж ad hoc, равно как и арбитраж ad hoc, для внутренних споров является наиболее простым в договорном закреплении спорящими сторонами (контрагентами). Одновременно с этим согласование международного коммерческого арбитража ad hoc (за исключением ситуации неоправданного выбора его применения) подразумевает наличие у сторон высокого уровня правосознания и опыта в третейском разбирательстве. Альтернативной предпосылкой данного выбора могут служить наличие предшествующего опыта разрешения спора между ними путем международного коммерческого арбитража и сохранение последующих договорных отношений.

Вместе с тем выбор арбитража ad hoc предполагает, что у арбитра, состава арбитра, принимающих на себя функции по арбитражированию, помимо соответствия критериям, закрепленным в п. 6–11 ст. 11 Закона об арбитраже¹ (для

¹ Пункт 6 ст. 11 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» гласит: «1) иметь высшее юридическое образование, подтвержденное выданным на территории Российской Федерации дипломом установленного образца; 2) иметь высшее юридическое образование, подтвержденное документами иностранных государств, признаваемыми на территории Российской Федерации. <...> 7. Арбитром не может быть лицо, не достигшее возраста двадцати пяти лет, недееспособное лицо или лицо, дееспособность которого ограничена. <...> 9. Арбитром не может быть физическое лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость».

внутреннего арбитража), существует значительный опыт арбитражного разбирательства и готовность осуществлять функции администрирования, которые традиционно выполняют не арбитры, но арбитражные центры, осуществляющие функции администрирования споров.

Данное утверждение о необходимости опыта арбитра (арбитров) для эффективного арбитражного разбирательства представляет собой практическую авторскую рекомендацию и не является абсолютным условием для инициирования международного коммерческого арбитража *ad hoc*. Приоритетными, несомненно, становятся прежде всего воля контрагентов и их намерение разрешить спор путем международного коммерческого арбитража *ad hoc* при условии наличия доверия арбитра и готовности последнего принять на себя функции по арбитражному разбирательству.

Следует перечислить функции по администрированию споров, которые регулярно осуществляют арбитражные учреждения (их секретариаты) при возникновении спора, поступлении иска, с которыми вынужден будет столкнуться и арбитр *ad hoc* (либо коллегия арбитров), за исключением ситуации, если стороны согласовали намерение передать администрирование споров постоянно действующему арбитражному учреждению ввиду ст. 45 Закона об арбитраже¹.

В общих чертах функции по администрированию закреплены в ст. 2 Закона об арбитраже: «3) администрирование арбитража – выполнение постоянно действующим арбитражным учреждением функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства,

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» гласит: «10. Арбитром не может быть физическое лицо, полномочия которого в качестве судьи, адвоката, нотариуса, следователя, прокурора или другого сотрудника правоохранительных органов были прекращены в Российской Федерации в установленном федеральным законом порядке за совершение проступков, несовместимых с его профессиональной деятельностью.

11. Арбитром не может быть физическое лицо, которое в соответствии с его статусом, определенным федеральным законом, не может быть избрано (назначено) арбитром».

организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора»¹. Законодательно закрепленная дефиниция вместе с тем не раскрывает в полной мере спектр действий, которые осуществляют арбитражные центры, а также третейские суды ad hoc в целях администрирования споров.

Так, секретариаты арбитражных учреждений осуществляют следующие функции по администрированию споров: 1) принимают искивые заявления и иные процессуальные документы от спорящих сторон; 2) ведут картотеку арбитражного производства; 3) ведут переписку со сторонами арбитражного разбирательства, направляют повестки; 4) определяют размер арбитражного сбора и контролируют его оплату; 5) направляют процессуальные документы сторон в адрес арбитра (состава арбитров); 6) направляют сторонам арбитражное решение; 7) оказывают дополнительное содействие сторонам на стадии приведения в исполнение арбитражных решений; 8) выполняют иные функции, за исключением арбитражирования споров, которые возникают в ходе ведения международного коммерческого арбитража ad hoc.

Указанный функционал секретариатов арбитражных учреждений можно также дополнительно классифицировать в зависимости от стадии арбитражного разбирательства: от стадии инициирования разбирательства, на стадии непосредственно арбитражных заседаний (слушаний), до стадии вынесения решения и приведения его в исполнение. Перечисленные функции «администрирования спора» представляют собой задачу, в большей степени непривычную по вышеуказанным причинам для большинства арбитров, либо задачу, которую они предпочитают делегировать арбитражным учреждениям².

¹ Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/?ysclid=lxxaomrr12878898398 (дата обращения: 26.02.2024).

² Перечень функций, осуществляемых арбитражными учреждениями, указан в ст. 36 Рекомендаций в помощь арбитражным учреждениям и другим заинтересованным органам в отношении арбитражных операций согласно Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ (1976) // Комиссия ООН по праву

Вероятнее всего, поэтому действующие законы предусматривают такую разновидность процедуры *ad hoc*, как администрирование споров постоянно действующими арбитражными учреждениями (ст. 2 Закона об арбитраже, ст. 2 Закона о международном коммерческом арбитраже) 1.

На первый взгляд, указанный список не представляет особой сложности для любого практикующего юриста со стажем. Однако отсутствие именно практического опыта и готовности администрирования арбитража в ситуации, если арбитр должен сфокусироваться на функции арбитраживания, порой может привести к фактическому затягиванию процесса, а также к недобросовестным попыткам сторон разбирательств использовать складывающуюся ситуацию в односторонних целях.

Именно из этих соображений страны – участницы ЮНСИТРАЛ еще в 1976 г. разработали Арбитражный регламент, представляющий собой универсальный рекомендательный регулятор, который позволяет восполнить проработку сторонами громоздкой арбитражной оговорки для арбитража *ad hoc* (восполнить возможный процессуальный пробел согласования арбитражной оговорки). Регламент позволяет сторонам и сэкономить время, необходимое для проработки всех деталей арбитражной процедуры, что определяет его эффективное и удобное использование при арбитраже *ad hoc* в первую очередь.

Генеральной Ассамблеей ООН при принятии Резолюции от 15 декабря 1976 г. № 31/98, утвердившей указанный Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ, неслучайно закреплена следующая преамбула относительно арбитража *ad hoc*: «Генеральная Ассамблея, признавая ценность арбитража как

международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/explanatorytexts/recommendations/arbitration_rules_interested_bodies (дата обращения: 26.02.2024).

¹ О международном коммерческом арбитраже: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/doc/5338/?ysclid=lxxabbw3m072223306> (дата обращения: 26.02.2024); Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191301/?ysclid=lxxaomrr12878898398 (дата обращения: 26.02.2024).

метода урегулирования споров, возникающих в контексте международных торговых отношений, будучи убеждена, что разработка регламента для арбитража ad hoc, который был бы приемлем для стран с различными правовыми, социальными и экономическими системами, является значительным вкладом в развитие гармоничных международных экономических отношений»¹.

Неслучайным видится и то, что в Рекомендациях ЮНСИТРАЛ в помощь арбитражным учреждениям и другим заинтересованным органам в отношении арбитражных операций речь идет и о том, что «Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ стал хорошо известен и широко используется во всем мире не только в случае арбитража ad hoc»². Другими словами, Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ позволяет спорящим сторонам восполнить пробел процессуального регулирования и необходимость длительной разработки отдельной процедуры (регламента) в любой ситуации. При этом Арбитражный регламент применяется не только в отношении арбитража ad hoc, но и в любом случае, если арбитраж не администрируется арбитражным учреждением (институцией).

Как известно, Нью-Йоркская конвенция и Закон о международном коммерческом арбитраже, Закон об арбитраже содержат преимущественно процессуальные основания для отказа в приведении в исполнение арбитражного решения либо для его отмены (ст. 5 Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений; ст. 34, 36 Закона о международном коммерческом арбитраже)³.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1976 г. № 31/98 по принятию Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

² Рекомендации в помощь арбитражным учреждениям и другим заинтересованным органам в отношении арбитражных операций согласно Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ (1976) // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/explanatorytexts/recommendations/arbitration_rules_interested_bodies (дата обращения: 26.02.2024).

³ Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Комиссия

Большинство из них – именно процессуальные основания, то есть относящиеся к функциям администрирования, а не арбитражного. Следовательно, арбитр ad hoc (коллегия арбитров) находится в особенно уязвимом положении относительно исполнимости вынесенного арбитражного решения, что требует от него особой внимательности не только при разрешении спора (арбитражном), но и при осуществлении процедуры администрирования.

Полагаем, что указанные аспекты не должны влечь за собой сомнений опытных контрагентов относительно эффективности процедуры международного коммерческого арбитража ad hoc и его перспективности для разрешения внешнеэкономических споров. Рассмотрим не вполне очевидные ситуации, с которыми могут столкнуться и стороны, и арбитр.

Действительно, арбитр ad hoc (коллегия арбитров) при разрешении спора может столкнуться с пробелами регулирования процедуры, которые существуют объективно. Уместно говорить не о пробелах регулирования или об отсутствии регулирования процедуры международного коммерческого арбитража ad hoc: отсутствие императивной процедуры для арбитража ad hoc является его закономерным преимуществом. Этим и руководствовались разработчики Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ в 1976 г., а также при его обновлении в 2010 и 2013 гг.

Безусловно, стороны, выбирающие арбитраж по взаимному желанию, настроены на более удобную процедуру – международный коммерческий арбитраж ad hoc. Они выбирают процедуру, которая является, как указано выше, более простой, более гибкой, более конфиденциальной, более доверительной, более фидуциарной (как между непосредственно сторонами, так и между сторонами и арбитрами).

ООН по праву международной торговли. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 26.02.2024); О международном коммерческом арбитраже: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/doc/5338/?ysclid=lxhabbw3m0722223306> (дата обращения: 26.02.2024).

Другой будет ситуация, если предложение о процедуре разрешения споров путем арбитража ad hoc навязывает одна из сторон (сильная, как, например, банк, крупная корпорация, изготовитель-монополист и т. п.) в конкретных обязательствах. Указанное само по себе чревато последствиями использования сильной стороной договорных отношений¹ процедуры международного коммерческого арбитража ad hoc в интересах отдельной стороны.

Вместе с тем приведенное положение эквивалентно и ситуации навязывания сильной стороной институционального арбитража слабой стороне для последующего использования своего опыта по разрешению споров путем арбитража, то есть субъективного процессуального преимущества. Выбор арбитража ad hoc с учетом критерия добросовестности не должен порождать собой более длительное согласование правил арбитража, более длительную процедуру арбитража, выбора арбитра, арбитров, затягивания процедуры одной из сторон. По умолчанию презюмируется, что процедура международного коммерческого арбитража ad hoc должна проходить с учетом взаимного уважения и сотрудничества, должна быть в чем-то схожей с процедурой медиации, итогом которой, однако, будет вынесение арбитражного решения. Данная презумпция вытекает из факта уровня договороспособности сторон, которые согласны были заключить арбитражную оговорку для передачи споров в международный коммерческий арбитраж ad hoc.

Отдельная проблематика, выходящая за границы настоящей публикации, связана с вопросами определения размера арбитражного сбора и его оплаты, который в случае администрирования со стороны арбитражного учреждения может представлять собой дополнительный тест на соблюдение арбитром критериев беспристрастности и независимости. С этим переключаются и такие вопросы, как целесообразность открытия арбитром отдельного банковского счета (для состава арбитров –

¹ Например, п. 2.20 Принципов – неожиданное условие, 3.10 – существенное неравновесие. См.: Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).

одного или нескольких) для указанных транзакций, а также электронной почты – во избежание нарушения конфиденциальности и попыток компрометирования.

Все перечисленные вызовы в отношении реализации процедуры арбитража *ad hoc*, несомненно, не являются основанием для отказа от нее, равно как и основанием для предпочтения институционального арбитража. Значительный уровень компетенции позволяет более опытному арбитру как администрировать спор, так и использовать ранее имеющиеся наработки проведенных арбитражных разбирательств, преодолевать тактики по затягиванию процесса недобросовестной стороной, отработанные многократно ранее.

Итак, спорящие стороны на стадии согласования арбитражной оговорки должны четко определить для себя вариант процедуры и способ ее регулирования¹, который целесообразно предусмотреть на начальной стадии, что позволит впоследствии избежать попыток типичных процессуальных злоупотреблений любой из сторон. По сути, квинтэссенция проблематики настоящего исследования сводится отчасти к предпосылкам разработки Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ в 1976 г. Однако путем анализа судебной (арбитражной) практики проблематично установить, насколько часто Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ применяется спорящими сторонами, например в Российской Федерации (РФ)².

Данное положение можно интерпретировать несколькими путями. Первый свидетельствует о том, что арбитраж *ad hoc* в самом лучшем развитии его процедуры завершается не просто вынесением арбитражного решения, но его добровольным исполнением проигравшей стороной, без нарушения принципа конфиденциальности на стадии исполнения. И этому есть логичное обоснование. Репутационные приоритеты, экономия

¹ Например, путем выбора Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ. См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1976 г. № 31/98 по принятию Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения: 02.03.2024).

² См., напр.: Банк решений арбитражных судов. URL: <http://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 02.03.2024).

времени на последующие исполнительные процедуры, доверие сторон друг к другу и арбитру, вынесенному им решению, готовность договариваться и др. – все это предпосылки выбора сторонами именно такой процедуры арбитража (ad hoc).

Не исключен и другой сценарий, при котором стороны арбитража ad hoc считают более предпочтительным заключить мировое соглашение в ходе арбитражного разбирательства. Это также переключается с правовой природой международного коммерческого арбитража ad hoc – исторической предтечи современного международного арбитража¹.

Выбор международного коммерческого арбитража ad hoc обладает успехом для всех участников (включая состав арбитража) в том случае, если осуществляется сторонами осознанно, с опорой на приобретенный ими эмпирический (арбитражный) опыт, в условиях отсутствия заблуждения или его навязывания сильной стороной правоотношений в угоду односторонних интересов (так называемый псевдоарбитраж ad hoc²). В иных случаях арбитраж ad hoc может стать процессуальным испытанием при разрешении спора для всех лиц, участвующих в деле, включая и арбитра (коллегию арбитров).

Арбитр ad hoc (состав арбитров), другими словами, должен успешно сочетать функции арбитра и администратора, то есть функции, традиционно выполняемые арбитражным учреждением. Арбитр должен обеспечить баланс между профессиональными компетенциями в арбитражировании, имеющимся опытом и соблюдением действительной воли спорящих сторон и применимого права места арбитража. В ином случае – предложить сторонам выбрать такую разновидность процедуры ad hoc, при которой администрирование будет осуществляться арбитражным учреждением. Анализ сайтов наиболее популярных арбитражных учреждений (практически

¹ Костицын А. В., Бормотов А. В. Арбитраж ad hoc. Руководство по применению. Версия 2.017: монография. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. С. 9–10 // IPR SMART: цифровой образовательный ресурс. URL: <https://www.iprbookshop.ru/75878.html> (дата обращения: 29.02.2024).

² Костицын А.В., Бормотов А.В. Псевдоарбитражи ad hoc // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. N2. С.107-115 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35375900> (дата обращения: 29.02.2024).

любого арбитражного учреждения¹, включая даже такие консервативные, как CIETAC²) позволяет заключить, что об указанных услугах как минимум заявляют как о возможных при обращении заинтересованных лиц³.

Авторитетные арбитражные учреждения традиционно предлагают услуги по администрированию споров арбитражам ad hoc, однако делают это в основном декларативно. Не является секретом то обстоятельство, что чаще всего арбитражные учреждения либо относятся к арбитражу ad hoc как к обезличенному конкуренту, либо всячески пытаются его нивелировать⁴. Полагаем, что указанным обусловлено нивелирование арбитражными учреждениями популяризации данной процедуры по вышеизложенным и иным соображениям, включая экономические, в условиях отсутствия единой институции, осуществляющей популяризацию арбитража ad hoc.

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы: обобщенный авторский опыт арбитражирования в формате ad hoc арбитража, анализ и обобщение эмпирического опыта других представителей российского арбитражного сообщества⁵, обозначенные в ходе

¹ SCC Ad hoc Platform. URL: https://sccarbitrationinstitute.se/sites/default/files/2023-05/scc_ad_hoc_platform_guidelines.pdf (дата обращения: 26.02.2024); HKIAC Authentication Services. URL: <https://www.hkiac.org/our-services/support-services/authentication-services> (дата обращения: 26.02.2024); Arbitration rules (DIAC) Dubai International Arbitration Centre. URL: <https://www.diac.com/en/ad-services/arbitration/rules/> (дата обращения: 01.02.2024); Arbitration rules (SIAC) Singapore International Arbitration Centre. URL: <https://siac.org.sg/ad-hoc-appointment-services> (дата обращения: 01.02.2024).

² CIETAC Arbitration Rules. URL: <http://www.cietac.org/Uploads/202312/2024%20Arbitration%20Rules-EN.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

³ ICC Dispute Resolution Services – Appointing Authority. URL: <https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/appointing-authority> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴ SCC 2023 Analytics: “Ad hoc vs. Institutional Arbitration in Construction Disputes” // SCC Arbitration Institute. February 10, 2023. URL: <https://sccarbitrationinstitute.se/en/news-events/news/scc-2023-analytics-ad-hoc-vs-institutional-arbitration-construction-disputes> (дата обращения: 26.02.2024).

⁵ Арбитраж в центре внимания: конф. (Москва, 10 октября 2023 г.) // Российский институт современного арбитража. URL: <https://modernarbitration.ru/ru/conference-arbitration-in-the-spotlight/program>

проведенных конференций¹, позволяют утверждать, что процедура арбитража ad hoc может быть максимально простой и гибкой, не представляющей особых сложностей как для арбитра (арбитров) ad hoc, так и для всех ее участников. Особенно в случае их взаимного сотрудничества и заинтересованности в скорейшем разрешении спора. Однако сложнопрогнозируемой и рискованной в случае необдуманного выбора для разрешения спора международного коммерческого арбитража ad hoc либо в случае согласования сторонами для этой процедуры арбитра без существенного опыта как арбитражирования, так и администрирования.

Именно поэтому наличие высокого уровня доверительных отношений спорящих сторон, заботящихся о своей репутации, в сочетании с опытом арбитра в администрировании и арбитражировании, гибким подходом арбитра (арбитров), готовностью его процессуального взаимодействия со спорящими сторонами (без нарушения пределов беспристрастности и независимости) является ключом для успеха процедуры арбитража ad hoc, позволяющим исключить возможные попытки отмены арбитражного решения либо препятствия его принудительного исполнения.

Библиографический список

1. Арбитраж в центре внимания: конф. (Москва, 10 октября 2023 г.) // Российский институт современного арбитража. URL: <https://modernarbitration.ru/ru/conference-arbitration-in-the-spotlight/program> (дата обращения: 04.12.2023).

(дата обращения: 04.12.2023); RUSSIAN ADR DAY: форсайт-сессия в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» / Российский день разрешения споров: конф. (Москва, 9 ноября 2023 г.) // Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). URL: <https://www.msai.ru/events/forsayt-sessiya-russian-adr-day/?ysclid=lpvb09hy4l255916138> (дата обращения: 01.12.2023).

¹ Например, материалы международных арбитражных конференций. См.: Ad hoc arbitration forum 2019, Ad hoc arbitration forum 2020, Ad hoc arbitration forum 2023 // Ad hoc arbitration forum. URL: <https://www.adhoc-arbitrationforum.ru/> (дата обращения: 29.02.2024).

2. Коломиец А. И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. техн. наук. М., 2018. 227 с.

3. Костицын А. В., Бормотов А. В. Арбитраж ad hoc. Руководство по применению. Версия 2.017: монография. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 89 с. // IPR SMART: цифровой образовательный ресурс. URL: <https://www.iprbookshop.ru/75878.html> (дата обращения: 01.02.2024).

4. Материалы международных арбитражных конференций // Ad hoc arbitration forum 2019–2023. URL: <https://www.adhocarbitrationforum.ru> (дата обращения: 01.12.2023).

5. Минаков А. И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юридическая литература, 1985. 144 с.

6. Новиков Е. Ю. Правовая природа третейского разбирательства // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. Т. 2. 2002–2003 / под ред. В. В. Яркова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 307–321.

7. Полссон Я. Идея арбитража / пер. с англ., под ред. Н. А. Бабаджаняна. М.: Российский институт современного арбитража, 2021. 528 с.

8. Рожкова М. А., Елисеев Н. Г., Скворцов О. Ю. Соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 523 с.

9. Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. 691 с.

10. Brachet P. De l'exécution Internationale des sentences arbitrales. Paris: Rousseau et Cie, 1928. 234 p.

11. Arbitration Rules (CIETAC) China international economic and trade arbitration commission. URL: <http://www.cietac.org/Uploads/202312/2024%20Arbitration%20Rules-EN.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

12. Arbitration Rules (DIAC) Dubai International Arbitration Centre. URL: <https://www.diac.com/en/adr-services/arbitration/rules/> (дата обращения: 01.02.2024).

Д. Д. Костышина

аспирант Юридического института Севастопольского
государственного университета
Россия, г. Севастополь
danellakostyshina@yandex.ru

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**THE INTERSTATE INTEGRATION AS A FACTOR OF
INFLUENCE ON THE REGULATION OF PRIVATE RELATIONS:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

Статья посвящена раскрытию современных теоретико-методологических аспектов нормативного, функционального и институционального воздействия межгосударственной интеграции на регулирование частных отношений. При этом частноправовые отношения рассмотрены как комплексный феномен, охватывающий и внутригосударственные, и осложненные иностранным элементом взаимодействия частных лиц, основанные на диспозитивном методе правового регулирования. Сформулированы авторские выводы обобщающего характера, направленные на формирование современного понимания места и роли интеграционных процессов в развитии частноправового регулирования в рамках национальных правовых систем различных государств. Разграничено содержание понятия «унификация частноправового регулирования» в международно-правовом и интеграционном измерении. Охарактеризованы формы конвергенции частноправового регулирования в условиях интеграционных процессов, показаны общие и отличительные черты унификации, гармонизации, сближения правовых систем, принятия модельных законов.

Ключевые слова: межгосударственная интеграция, частные отношения, унификация, гармонизация, международное частное право, международные договоры, экономическая интеграция, интеграционные процессы.

The article is devoted to the disclosure of modern theoretical and methodological aspects of normative, functional and institutional impact of interstate integration on the regulation of private relations. At the same time, private legal relations are considered as a complex phenomenon, covering both domestic and foreign-complicated interactions of private persons, based on the dispositive method of legal regulation. The author's conclusions of

generalising nature aimed at forming a modern understanding of the place and role of integration processes in the development of private legal regulation within the national legal systems of different states are formulated. The content of the concept of "unification of private legal regulation" in the international legal and integration dimension is differentiated. The article describes the forms of convergence of private legal regulation in the conditions of integration processes, shows the common and distinctive features of unification, harmonisation, convergence of legal systems, adoption of model laws.

Keywords: interstate integration, private relations, unification, harmonisation, private international law, international treaties, economic integration, integration processes.

Современное правовое регулирование общественных отношений, включая его частноправовую составляющую, как никогда ранее, находится под постоянным влиянием комплекса объективных и субъективных факторов. Среди них – разнообразные по своей природе явления, события, процессы.

Именно в современном мире при попытке проанализировать тенденции правового регулирования частноправовых отношений можно обнаружить существенное воздействие публичных факторов, как правовых, экономико-правовых, политико-правовых, так и политических, предопределяющих направления формирования принципиальных возможностей и практических особенностей применения в тех или иных случаях иностранного частноправового законодательства, признания и исполнения решений зарубежных судов и международных коммерческих арбитражей, формулирования и восприятия новых коллизионных норм, а в итоге влияние и на общий вектор унификации норм международного частного права в ряде регионов и в мире в целом (в последнем случае понятие «межгосударственная интеграция» естественным образом пересекается с категорией «правовая глобализация»).

Вместе с тем нужно понимать, что выделение межгосударственной интеграции в качестве самостоятельной функции государства – относительно новое явление правовой реальности. Тем более новым и во многом малоизученным феноменом представляется взаимодействие публичного и частного права, логично и неизбежно происходящее при реализации государством своей интеграционной функции. Такая

ситуация объясняется ежедневным возникновением огромного количества частноправовых отношений с иностранным элементом, которое многократно возрастает в прямой корреляции с глубиной участия конкретного государства в интеграционных объединениях, а также в зависимости от того обстоятельства, перешла ли экономическая и политическая интеграция на уровень правовой интеграции, под которым понимается принятие общими институтами нормативных правовых актов прямого действия, обязательных для участников соответствующих интеграционных процессов.

Наконец, как нам представляется, любое принятие и последующая ратификация международного договора, содержащего унифицированные нормы, относящиеся к регулированию частноправовых отношений, также целесообразно считать формой межгосударственной интеграции, непосредственно воздействующей на содержание и форму реализации частноправовых интересов в отношениях, осложненных наличием иностранного элемента. Анализируя внутреннее содержание и онтологический смысл сложной, комбинированной категории «интеграция», необходимо указать, что данное понятие исследовано не только при помощи методологии юриспруденции (в юридических науках интеграционные процессы изучены даже относительно в меньшей степени), но и прежде всего политологами и экономистами. Это в совокупности с фактическим наполнением предопределило развитие двух главных подходов к интеграции: экономического и политического.

Полагаем, в контексте влияния на регулирование частных отношений (материально-правовое, процессуальное и коллизионное) первоочередное значение имеет экономическая сторона интеграции, поскольку многие экономические отношения, направленные на реализацию определенных потребностей и получение прибыли, реализуются именно в частноправовом формате с соответствующим субъектным составом, включающим в себя контрагентов, то есть резидентов тех или иных государств, участвующих в межгосударственных интеграционных процессах. Различие между выделенными подходами, как пишет А. А. Ананьев, состоит в том, что, по мнению представителей различных научных школ, в одном случае интеграция представляет собой экономический процесс, за которым следует экономический, а в другом – соответственно,

политический, за которым следует экономическая трансформация норм и институтов¹. В зарубежной литературе аналогичную классификацию доктринальных взглядов на природу межгосударственной интеграции предлагал Б. Баласса².

На наш взгляд, как показывает практика, в большинстве случаев экономическая интеграция все-таки первична. Это проявляется и в исторической ретроспективе (наиболее длительную историю среди интеграционных объединений имеют таможенные союзы, что свидетельствует об устойчивом стремлении государств и их резидентов к расширению свободы торговли, ожидаемым результатом которого, как логично предположить, служит увеличение прибыли частных лиц и наполнение доходной части государственного бюджета), и в современных интеграционных процессах (акты прямого действия в современных интеграционных объединениях связаны прежде всего с экономическими вопросами, включая торговые и таможенные).

Например, еще в 1828 г. образован таможенный союз Баварии и Вюртемберга. Затем подобные структуры появлялись еще в нескольких немецких регионах, а в 1834 г. в Пруссии создано многостороннее межгосударственное объединение, в которое вошли 18 государств – членов Германского союза³. По сравнению с двухсторонней интеграцией, многосторонние формы, безусловно, представляют собой уже качественно другой уровень, на фоне которого, в свою очередь, происходит многосторонняя унификация частноправового регулирования, представляющая собой более сложный феномен, требующий согласования суверенных волеизъявлений большего количества субъектов международного права.

Экономическая интеграция стала первоосновой создания и абсолютного большинства современных интеграционных

¹ Ананьев А. А. О теоретических основах международной экономической интеграции: сравнение российской и иностранной версий // Проблемы современной экономики. 2020. № 4. С. 60.

² Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961. P. 3.

³ Фролов А. С. Процесс формирования Германского таможенного союза и его роль в истории Германии первой половины XIX века // Известия Российского государственного университета имени А.И. Герцена. 2007. № 16. С. 291.

объединений, включая Европейский союз (ЕС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Общий рынок стран Южной Америки (Меркосур), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) и др. При этом одни интеграционные объединения ограничиваются в основном экономической интеграцией (НАФТА), другие – переходят впоследствии и к определенным формам политической и в результате правовой интеграции (в качестве примера можно привести создание Парламента Меркосур как межпарламентской организации, в компетенцию которой входит и гармонизация внутренних норм, включая частноправовые, к требованиям общего рынка¹).

С правовой точки зрения интеграция может происходить в нескольких институциональных и функциональных формах, определяющих способы двухсторонней и многосторонней унификации норм международного частного права и внутригосударственного частноправового регулирования вообще. Первой из таких форм служит гармонизация законодательства, которая проявляется в том числе и в сфере частноправового регулирования.

О гармонизации можно говорить, например, в рамках Союзного государства России и Белоруссии, поскольку, как справедливо считает П. Н. Бирюков, за время функционирования этого межгосударственного объединения практически гармонизировано гражданское законодательство двух государств в аспекте использования общих терминов, понятий, основ регулирования имущественных и личных неимущественных отношений. Вместе с тем о полной отраслевой унификации гражданского права пока вряд ли можно вести речь, поскольку в российских и белорусских нормах остается целый ряд отличающихся норм. Например, Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ), в отличие от Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК РБ), известно такое понятие, как договор счета эскроу (ст. 860.7 ГК РФ). В то же время в

¹ Кошкуль Д. В. Меркосур: интеграционный компромисс стран Южного конуса // Финансы: теория и практика. 2015. № 3. С. 163.

белорусском гражданском законодательстве быстрее происходило восприятие договора франчайзинга (глава 53 ГК РБ)¹.

В теоретико-методологическом значении под гармонизацией, по классическому определению Ю. А. Тихомирова, следует понимать согласование общих подходов, концепций развития национальных законодательств². В рамках Союзного государства относительно правового регулирования частноправовых отношений, включая гражданские, гражданско-процессуальные, отношения в сфере защиты прав потребителей, отношения на рынке ценных бумаг, происходит именно такой концептуальный процесс, направленный на согласование прежде всего наиболее важных понятий, принципов и подходов, а не на разработку совместного, жестко унифицированного законодательства, особенно в вопросах, которые по определению входят во внутреннюю компетенцию каждого из суверенных государств – участников интеграционного объединения.

Сходной с гармонизацией формой интеграции (или, иными словами, конвергенции права³) является сближение правовых систем, когда в наиболее общем виде определяется совместный стратегический курс развития законодательства. Между тем ряд ученых не видят принципиальной разницы между гармонизацией и сближением правовых систем, указывая на их более общий, абстрактный характер по сравнению с полной унификацией частноправового регулирования.

В свою очередь, унификация является еще одной формой правовой интеграции (конвергенции), которая означает принятие общих правовых норм прямого действия, обычно в форме принятия юридически обязательного акта совместного органа межгосударственного объединения. Примером унификации в

¹ Бирюков П. Н. Гармонизация законодательства России и Беларуси в рамках Союзного государства // Юридический факультет Воронежского государственного университета. URL: <http://www.law.vsu.ru/news/2019/docs/biryukov-2019-12-12.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

² Тихомиров Ю. А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе // Журнал российского права. 1999. № 3. С. 88.

³ Безбородов Ю. С. О международно-правовых формах правовой конвергенции // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 59.

указанном смысле служит Таможенный кодекс ЕврАзЭС от 25 мая 2019 г., который заменил внутреннее таможенное законодательство государств-участников, включая Россию. В контексте влияния на регулирование частноправовых отношений особенность принятия данного документа, как указывают М. Ю. Щерба и П. С. Шевчук, заключается в том, что он «разрабатывался совместно всеми заинтересованными сторонами – государственными органами, представителями бизнес-сообществ и специалистами Евразийской экономической комиссии»¹, то есть при непосредственном участии субъектов частноправовых отношений в сфере внешнеэкономической деятельности. Это позволило учитывать их интересы и сформировать эффективную модель таможенного регулирования, концептуально направленную на защиту прав и законных интересов, прежде всего контрагентов экспортно-импортных операций.

В правовой системе ЕС отдельно можно выделить и совокупность актов прямого действия так называемого вторичного права, которые представляют собой разновидность прямой унификации законодательства государств-участников, относящихся к сферам общей компетенции совместных органов. От приведенных примеров прямой унификации, безусловно, следует отличать классическую международно-правовую унификацию, под которой фактически понимают принятие любого международного договора (двухстороннего либо многостороннего) с его последующей обязательной унификацией при условии соответствия национальной Конституции и основам публичного правопорядка государства в целом.

Такие международные (межгосударственные) договоры представляют собой каркас и «несущую конструкцию» современного международного частного права, как в аспекте коллизионного регулирования, так и в некоторых случаях материально-правового. Например, важнейшее значение для договорного регулирования внешнеэкономических договоров поставки на современном этапе имеет Конвенция ООН о

¹ Щерба М. Ю., Шевчук П. С. Новые подходы к таможенному администрированию в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 4. С. 111.

международной купле-продаже товаров 1980 г., которая, по мнению Е. Е. Веселковой, является не просто очередным многосторонним международным договором, а «моделью компромисса государств, правовые системы которых предусматривают разное правовое регулирование сделок международного характера»¹. Действительно, особенность Конвенции ООН состоит в значительном объеме материально-правового регулирования, поскольку унификация коллизионных норм международного частного права активно стала развиваться еще с 30-х гг. XX в.

Вместе с тем необходимо признать справедливой и позицию С. Н. Лебедева. По его мнению, упомянутая выше Конвенция ООН по определению не может стать неким исчерпывающим сводом правил², так как нормы и система источников международного частного права объективно у каждого государства свои и отличающиеся друг от друга. Поэтому о полной унификации и в данном случае вряд ли целесообразно говорить, тем более что ряд государств воспользовался возможностью сделать оговорки к этой Конвенции, и далеко не все государства ее подписали и/или ратифицировали (в настоящее время – всего 93 государства). Кроме того, применение Конвенции ограничено договорами между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся на территории договаривающихся государств, или случаями, в которых применимым является право одного из договаривающихся государств (ст. 1), то есть не затрагивает внутригосударственное частноправовое регулирование, априори рассматриваемое в международном праве как сфера, входящая во внутреннюю законодательную компетенцию суверенных государств.

Кроме того, если говорить о регулировании частноправовых отношений с иностранным элементом, необходимо указать, что даже модели расположения коллизионных норм международного

¹ Веселкова Е. Е. Международно-правовое регулирование внешнеэкономических сделок // Адвокат. 2014. № 5. С. 46.

² Лебедев С. Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений (некоторые общие вопросы) // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО / ред. С. Н. Лебедев, В. А. Кабатов, Р. Л. Нарышкина. М., 1979. С. 24.

частного права в национальном законодательстве различных государств значительно отличаются между собой. Вследствие этого полная, «жесткая» унификация частноправового регулирования вряд ли возможна не только в универсальном, но и в региональном масштабе. Очевидно, в этом нет практической необходимости (в отличие от гармонизации общих концептуальных подходов, от проведения которой напрямую зависит эффективность процесса межгосударственной интеграции в рамках того или иного институционального объединения).

В целом XX век стало эпохой унификации частноправового регулирования отношений с иностранным элементом. Это следует связать в том числе с активным развитием и деятельностью международных организаций, как универсальных (прежде всего ООН), так и большого количества региональных, в основном созданных именно для гармонизации и унификации сотрудничества по экономическим вопросам, в рамках которых зачастую реализуются частноправовые интересы контрагентов из соответствующих государств. В этом контексте отдельно необходимо обратить внимание на роль Международного института унификации частного права (УНИДРУА), имеющего статус межправительственной организации специальной компетенции, участником которой является и Россия. Среди документов, разработанных и принятых этой организацией, особое значение в обеспечении процесса унификации международного частного права имеют Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), применяемые для толкования и восполнения пробелов в унифицированных международных договорах частноправового содержания.

Одной из наиболее востребованных сфер применения данных принципов, как справедливо пишет М. А. Кискачи, является международный коммерческий арбитраж¹. Это

¹ Кискачи М. А. Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2. С. 53. URL: <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%BA>

детерминируется прежде всего тем обстоятельством, что международные коммерческие арбитражи не связаны национальными коллизионными нормами, то есть применяют как раз унифицированные источники регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом.

Наконец, еще одной формой конвергенции частноправового регулирования в рамках интеграционных объединений выступает принятие модельных (типовых) законов, что также является близким к гармонизации и сближению правовых систем, но предполагает принятие конкретных типовых правовых норм, а не только общих принципов, понятий и подходов, которые вместе с тем могут свободно коррелироваться на внутрисударственном уровне либо не имплементироваться в национальное законодательство. Иными словами, речь идет о законодательном акте рекомендательного характера, напрямую не порождающем юридических обязательств для участников и их контрагентов (так называемое мягкое право).

Примером реализации указанной формы конвергенции в частноправовой плоскости служит распространенное принятие подобных актов в рамках СНГ, а также Союзного государства России и Белоруссии. В частности, актом подобного характера можно считать Модельные законы СНГ «Об инвестиционно-доверительной банковской деятельности», «Об обязательствах вследствие неосновательного обогащения и действий в чужом интересе без поручения», «О способах обеспечения исполнения обязательств» и многие другие.

По обоснованному мнению И. В. Малышевой, модельный закон является не только международно-правовым инструментом, но еще и эффективным способом внутрисударственной унификации законодательства субъектов РФ¹. На наш взгляд, модельные (типовые) законы, скорее, представляют собой форму гармонизации, а не унификации законодательства, поскольку не предполагают обязательного

%D0%B0%D1%87%D0%B8%20%D0%9C.%D0%90..pdf (дата обращения: 27.03.2024).

¹ Малышева И. В. Модельный закон как средство унификации систем законодательства субъектов Российской Федерации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3. С. 110.

приведения нормативных правовых актов в единообразное соответствие, а выражают рекомендацию, которая в дальнейшем может быть добровольно воспринята всеми либо некоторыми участниками определенного интеграционного процесса.

В целом, обобщая результаты проведенного исследования теоретико-методологических аспектов межгосударственной интеграции как фактора воздействия на регулирование частноправовых отношений, можно прийти к следующим важнейшим выводам: а) в основе институционализации межгосударственных интеграционных объединений, как правило, находится экономическая интеграция, что предопределяет широкий диапазон воздействия интеграционных процессов на содержание внутригосударственного регулирования частноправовых отношений, включая осложненные иностранным элементом; б) можно выделить такие формы конвергенции регулирования частноправовых отношений в рамках межгосударственной интеграции, как сближение правовых систем, гармонизация, принятие модельных (типовых) законов и унификация; в) от унификации в рамках интеграционных объединений, имеющей признаки наднациональности, следует отличать классическую международно-правовую унификацию как процесс разработки, принятия и ратификации двухсторонних и многосторонних международных договоров по вопросам международного частного права, включающих в себя коллизионные, материально-правовые и процессуальные нормы; г) процессы интеграционной конвергенции направлены на унификацию регулирования внутригосударственных частноправовых отношений, в то время как международно-правовая унификация охватывает частноправовые отношения с иностранным элементом.

Библиографический список

1. Ананьев А. А. О теоретических основах международной экономической интеграции: сравнение российской и иностранной версий // Проблемы современной экономики. 2020. № 4. С. 60–64.

2. Безбородов Ю. С. О международно-правовых формах правовой конвергенции // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 57–61.

3. Бирюков П. Н. Гармонизация законодательства России и Беларуси в рамках Союзного государства // Юридический факультет Воронежского государственного университета. URL: <http://www.law.vsu.ru/news/2019/docs/biryukov-2019-12-12.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

4. Веселкова Е. Е. Международно-правовое регулирование внешнеэкономических сделок. Адвокат. 2014. № 5. С. 46–51.

5. Кискачи М. А. Использование Принципов УНИДРУА в международном коммерческом арбитраже в отсутствие соглашения сторон об их применении // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 2. С. 52–60.

URL: <https://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%9A%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B8%20%D0%9C.%D0%90..pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

6. Кошкуль Д. В. Меркосур: интеграционный компромисс стран Южного конуса // Финансы: теория и практика. 2015. № 3. С. 161–168.

7. Лебедев С. Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений (некоторые общие вопросы) // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей. Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО / ред. С. Н. Лебедев, В. А. Кабатов, Р. Л. Нарышкина. М., 1979. С. 15–43.

8. Малышева И. В. Модельный закон как средство унификации систем законодательства субъектов Российской Федерации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3. С. 109–114.

9. Тихомиров Ю. А. Реализация международно-правовых актов в российской правовой системе // Журнал российского права. 1999. № 3. С. 87–94.

10. Фролов А. С. Процесс формирования Германского таможенного союза и его роль в истории Германии первой половины XIX века // Известия Российского государственного университета имени А. И. Герцена. 2007. № 16. С. 290–295.

11. Щерба М. Ю., Шевчук П. С. Новые подходы к таможенному администрированию в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Управление инвестициями и инновациями. 2016. № 4. С. 111–116.

12. Balassa V. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1961. 304 p..

А. И. Папин

аспирант

Саратовской государственной юридической академии

Россия, г. Саратов

saniapapin@yandex.ru

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

THE PERSONAL DIGNITY OF THE PERSON AS AN OBJECT OF SUBJECTIVE RIGHT

В статье рассмотрены особенности права человека и гражданина на честь и достоинство, отражающие его сущность как одного из прав человека и как личного неимущественного права. Понятие достоинства включает в себя объективный и субъективный аспекты. Государство закрепляет эти аспекты через субъективное право. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что на протяжении нескольких десятилетий исследований, проводимых в сфере взаимоотношений человека и государства, сохраняются проблемы в этой области права, и обусловлена недостаточной научной разработанностью ряда вопросов о правовой природе чести и достоинства, особенностях их защиты. Методологическую основу статьи составили идеи и мнения ученых отечественной научной мысли в области конституционного права. Изучение данной темы позволяет углубить понимание роли достоинства личности в правовой системе и обществе в целом. Дальнейшее исследование в контексте темы может привести к разработке более эффективных механизмов защиты достоинства личности и повышению осведомленности общества о таком важном аспекте правовой культуры. Автор приходит к выводу о том, что субъективное право на достоинство оценивает уровень активности и морального развития личности, ее самостоятельности и свободы, гарантированных государством. По своей сути оно отличается от других прав и свобод тем, что в большей мере опирается на моральные аспекты отношений между людьми. Обеспечение этого права является общепризнанной моральной и правовой ценностью.

Ключевые слова: достоинство, честь, право, Конституция РФ, личность, субъективное право, свобода, государство.

The article considers the features of the human and citizen's right to honour and dignity, reflecting its essence as one of the human rights and as a personal non-property right. The concept of dignity includes

objective and subjective aspects. The state enshrines these aspects through a subjective right. The relevance of the present study lies in the fact that for several decades of research conducted in the sphere of relations between a person and the state, there are still problems in this area of law, and is due to the lack of scientific development of a number of issues on the legal nature of honour and dignity, the peculiarities of their protection. The methodological basis of the article was formed by the ideas and opinions of scientists of domestic scientific thought in the field of constitutional law. The study of this topic allows to deepen the understanding of the role of personal dignity in the legal system and society as a whole. Further research in the context of the topic can lead to the development of more effective mechanisms for the protection of personal dignity and increase public awareness of such an important aspect of legal culture. The author concludes that the subjective right to dignity assesses the level of activity and moral development of the individual, his autonomy and freedom guaranteed by the state. In its essence, it differs from other rights and freedoms in that it is based to a greater extent on moral aspects of relations between people. Ensuring this right is a universally recognised moral and legal value.

Keywords: dignity, honour, right, Constitution of the Russian Federation, personality, subjective right, freedom, state.

Право на человеческое достоинство доминирует не только в отдельных правозащитных группах, но и в системе прав и свобод человека и гражданина. Данное право можно рассматривать как:

1. Право на человеческое достоинство – неотъемлемая часть конституционного принципа и основа правового статуса личности.

2. Личное достоинство – самостоятельный элемент правосубъектности. Это определяет оценку общества и самооценку человеком своих моральных и интеллектуальных качеств.

Актуальность исследования обусловлена рядом существенных факторов, включая недостаточную научную разработанность правовой природы чести и достоинства, а также механизма их защиты. Вокруг этих вопросов не прекращаются дискуссии среди правоведов. Традиционно честь и достоинство рассматривают как нравственные категории, однако их правовая интерпретация вызывает споры. В частности, существует два основных подхода к определению правового содержания чести и достоинства:

1. Субъективное право. Согласно этому подходу, честь и достоинство являются субъективными правами личности, гарантированными Конституцией Российской Федерации (РФ) и защищаемыми законом. Это право неотчуждаемо, не может быть ограничено без законных оснований и принадлежит конкретному субъекту, то есть человеку и гражданину.

2. Правовое состояние. Данный подход рассматривает честь и достоинство как правовые состояния, которые характеризуют положение человека в обществе.

Интерпретация понятий чести и достоинства видится сложной задачей вследствие того, что они имеют множество аспектов и глубокое внутреннее содержание. Ученый, правовед В. Н. Барсукова пишет о том, что понятие достоинства включает в себя объективные и субъективные аспекты. Объективный аспект связан с признанием уникальности каждой личности, в то время как субъективный аспект касается внутреннего чувства моральной ценности¹. Объективная составляющая достоинства включает в себя идею человеческого достоинства, неизменного и неотъемлемого для каждого индивида, а также личного достоинства, связанного с самооценкой и уважением к себе. Кроме того, достоинство человека может быть определено его принадлежностью к той или иной социальной группе. Это означает, что каждый человек имеет право на уважение и признание своей уникальности и важности в обществе. Однако понятия чести и достоинства несут в себе еще больше значений и подразумевают множество аспектов. Они связаны с моральными нормами, этическими принципами и поведением, которые определены обществом. Честь и достоинство часто ассоциируются с честностью, нравственностью и справедливостью.

Достоинство человека – неотъемлемое достояние, присущее каждому человеку независимо от его индивидуальных характеристик или положения в обществе. Оно включает в себя объективные и субъективные компоненты.

Описание объективного компонента:

¹ Барсукова В. Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 23.

– человеческое достоинство является врожденным, всеобщим и неущемляемым. Его следует уважать и защищать как основу всех прав человека;

– личное достоинство развивается в течение всей жизни, и оно может быть укреплено или ослаблено посредством взаимодействия с окружающим миром. Уважение личного достоинства других людей имеет первостепенное значение для создания гармоничного и уважительного общества;

– достоинство человека как представителя социальной группы отражает важность признания и уважения разнообразия и коллективной идентичности. Достоинство человека должно быть основополагающим принципом всех общественных институтов, включая законы, политику и образовательные системы.

Исследуя природу субъективного права, О. В. Власова относительно достоинства личности пишет о том, что субъективное право проявляется «в автономии субъекта»¹ и выступает гарантом его личных интересов и прав. Неразрывная связь достоинства с жизнью, здоровьем и свободой подразумевает, что никто не имеет права вмешиваться в жизнь человека. Государство закрепляет эти аспекты через особые субъективные права, такие как право на жизнь, здоровье, свободу передвижения и другие, для защиты неприкосновенности достоинства личности.

Существенным признаком потенциала, заложенного в субъективном праве на достоинство, являются обеспеченность и гарантированность этого права со стороны государства. В этом заключается основное отличие правового потенциала от любого другого. В противном случае право на достоинство, предоставленное личности, но не защищенное от нарушения при помощи необходимых юридических средств и способов, остается пустым звуком, лишенным нравственности².

¹ Власова О. В. О нравственно-правовом понимании субъективного права на достоинство личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 80.

² Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права: монография. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. С. 13.

Безусловно, следует согласиться с мнением А. Л. Анисимова, который рассматривает право на честь и достоинство «как особое субъективное право, ибо его сущность заключается в праве каждого гражданина на неприкосновенность его чести и достоинства и в возможности требовать от всех других физических и юридических лиц воздержания от нарушения этого права»¹. На этом основании он считает, что «существование права на честь и достоинство не зависит от того, будет ли оно нарушено. В момент нарушения возникает лишь необходимость защиты этого права, а не само право»². Как утверждает М. Н. Малейна, «позитивное содержание права гражданина на честь, достоинство, деловую репутацию состоит из правомочий по владению, пользованию и изменению чести, достоинства, деловой репутации»³, неимущественные права, личные права обладают определенными характеристиками: их нематериальной природой, особым объектом и персонификацией личности. Это означает, что данные права лишены экономического содержания⁴.

Авторы приведенных точек зрения считают, что право на честь и достоинство имеет положительное значение. Квинтэссенция этого права состоит не в том, чтобы требовать личной почести и уважения, а в том, чтобы отстаивать нераспространение о нем клеветнической информации. Поэтому, как полагает Б. Б. Черепяхин, «негативный характер содержания права на честь и достоинство освобождает от необходимости останавливаться на раскрытии положительного содержания понятий чести и достоинства»⁵.

В основе каждого субъективного права лежит определенный интерес в его существовании. В этой связи В. М. Лебедев пишет о

¹ Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М.: Юристъ, 1994. С. 23.

² Там же.

³ Малейна М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 138.

⁴ Там же.

⁵ Черепяхин Б. Б. Охрана личных прав граждан, не связанных с имущественными правами // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 291.

том, что «главной функцией судебной власти, ее основным предназначением, является защита права»¹.

Конституционное право на защиту заключается в предоставлении гражданам возможности защищать в суде права, свободы и интересы личности, включая честь и достоинство. Субъективные составляющие достоинства личности находятся в коллаборации с ее внутренним миром, убеждениями, мировоззрением и способностью действовать в соответствии с общепринятыми этическими нормами. В данном случае речь идет о том, как человек воспринимает свою индивидуальную моральную ценность и социальную значимость.

Правовая оценка достоинства личности вытекает из разнообразных аспектов этой категории, и его рассматривают как одно из основных конституционных прав, как правовой институт и как конституционный принцип. Оно закреплено в ст. 21 Конституции РФ и представляет собой публично-правовую претензию человека к действиям, предпринимаемым государством в интересах общества, государственно-всеобщий интерес для защиты ценности личности как субъекта взаимоотношений с государством и соответствующие юридические обязательства государства совершать эти действия.

Известный ученый-юрист К. Ф. Егоров утверждает, что субъективные права «являются равными и конкретными с момента наделения лица правоспособностью и также не могут быть поставлены в зависимость от каких-либо критериев, т.е. юридических фактов»². По определению С. Н. Братуся, субъективное право – «это мера возможного поведения данного лица, обеспеченная законом и тем самым соответствующим поведением обязанных лиц»³. Это определение, с дополнениями и разъяснениями, принято многими цивилистами. Дискутируя в контексте данной темы, Ю. К. Толстой считает, что под субъективным правом понимается «способность вызывать

¹ Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: Российская академия правосудия, 2000. С. 29.

² Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 2012. С. 108–109.

³ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 13.

необходимое для удовлетворения интересов управомоченного поведение других лиц»¹.

Субъективная составляющая достоинства – это понимание индивидом своей ценности как личности в целом, конкретного человека и представителя определенной социальной группы². Французский философ Ж. Маритен писал: «Человеческое достоинство – это право на уважение, на признание прав и свобод»³. Осознание своей ценности для общества, выраженное в поведении личности, играет важную роль в уровне признания, которое он получает от окружающих. Если личность осознает свою значимость, это должно вести к соблюдению моральных обязательств перед другими людьми.

Субъективное право предоставляет человеку и гражданину возможность удовлетворять как материальные, так и духовные потребности, то есть пользоваться общественными благами. В современном гражданском праве способы защиты чести и достоинства играют огромную роль в виде опровержения и возмещения морального ущерба, который может быть причинен потерпевшему. Право на честь и достоинство, закрепленное в Конституции РФ, имеет важное значение для всех гражданина, независимо от того, нарушено оно или не нарушено. Предоставляя своим гражданам определенные права, государство в то же время обеспечивает систему гарантий защиты этих прав и обеспечения их законности в России. Оно вступает в силу для предотвращения и устранения нарушений прав, а также для привлечения к ответственности тех, у кого существуют обязательства перед другими. Таким образом, субъективное право на честь и достоинство включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, это право выбирать свое поведение, то есть субъект имеет возможность контролировать свои действия и поступки. Во-вторых, это право пользоваться нематериальными благами, такими как честь и достоинство, которые являются

¹ Толстой Ю. К. Проблема обеспечения субъективных гражданских прав // Вестник АГУ. 2012. № 3. С. 122.

² Барсукова В. Н. Указ. соч. С. 24.

³ Франкл В. Э. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. С. 173.

важными аспектами личности. В-третьих, это право требовать уважения к чести и достоинству со стороны государства, общества и каждого человека. И, наконец, в-четвертых, в случае необходимости мы можем обратиться к мерам государственного принуждения, в том числе и в судебные органы, для защиты чести и достоинства.

Правовые нормы, регулирующие защиту чести и достоинства, являются важнейшей составляющей правовой системы любого демократического государства. Однако в условиях стремительного развития общества и появления новых форм взаимодействия между людьми действующее законодательство зачастую не в полной мере соответствует современным реалиям. Ввиду этого необходимым видится комплексное совершенствование законодательства, направленное на повышение эффективности защиты чести и достоинства:

1. Разработка кодификационного законопроекта. Кодификация законодательства, регулирующего обеспечение и защиту чести и достоинства, позволит систематизировать и унифицировать разрозненные нормативные акты, устранить дублирование и противоречия. Кодификационный законопроект должен содержать исчерпывающий перечень оснований для защиты чести и достоинства, а также механизмы противодействия их нарушению.

2. Совершенствование законодательства о правах и свободах человека. Право на честь и достоинство служит неотъемлемым элементом основных прав и свобод человека. Для его полной реализации государство должно создать условия для достойного существования, обеспечения социальных и экономических прав граждан. В частности, необходимо совершенствовать законодательство о труде, социальном обеспечении, здравоохранении и образовании.

3. Формирование сбалансированных подходов в правоприменительной практике. Суды играют важную роль в защите чести и достоинства, оценивая дискредитирующую информацию, распространяемую в средствах массовой информации. Необходимо, чтобы суды применяли сбалансированный подход, обеспечивая справедливое рассмотрение дел и соблюдение прав и законных интересов всех участников спора.

4. Повышение правовой грамотности граждан. Немаловажное значение имеет повышение правовой грамотности

граждан в сфере защиты чести и достоинства. Люди должны знать свои права и возможности их реализации. Для этого целесообразно проводить информационные и просветительские мероприятия, разрабатывать образовательные программы и учебные материалы, посвященные данной теме.

5. Развитие международного сотрудничества. В контексте развития международных отношений и интеграционных процессов актуальным становится развитие сотрудничества с другими странами в сфере защиты чести и достоинства. Нужно обмениваться опытом, согласовывать подходы и совместно разрабатывать механизмы противодействия международным правонарушениям, затрагивающим честь и достоинство личности.

6. Использование современных технологий. В современных условиях распространение дискредитирующей информации часто происходит через интернет и социальные сети. В связи с этим сегодня необходимо использовать технологии для мониторинга и пресечения подобных нарушений, а также разрабатывать механизмы быстрого реагирования на оскорбительный контент.

Таким образом, совершенствование законодательства о защите чести и достоинства является комплексной задачей, требующей системного подхода с привлечением различных государственных органов, правоприменителей, правоведов и общественных организаций. Реализация указанных направлений позволит повысить эффективность защиты чести и достоинства в современном обществе, создав условия для более справедливой и гармоничной социальной среды.

Библиографический список

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1975. 176 с.
2. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М.: Юристъ, 1994. 88 с.
3. Барсукова В. Н. Честь и достоинство личности: понятие и общая характеристика // Современное право. 2014. № 12. С. 20–26.
4. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 368 с.

5. Власова О. В. О нравственно-правовом понимании субъективного права на достоинство личности // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 79–83.

6. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: Российская академия правосудия, 2000. 368 с.

7. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.

8. Толстой Ю. К. Проблема обеспечения субъективных гражданских прав // Вестник ЛГУ. 2012. № 3. С. 122–134.

9. Франк В. Э. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

10. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права: монография. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. 219 с.

11. Черепяхин Б. Б. Охрана личных прав граждан, не связанных с имущественными правами // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 290–300.

Н. Н. Соколов

аспирант кафедры

«Конституционное и административное право»

Юридического института

Севастопольского государственного университета

Россия, г. Севастополь

conferencemdgu@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ**

**THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF
DEFINING CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC
CIVIL SERVANTS' PERFORMANCE**

Статья посвящена раскрытию современных теоретико-методологических подходов к определению критериев эффективности деятельности государственных служащих в современных условиях административного реформирования государственной гражданской службы. Сделаны авторские теоретико-методологические обобщения, направленные на формулирование комплексного понятия «критерии определения эффективности государственной гражданской службы», раскрыты основные подходы к содержанию таких критериев. Установлено, что при проведении комплексной и всесторонней оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих целесообразно исходить из необходимости достижения диалектического единства реализации социального и юридического механизмов правового регулирования (достижения общественно значимой цели при строгом соблюдении законодательно установленной процедуры и должностного регламента) с учетом требований экономической (бюджетной) эффективности и целесообразности.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, эффективность государственной гражданской службы, государственное управление, публичная власть, методики определения эффективности, административное реформирование, принципы государственного управления, служебная деятельность.

The article is devoted to the disclosure of modern theoretical and methodological approaches to the definition of criteria for the effectiveness of civil servants in modern conditions of administrative reforming of the state

civil service. The author's theoretical and methodological generalisations aimed at formulating a comprehensive concept of "criteria for determining the effectiveness of public civil service" are made, the main approaches to the content of such criteria are disclosed. It has been established that when carrying out a comprehensive and comprehensive assessment of the effectiveness of public civil servants it is advisable to proceed from the need to achieve dialectical unity of the implementation of social and legal mechanisms of legal regulation (achievement of a socially significant goal in strict compliance with the legally established procedure and job description), taking into account the requirements of economic (budgetary) efficiency and expediency.

Keywords: state civil service, efficiency of the state civil service, public administration, public authority, methods of determining efficiency, administrative reforms, principles of public administration, performance.

Актуальность формирования системного подхода к реформированию государственной гражданской службы в современных условиях правового и общественного развития требует всестороннего рассмотрения существующих методик и теоретических концепций, формирующих принципиальную основу определения показателей, демонстрирующих уровень эффективности служебной деятельности. Для этого необходимо прежде всего сформулировать соответствующие критерии.

Качественное решение указанной задачи требует детального анализа действующих российских нормативных правовых актов о государственной гражданской службе, сравнительно-правового исследования зарубежного опыта правового регулирования в данной сфере публично-правовых отношений административного характера, а также проведения обзора основных теоретико-методологических подходов, предлагаемых научным сообществом для решения одной из ключевых практических проблем публичного управления, в частности вопроса о применимых критериях оценки качества и эффективности деятельности государственных гражданских служащих. На уровне федерального законодательства вопросы эффективности деятельности государственных гражданских служащих находят отражение в положениях Федерального закона от 27 июля 2004 г.

№ 79-ФЗ «О государственной гражданской службе»¹. К таким положениям относятся: а) обязательное включение в должностной регламент гражданского служащего показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности (п. 8 ст. 47); б) положение об утверждении обобщенных характеристик эффективности и результативности деятельности государственных органов (п. 14 ст. 50 «Оплата труда гражданского служащего»).

В данном контексте следует указать, что, безусловно, концептуальная основа оценки качества осуществления государственной гражданской службы с теоретико-методологической точки зрения не в последнюю очередь детерминирована содержанием принципов государственного (в более широком смысле – публичного) управления, поскольку государственная гражданская служба представляет собой инструментарий для реализации управленческих функций, производных от совокупности функций государства как суверенной политико-территориальной формы организации общества, воздействующей на общественные отношения через позитивное управление и вынужденное принуждение в случае нарушения установленного публичного правопорядка.

Если рассматривать государственную гражданскую службу как форму реализации функций государства, направленных на удовлетворение потребностей граждан, логичной представляется гипотеза об оценке гражданами деятельности руководителей органов публичной власти и функционирования соответствующих институциональных структур в целом. Правовое регулирование такой оценки закреплено в постановлении Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 12842. В ч. 3 этого Постановления к критериям общественного

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля.

² Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений): постановление Правительства РФ от 12 декабря 2012 г. № 1284 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7219.

оценивания отнесены: а) время предоставления оцениваемых услуг (терминальный аспект общественного оценивания); б) время ожидания в очереди при получении оцениваемых услуг (организационный аспект); в) вежливость и компетентность сотрудника, взаимодействующего с заявителем при предоставлении оцениваемых услуг (персональный аспект). При этом перечень не является исчерпывающим, что следует из содержания цитируемой статьи подзаконного нормативного правового акта.

Как можно резюмировать из предлагаемых критериев общественного оценивания деятельности государственных гражданских служащих, эффективность служебной деятельности при их применении связана прежде всего с личностным комфортом граждан при получении государственной услуги, что обуславливает удовлетворенность от процесса ее получения как формы реализации функции государства, напрямую соприкасающегося с индивидом именно в процессе предоставления предусмотренных действующим законодательством государственных услуг. Иными словами, в таких случаях происходит именно непосредственное взаимодействие конкретного гражданина и государства в лице его представителя (государственного гражданского служащего), что дает возможность гражданину оценить не просто определенное действие отдельного чиновника, а через отдельно взятый случай и качество реализации функций государства в целом.

Отличительной чертой мотивации гражданина, желающего получить качественную государственную услугу, является нацеленность на результат, волевой характер его действий, наступление состояния удовлетворенности исключительно при прохождении этого процесса в том виде, который соответствует первоначальным ожиданиям индивида. Как пишет в этой связи С. А. Васильев, «...каждый человек, вступая в те или иные отношения, должен преследовать определенную цель – получение искомого результата, верить в то, что соответствующий итог будет иметь место»¹.

¹ Васильев С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. М.: Центркаталог, 2023. С. 27–28.

Вместе с тем качество предоставления государственной услуги ограничено пределами законодательства, административных регламентов и материально-технических возможностей соответствующего органа, являющегося ввиду своей компетенции субъектом ее предоставления. Иными словами, завышенные ожидания не могут быть рассмотрены как основание для признания служебной деятельности руководителя либо органа в целом неэффективной или некачественной. Например, общественное мнение о завышенном размере государственной пошлины за предоставление определенной услуги не может быть рассмотрено как критерий оценки эффективности деятельности государственных служащих, поскольку это условие, априори детерминированное нормативным актом, не зависящее от волевых действий чиновника, то есть обстоятельство, на которое можно повлиять исключительно на правотворческом уровне, а не на правоприменительном. Предоставление государственных услуг является именно правоприменительной деятельностью, более того – строго регламентированной ее формой, основанной на множестве процедурных и регламентных положений подзаконного характера, включая совокупность специфических ведомственных актов.

Вместе с тем стандарты, предусмотренные нормативными правовыми актами, безусловно, должны обеспечиваться, и отступление от них, в свою очередь, может и в ряде случаев должно служить основанием для организационных, кадровых и иных выводов, направленных на повышение уровня удовлетворенности потребителей государственных услуг, рассматриваемых при данной методике как основной критерий эффективности служебной деятельности. Исследуемую методику условно можно назвать сервисной, исходя из концепции «сервисного государства», то есть государства, ориентированного и нацеленного на качественное предоставление государственных услуг фактическим «работодателям» (гражданам), имманентно являющимися налогоплательщиками и получателями услуг, оплачиваемых прежде всего за счет фискальных платежей, формирующих публичные (государственные и муниципальные) бюджеты.

Еще одной проблемой, которая проявляется при попытке оценивать эффективность государственных гражданских служащих через функциональный процесс предоставления

государственных услуг, становится отсутствие единых методик и подходов к критериям и порядку такой оценки, ее методологическим основам. На целесообразность разработки единых стандартов качества предоставления государственных услуг еще на заре современного этапа административного реформирования государственной гражданской службы указывал А. В. Шаров. В основе его теоретико-методологических подходов находится идея отказа от избыточных функций государственных органов в максимально возможном количестве случаев¹.

Аналогичные теоретико-методологические постулаты формулирует М. В. Паршин. По его мнению, идентификация избыточных функций должна завершаться их упразднением (ликвидацией)², что, в свою очередь, даст государственным служащим возможность сосредоточиться на качественном и эффективном предоставлении необходимых и обязательных функций. Именно оказание таких услуг должно быть оценено и рассмотрено в качестве главного критерия эффективности служебной деятельности. Под ликвидацией функции следует понимать один из двух вариантов: исключение соответствующей функции из нормативных правовых актов либо передачу функции другим органам публичной власти. Еще одним специфическим вариантом на практике может стать прекращение исполнения функции, не предусмотренной нормативными правовыми актами. Но при этом следовало бы говорить о наличии пробела в правовом регулировании, поскольку в идеале любая государственная функция должна находиться в пределах законодательного, правового поля, составляя элемент компетенции определенного органа публичной власти и входить в должностной регламент ответственного за ее реализацию государственного служащего, служебная деятельность которого и должна в таком случае подлежать общественному оцениванию.

Главный метод общественного оценивания – социологический опрос, проводимый на территории, входящей в

¹ Шаров А. В. Об основных элементах административной реформы // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 19.

² Паршин М. В. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству. М.: Статут, 2013. С. 11.

зону обслуживания конкретным органом публичной власти. Таким образом, целесообразно выделять три вида социологических опросов, осуществляемых с целью общественного оценивания служебной деятельности: а) на федеральном уровне; б) на уровне субъекта федерации (региональном); в) на уровне муниципального образования (речь идет о предоставлении муниципальных услуг, происходящих как из собственной компетенции органов местного самоуправления, так и делегированных органами государственной власти, прежде всего исполнительной).

В целом можно сделать обобщающий вывод, что рассмотренный теоретико-методологический подход, хотя и является объективным, проработанным законодательно и организационно, но вместе с тем не может считаться комплексным, затрагивая лишь одно из направлений деятельности государственных гражданских служащих, не ограниченной прямым предоставлением государственных услуг.

Комплексная и всесторонняя оценка деятельности государственных гражданских служащих осуществляются по нескольким ведущим направлениям. Эти направления указаны сразу в нескольких нормативных правовых актах: наиболее широким и комплексным документом является Методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего, которая служит частью подготовленного Минтрудом России Методического инструментария по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)¹.

В комплексную оценку включены такие критерии, по которым делают обобщенный вывод об эффективности служебной деятельности: 1) профессиональные качества гражданских служащих; 2) эффективность и результативность профессиональной служебной деятельности государственных

¹ Методический инструментарий по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/programms/gossluzhba/16/4/0> (дата обращения: 27.01.2024).

гражданских служащих¹. Относительно недостатков комплексной методики оценки деятельности государственных служащих можно согласиться с мнением М. И. Росенко. Он пишет: «Проблема определения данных показателей (имеются ввиду профессиональные качества государственных гражданских служащих. – Авт.) заключается в том, что они не позволяют в полной мере судить об эффективности деятельности гражданских служащих. Методика не определяет формулы расчета таких показателей, критериев»². Всесторонняя оценка, помимо указанных выше критериев комплексной оценки, включает в себя еще и квалификацию государственных гражданских служащих, под которой понимают совокупность профессиональных знаний, умений, навыков, а также стажа государственной гражданской службы, то есть она включает в себя и качественные показатели, и количественные.

Интерес представляет вопрос об эффективности деятельности государственных гражданских служащих и с точки зрения соотношения юридической и социальной эффективности публичной власти. Под углом эффективности конституционно-правовых норм данный вопрос раскрывает в своих исследованиях Е. В. Годованик. Он справедливо указывает на то, что «социальный и юридический механизмы регулятивного действия конституционно-правовых норм на общественные отношения имеют общую цель, которой является правомерное поведение адресатов – субъектов конституционно-правовых отношений, но для достижения данной цели применяются различные способы и меры воздействия»³.

¹ Соколов Н. Н. Методологические подходы к определению критериев комплексной оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел РФ. 2023. № 2. С. 24.

² Росенко М. И. Обзор существующих методик и методического инструментария определения критериев эффективности деятельности государственных служащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 436.

³ Годованик Е. В. Социальные предпосылки эффективности конституционно-правовых норм // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 28.

Подобным образом можно подойти и к проблеме юридической и социальной эффективности института государственной гражданской службы. С формально-юридической точки зрения эффективная деятельность заключается в точном, полном и неукоснительном соблюдении норм действующего законодательства и административных регламентов (А. Л. Бредихин характеризует указанный критерий как «эффективность правовой процедуры»¹). С точки зрения социальной эффективности деятельность государственных гражданских служащих необходимо оценивать в соответствии с ее результатом, под которым понимают достижение социально значимой цели.

В. В. Момотов вводит в юридический оборот еще и понятие «экономическая эффективность», концептуально рассматривая именно ее как желаемый результат правового регулирования². Подобную методологическую позицию занимает и А. Ю. Демидов³.

Исходя из подобных теоретико-методологических предпосылок, результатом служебной деятельности, помимо юридической точности и регламентного прагматизма, достижения социально значимых целей, то есть важных для общества в целом, а также обеспечения персонального комфорта граждан при получении публичных услуг, должна быть еще и экономическая полезность: уменьшение нецелесообразных государственных расходов, увеличение государственных доходов, оптимизация структуры экономики и финансов, экономическая рациональность организации и деятельности властных институтов. В этой связи стоит обратить внимание на то, что категория «эффективность» изначально имеет экономическое происхождение, впоследствии наблюдается ее распространение на другие сферы общественных отношений. В итоге эта категория получила сегодня общепризнанное универсальное

¹ Бредихин А. Л. Эффективность правовой процедуры как условие реализации права // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. Вып. 2. С. 6.

² Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 30.

³ Демидов А. Ю. Эффективность и результативность деятельности органов исполнительной власти // Стратегия развития экономики. 2009. № 15. С. 48.

значение как ключевая характеристика любой общественно полезной и значимой деятельности.

Из других точек зрения, высказываемых в научной литературе, следует указать на тенденцию к корреляции эффективности государственной гражданской службы с ее цифровизацией¹. Более того, К. С. Николаева вполне обоснованно связывает процесс цифровизации в публичном управлении с достижением экономической эффективности в виде уменьшения транзакционных издержек².

Подводя итоги проведенного исследования теоретико-методологических аспектов определения критериев эффективности деятельности государственных гражданских служащих, можно сделать ряд основных выводов: а) федеральное законодательство о государственной гражданской службе напрямую связывает оценку деятельности государственных гражданских служащих с достижением ее эффективности, что детерминирует обязательность разработки надлежащих критериев эффективности, применимых на всех уровнях единой системы публичной власти; б) при проведении комплексной и всесторонней оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих следует исходить из необходимости достижения диалектического единства реализации социального и юридического механизмов правового регулирования (достижения общественно значимой цели при строгом соблюдении законодательно установленной процедуры и должностного регламента) с учетом требований экономической (бюджетной) эффективности и целесообразности; в) в современных условиях развития конституционной модели

¹ Егунов А. В. Инструменты цифровизации государственной гражданской службы в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 46; Веролайнен С. И., Талько Н. А. Цифровизация комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. З. Ш. Бабаева. М.: Изд-во Алеф, 2022. С. 214; Колдушко А. А. Цифровизация государственной гражданской службы: нормативно-правовой аспект // Современный город: власть, управление, экономика. 2021. № 1. С. 51.

² Николаева К. С. Цифровизация государственного управления как условие снижения транзакционных издержек // Современный город: власть, управление, экономика. 2021. № 1. С. 44.

социального государства особое значение имеет общественное оценивание эффективности деятельности государственных гражданских служащих, но вместе с тем этот метод ограничен лишь одним направлением служебной деятельности, в частности предоставлением государственных услуг; г) определение действенных методологических подходов к оценке профессиональной деятельности государственных гражданских служащих и методик их практического применения имеет ключевое значение для формирования оптимальной модели институционального реформирования государственной гражданской службы, поскольку именно через критерии оценивания выстраивается комплексная система приоритетов и направлений, требующих усиления и усовершенствования в современных условиях государственно-правового развития.

Библиографический список

1. Ахмедов А. Ф. Новые функции федеральной службы 1. Бредихин А. Л. Эффективность правовой процедуры как условие реализации права // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. Вып. 2. С. 5–8.
2. Васильев С. А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. М.: Центркаталог, 2023. 268 с.
3. Веролайнен С. И., Талько Н. А. Цифровизация комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. З. Ш. Бабаева. М.: Изд-во Алеф, 2022. С. 211–215.
4. Годованик Е. В. Социальные предпосылки эффективности конституционно-правовых норм // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 28–39.
5. Демидов А. Ю. Эффективность и результативность деятельности органов исполнительной власти // Стратегия развития экономики. 2009. № 15. С. 45–51.
6. Егупов А. В. Инструменты цифровизации государственной гражданской службы в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 44–49.

7. Колдушко А. А. Цифровизация государственной гражданской службы: нормативно-правовой аспект // Современный город: власть, управление, экономика. 2021. № 1. С. 48–55.

8. Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 1. С. 29–35.

9. Николаева К. С. Цифровизация государственного управления как условие снижения транзакционных издержек // Современный город: власть, управление, экономика. 2021. № 1. С. 40–47.

10. Паршин М. В. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству. М.: Статут, 2013. 272 с.

11. Росенко М. И. Обзор существующих методик и методического инструментария определения критериев эффективности деятельности государственных служащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 435–440.

12. Соколов Н. Н. Методологические подходы к определению критериев комплексной оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел РФ. 2023. № 2. С. 23–30.

13. Шаров А. В. Об основных элементах административной реформы // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 19–28.

УДК
347.121.2
ББК
67.404.96

И. Р. Хакимов

аспирант кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального университета
Россия, г. Казань
iskander.khakimov.2018@mail.ru

ЧЕТЫРЕ ВЗГЛЯДА НА ПРАВОВУЮ ПРИРОДУ ПОГАСИТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ

FOUR VIEWS ON THE LEGAL NATURE OF EXTINGUISHING LIMITATION

В статье на основе критического анализа ключевых подходов к пониманию правовой природы погасительной давности сделан вывод об их недостаточной обоснованности. Для разрешения данной проблемы предлагается авторское определение анализируемого явления. Приведены стержневые признаки погасительной давности, что позволяет обнаружить примеры ее использования в действующем законодательстве. Доказана необходимость применения погасительной давности в качестве основания для прекращения сервитута и usufructa. Автор заключает, что суды Российской Федерации (РФ) сегодня придают давности неиспользования сервитутов сугубо доказательственное значение.

Ключевые слова: юридическая давность, погасительная давность, отвлеченная давность, общая давность, исковая давность, приобретательная давность, пресекательные сроки, сервитут, usufruct, право на иск, non usus, usucapio libertatis, право собственности.

In the article on the basis of a critical analysis of key approaches to understanding the legal nature of extinguishment limitation the conclusion is made about their insufficient validity. To solve this problem the author's definition of the analysed phenomenon is proposed. The author provides the core features of the extinguishment limitation, which allows to find examples of its use in the current legislation. The necessity of application of extinguishment limitation as a ground for termination of easement and usufruct is proved. The author concludes that the courts of the Russian Federation (RF) today give the statute of limitations for non-use of easements a purely evidentiary value.

Keywords: legal limitation, extinguishment limitation, abstract limitation, general limitation, statute of limitations, statute of limitation,

acquisitive limitation, time bar, easement, usufruct, right of action, non usus, usucapio libertatis, property right.

Юридическая давность – это свойство, «которое приписывается в законах истечению определенного срока времени по отношению к приобретению или потере какого-либо права»¹.

Сегодня в российском законодательстве присутствуют только два вида юридической давности: приобретательная (ст. 234 Гражданского кодекса (ГК) РФ²) и исковая (гл. 12 ГК РФ). Погасительная давность в действующем законодательстве не упоминается, лишь в доктрине этому явлению уделено некоторое внимание. Что понимают под погасительной давностью? Что означает данное понятие? Каково его значение? Какая история сопровождает его существование? Присутствует ли оно в нашем законодательстве и судебной практике?

Это лишь примерный круг вопросов, на которые мы попытаемся кратко ответить в настоящей статье. Обостряет необходимость поиска ответов на перечисленные вопросы еще и тот факт, что о погасительной давности не написано ни одной современной научной статьи, не стала она и темой иных научных работ. Между тем другим видам давности посвящен, например, ряд кандидатских диссертаций: восемь – приобретательной давности, одиннадцать – исковой³.

В научной литературе можно встретить три основных взгляда на правовую природу погасительной давности. Согласно первому взгляду, под погасительной давностью понимают основание для прекращения *любого* субъективного гражданского права вследствие его неиспользования в течение определенного срока⁴. Второй взгляд на погасительную давность: она есть основание для прекращения права на иск вследствие его

¹ Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. С. 111.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Каталог диссертаций // Библиотека диссертаций. РГБ. URL: <https://diss.rsl.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

⁴ Энгельман И. Е. Указ. соч. С. 217.

неиспользования в течение срока исковой давности¹. По сути, прослеживается отождествление исковой и погасительной давности. Согласно третьему взгляду, погасительную давность используют применительно лишь к сервитутным отношениям и, соответственно, рассматривают как основание для прекращения сервитута вследствие его неиспользования в течение определенного срока².

Приведенные выше определения во многом похожи. Это позволяет нам выделить стержневые признаки, характерные для погасительной давности.

1. Погасительная давность является *самостоятельным* и *самодостаточным* юридическим фактом для прекращения соответствующего субъективного права. При этом очевиден тот факт, что в ситуации, если речь идет о прекращении, например, вещного права, погасительная давность не может начать действовать сама по себе, автоматически. Для этого необходимо, чтобы суд, исследовав все необходимые доказательства, легализовал прекращение права путем вынесения соответствующего судебного решения.

2. Погасительная давность действует, если лицо *не использует* субъективное гражданское право в течение продолжительного отрезка времени. Данный признак позволяет разграничивать погасительную давность и пресекательные сроки. Главное различие состоит в том, что при погасительной давности субъективное право может существовать при условии его использования в течение длительного времени, бессрочно, и в этом смысле не зависит от какого бы то ни было срока. Напротив, при пресекательном сроке осуществление субъективного права по существу своему ограничено определенным временным промежутком, то есть право является временным, оно не существует, за исключением пространства времени между началом и концом срока³.

¹ Зеленская А. А. Институт приобретательной давности в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 21.

² Косарев И. Э. Право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (сервитуты) // Правоведение. 1996. № 3. С. 108.

³ Энгельман И. Е. Указ. соч. С. 218.

3. Погасительная давность – основание для прекращения именно субъективного гражданского права. Все приведенные нами ранее подходы к определению погасительной давности различаются сугубо по широте охвата этого признака. В первом из них говорится о том, что погасительная давность применима к любым субъективным гражданским правам, во втором – действует только в отношении права на иск, в третьем – лишь в отношении права ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитута). Проанализируем все три определения на предмет обоснованности.

Понимание погасительной давности в ее первом значении обусловлено эпохой господства *теории отвлеченной давности*, которая стала результатом работы глоссаторов примерно в XI–XIII веках и продолжала господствовать до конца XIX века. Ее сторонниками выступали А. В. Куницын¹, К. А. Неволин², В. Ф. Вельяминов-Зернов³ и др. Рассмотрим основные тезисы данной научной доктрины:

1) время оказывает влияние на все в нашей жизни, в том числе и на субъективные гражданские права;

2) время оказывает влияние на субъективные гражданские права с помощью давности. Давностью можно считать изменение в правах через осуществление или неосуществление их в течение определенного времени;

3) давность соответствует правовой природе всех существующих субъективных гражданских прав (обязательственных, вещных, процессуальных и др.). Все они под влиянием давности могут возникать и прекращаться. Следовательно, в давности различают две ее стороны (погасительную и приобретательную), которые должны находиться в постоянном взаимодействии: в каждом случае применения давности для того лица, которое теряет свое право,

¹ Куницын А. В. Приобретение права собственности давностью владения // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22. № 10-12. С. 225.

² Неволин К. А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. История российских гражданских законов. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. С. 38–42.

³ Вельяминов-Зернов В. Ф. Опыт начертания российского частного гражданского права: в 2 ч. Ч. 2. Право вещей. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1823. С. 79–84.

она является погасительной, а для того, кто приобретает – приобретательной.

В середине XIX века научное сообщество в лице его виднейших представителей восстало против подобной трактовки давности. С критикой выступили Д. И. Мейер¹, И. Е. Энгельман² и ряд других ученых, основные контраргументы которых сводились в следующем.

1. По критикуемой теории выходит, что существование в законодательстве исковой, приобретательной, погасительной и других разновидностей давности обосновано лишь общим значением времени. Таким выводом, по сути, стираются существенные черты самостоятельных давностных образований, происходит их размытие.

2. Доказано, что применение давности противоречит правовой природе некоторых обязательств, а также правоотношений из права залога. Тем самым развеян главный миф о том, что давность применима к любым субъективным правам.

3. В отдельных случаях упомянутого взаимодействия между приобретательной и погасительной сторонами давности не существует. Например, если прекращается сервитут вследствие его неиспользования в течение срока давности, сервитутное право погашается, однако никем не приобретается. Сторонники теории отвлеченной давности скажут, что собственником служащего участка приобретается свобода от сервитута. Но эта свобода является освобождением от обязательства, а не обретением особого субъективного права.

4. Во всех государствах, которые формировали свое законодательство под влиянием теории отвлеченной давности, регулирующие эти вопросы нормы не действовали, являясь по сути мертворожденными.

В итоге сторонники теории отвлеченной давности не выдержали массивной критики со стороны оппонентов и вынуждены были признать свое поражение. Анализируемая доктрина отвергнута наукой. Из этого следует важный вывод:

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1861. С. 356–364.

² Энгельман И. Е. Указ соч. С. 113–117.

понимание погасительной давности в ее первом значении не нашло должного обоснования.

Следующее распространенное в научной литературе мнение заключается в том, что погасительная давность отождествляется с исковой давностью. Аргументация сторонников этой концепции, по сути, строится на том, что исковая давность погашает право на иск. В науке понимание права на иск имеет две стороны: процессуальную и материальную¹.

Право на иск с процессуальной стороны – это правомочие на обращение за судебной защитой (право на предъявление иска)². По российскому законодательству, если у лица есть такое право, оно уже не может прекратиться ни по одному из оснований, тем более в связи с истечением срока исковой давности. Следовательно, в этой части отождествление исковой давности и погасительной не представляется корректным.

Право на иск с материальной стороны – это правомочие на принудительное осуществление через суд своих гражданских прав, то есть право требовать в судебном порядке исполнения ответчиком его обязанностей перед истцом³. Согласно действующему российскому законодательству, данное право погашается, если судом установлены как минимум два юридических факта: 1) истечение срока исковой давности; 2) об этом суду заявила сторона в споре до вынесения судебного решения (п. 2 ст. 199 ГК РФ). Наличие сразу двух юридических фактов противоречит правовой природе погасительной давности, для применения которой судом достаточно лишь одного факта истечения срока (основной, стержневой признак). Следовательно, и этот аргумент не позволяет признать исковую и погасительную давность тождественными понятиями.

Может быть, таким «погашаемым» правом является то право, которое нарушается, или, другими словами, право, которое находится в основании спора? В российском праве

¹ Иванова С. А. Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГК РФ и АПК РФ // Актуальные проблемы гражданского процесса: сб. / под ред. В. А. Мусина, 2002. С. 19.

² Богданова Е. Е. Особенности защиты гражданских прав при добросовестном оспаривании // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 82.

³ Богданова Е. Е. Указ. соч. С. 82.

реализована концепция «слабой» исковой давности¹, особенность которой заключается в том, что применение судом исковой давности не прекращает субъективного права, которое находится в основании спора. Таким образом, анализ показал, что отождествлять понятия исковой давности и погасительной давности нельзя.

Далее проанализируем обоснованность понимания погасительной давности в ее третьем значении, а именно как основания для прекращения частного сервитута. В качестве такого основания погасительная давность представлена в частном праве Древнего Рима, в отношении которого были следующие варианты:

1) *non usus* (неиспользование сервитута). Относился только к сельским сервитутам и означал, что таковые могут быть погашены в связи с их неиспользованием в течение двух лет². От сервитуария не требовалось личное осуществление сервитута, им могли пользоваться его семья или даже третье лицо (недобросовестный владелец)³. Важнее было то, чтобы использование сервитута приносило пользу для господствующего участка;

2) *usucapio libertatis* (освобождение от сервитута). Относился только к городским сервитутам и означал, что они могут быть погашены в связи с тем, что собственник служащего земельного участка ненамеренно создал такое состояние последнего, которое противоречило бы использованию сервитута, и поддерживал это состояние в течение двух лет⁴. Таким образом, помимо простого неиспользования сервитута, юридическим фактом для прекращения сервитута служило также нарушение прав сервитуария, например, если последнему препятствовали

¹ Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть. М.: Статут, 2019. С. 574.

² Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право: учебник. М.: Юриспруденция, 2009. С. 183.

³ Копылов А. В. Ограниченные вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 57.

⁴ Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Указ соч. С. 183.

осуществить проезд через служащий земельный участок, выкопав для этого канаву или соорудив забор поперек дороги¹.

И для *non usus*, и для *usucapio libertatis* требовалась *bona fides* (добросовестность) собственника служащей вещи.

В дореволюционном российском законодательстве соответствующую погасительную давность как основание для прекращения сервитута находим только в местном праве отдельных губерний. Так, согласно ст. 1265, 1284 Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских², сервитут прекращался давностью, если имеющий на него право по своей воле им не пользовался: в Лифляндии и Эстляндии в течение десяти, а в Курляндии – в течение пяти лет. Для прекращения домового сервитута требовалось дополнительно нарушение прав сервитуария собственником служащей вещи (аналогия с римским *non usus* и *usucapio libertatis*). Как указано в литературе, в Российской Империи (за исключением упомянутых выше губерний) недостаток законодательного регулирования анализируемого основания эффективно восполнялся судебной практикой, которая для целей прекращения сервитута применяла аналогии *non usus* и *usucapio libertatis*³.

Известные события, произошедшие после Октябрьской революции, привели к не менее известным сдвигам в частноправовых отношениях. Одним из последствий этого стало то, что ГК РСФСР 1922 г.⁴ предусматривал только два вида прав на чужие вещи: право застройки и право залога. Таким образом, сервитуты в советское время были исключены из системы ограниченных вещных прав.

В современной России «возвращение» частного сервитута связано с принятием в 1994 г. первой части ГК РФ. Однако отечественный законодатель не воспринял давних правовых традиций использования погасительной давности применительно к сервитутным отношениям. Сегодня ст. 276 ГК РФ

¹ Копылов А. В. Указ соч. С. 92.

² Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских с включением изменений и дополнений по продолжению 1890 г. / сост. А. М. Нолькен. СПб.: Изд. придворного кн. маг. Г. Шмицдорфа, 1891. С. 161–164.

³ Копылов А. В. Указ. соч. С. 93.

⁴ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. № 71. Ст. 904.

предусматривает лишь два основания для прекращения частных сервитутов: во-первых, если отпали основания, по которым это право установлено; во-вторых, если установление сервитута препятствует использованию земельного участка в соответствии с его целевым назначением.

Может быть, как и в дореволюционное время, основную роль в этом вопросе взяли на себя российские суды? Чтобы ответить на данный вопрос, приведем пример из судебной практики. По одному из дел истец обратился в суд с иском о прекращении на его территории сервитута ответчика¹. Суд при вынесении решения в пользу истца сослался на то, что у сервитутария отпали основания, по которым установлен сервитут. В пользу этого судом учтен один из аргументов истца о том, что ответчик не пользовался сервитутом в течение 2015–2017 гг. Полагаем, данный пример позволяет утверждать, что суд придал давности неиспользования сервитута сугубо доказательственное значение (это подтверждается и иными примерами из судебной практики²).

Возникает логичный вопрос. Почему как в римском праве, так и в отечественной правовой науке находили необходимым считать одним из оснований прекращения сервитута погасительную давность? В чем заключается основная цель применения погасительной давности в отношении сервитутов?

Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к классике российской цивилистики И. Е. Энгельману, который находил данное основание в правовой природе сервитута как «слабого» вещного права. Он рассуждает следующим образом: «Когда, например, собственник полный господин своей вещи, не желает

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 марта 2019 г. № Ф07-1146/19 по делу № А56-17559/2018 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <http://garant.ru/#/document/41293093/paragraph/32/doclist/12/showentries/0/highlight/> (дата обращения: 10.12.2023).

² Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 27 марта 2023 г. по делу № А72-15354/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Нр56RPCdKqgu/> (дата обращения: 11.12.2023); постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 мая 2023 г. по делу № А82-9412/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JYwzpzlyLUT/> (дата обращения: 11.12.2023).

ее употреблять, а желает, чтобы она оставалась без употребления, то он именно в этом неупотреблении выражает свое господство над вещь. Напротив того, если имеющий право на сервитут не пользуется им, то действительно его право остается безгласным, не осуществляется»¹. Это же имеет в виду и Е. А. Суханов. Он пишет, что неиспользование в течение определенного срока сервитута свидетельствует об отсутствии объективной необходимости в нем². Поэтому и в Концепции развития законодательства о вещном праве 2009 г.³ предлагается считать погасительную давность одним из оснований для прекращения сервитута.

Законодательство многих государств предусматривает возможность погашения сервитута погасительной давностью. Например, в Венгрии срок такой давности составляет десять лет, в Испании, Италии – 20 лет. В соответствии с п. 811 гл. 3 ч. 2 кн. 2 Гражданского кодекса Штата Калифорнии срок погасительной давности для сервитута равен сроку приобретательной давности⁴.

Анализ третьего значения погасительной давности показывает обоснованность приведенной точки зрения. Однако отражает ли это сформулированное при таком подходе определение погасительной давности полноту объективной действительности? В законодательстве мы находим как минимум еще три субъективных права, помимо сервитутного, длительное неиспользование которых в ряде случаев способно повлиять на правоотношения путем их прекращения.

Так, в соответствии со ст. 284 ГК РФ и ст. 45 Земельного кодекса (ЗК) РФ⁵ право собственности на земельный участок, право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным

¹ Энгельман И. Е. Указ. соч. С. 128.

² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 28.

³ Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 8.

⁴ Остапенко А. Г. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 155.

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

участком прекращаются принудительно в случаях, если предназначенный для ведения сельского хозяйства либо жилищного или иного строительства земельный участок не используют по целевому назначению в течение трех лет. Поскольку в указанных случаях прослеживаются основные, стержневые признаки погасительной давности, то можно утверждать, что перед нами именно эта разновидность давности.

Возможность применения погасительной давности в отношении права собственности в приведенном выше случае входит в прямое противоречие с указанным ранее в статье мнением И. Е. Энгельмана о том, что бездействие собственника не должно караться, а, следовательно, противоречит существу права собственности. Тем не менее это не означает, что соответствующая норма невозможна. Наоборот, это один из примеров, согласно которым в общественных интересах есть необходимость публично-правового вмешательства в частные дела. Земля – ограниченный ресурс, который к тому же обладает определенным качеством: в этом году она была плодородной, а спустя год стала непригодной к использованию. Следовательно, и государство, и общество в целом обязаны быть заинтересованы в максимальном продуманном использовании и сохранении ценного природного ресурса (это относится и к жилищу). По этой же причине считаем обоснованным применение погасительной давности в отношении права пожизненного наследуемого владения земельным участком и права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

Проведенный анализ показывает, что погасительная давность служит основанием для прекращения *не только* сервитутных прав. Следовательно, понимание погасительной давности в ее третьем значении не отражает всю объективную действительность и не является достаточным. Более того, мы глубоко убеждены в том, что сфера действия погасительной давности потенциально гораздо шире и не охватывается лишь приведенными примерами. Наша убежденность основана на следующем.

Во-первых, погасительная давность может быть полезна для правовой регламентации многих других отношений. Например,

Е. А. Суханов обращает внимание на подобную возможность в отношении узуфрукта, объясняя это тем, что, не осуществляя пользования в соответствии с хозяйственным назначением вещи, узуфруктуарий создает риск ее утраты или повреждения¹. Актуальным приведенный пример является и с той точки зрения, что сегодня проект Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»², предлагая к законодательному закреплению узуфрукт, подобного основания для прекращения соответствующего субъективного права не содержит. Разумным видится предусмотреть такое основание для прекращения отношений узуфрукта.

Во-вторых, полагаем, что нет препятствий для того, чтобы применять погасительную давность в обязательственных отношениях, если стороны указали на это в договоре и ее применение не противоречит существу обязательства. Подобное допущение, без преувеличения, стало бы примером торжества принципа свободы договора в гражданском праве.

На основании вышеизложенного считаем возможным предложить свое, авторское видение правовой природы погасительной давности. Погасительная давность – это связанное с истечением определенного периода основание для прекращения субъективного гражданского права в связи с его неиспользованием, применяемое в случаях, установленных законом или договором.

Преимущество предложенного определения заключается в том, что возможность применения погасительной давности не ограничена сервитутными отношениями, допустима возможность применения данного основания и к другим гражданским правоотношениям при условии, что такая возможность закреплена в законодательстве или предусмотрена соглашением сторон. Предлагаемая формулировка исключает случаи

¹ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 92.

² О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федер. закона № 47538-6/5 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?ysclid=lx99ejntln523671795> (дата обращения: 14.12.2023).

необоснованного масштабного (безграничного) применения погасительной давности (существовавшего в эпоху господства теории отвлеченной давности), но вместе с тем недопустимым видится и чересчур узкое понимание (применение только к сервитутам или к праву на иск).

Однако имеющаяся сегодня крайне низкая научная разработанность исследуемой проблематики вынуждает обратиться к научному сообществу с предложением начать полноценную научную дискуссию относительно всех вопросов об институте погасительной давности. В частности, полагаем, что должного научного анализа и решения требуют такие вопросы, как:

- 1) определение правовой природы погасительной давности;
- 2) практическая и теоретическая обоснованность применения погасительной давности к отдельным вещным, обязательственным, наследственным и иным правоотношениям;
- 3) четкое формулирование условий применения погасительной давности, в том числе определение временных пределов.

Библиографический список

1. Богданова Е. Е. Особенности защиты гражданских прав при добросовестном оспаривании // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 78–84.
2. Вельяминов-Зернов В. Ф. Опыт начертания российского частного гражданского права: в 2 ч. Ч. 2. Право вещей. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1823. 197 с.
3. Зеленская Л. А. Институт приобретательной давности в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 185 с.
4. Иванова С. А. Некоторые проблемы исковой формы защиты права по проектам ГК РФ и АПК РФ // Актуальные проблемы гражданского процесса: сб. / под ред. В. А. Мусина. СПб., 2002. С. 16–22.
5. Копылов А. В. Ограниченные вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 297 с.
6. Косарев И. Э. Право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (сервитуты) // Правоведение. 1996. № 3. С. 99–109.

7. Куницын А. В. Приобретение права собственности давностью владения // Журнал Министерства юстиции. 1864. Т. 22. № 10-12. С. 225–247.

8. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1861. 367 с.

9. Неволин К. А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. История российских гражданских законов. СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. 446 с.

10. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право: учебник. М.: Юриспруденция, 2009. 464 с.

11. Остапенко А. Г. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 202 с.

12. Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских со включением изменений и дополнений по продолжению 1890 г. / сост. А. М. Нолькен. СПб.: Изд. придворного кн. маг. Г. Шмицдорфа, 1891. 580 с.

13. Суханов Е. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1. Общая часть: учебник. М.: Статут, 2019. 576 с.

14. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.

15. Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. 511 с.

Е. В. Черкасова

судья Четвертого кассационного суда общей юрисдикции,
аспирант Астраханского государственного университета
Россия, г. Астрахань
elenabolgova250378@gmail.com

**ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ»
КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ**

**THE LEGAL CATEGORY "DEPRIVATION OF PARENTAL
RIGHTS" AS A LEGAL FACT**

В статье рассмотрены некоторые аспекты проблемы отнесения категории «лишение родительских прав» к юридическим фактам. Автором поставлена под сомнение целесообразность отнесения лишения родительских прав к перечню мер семейно-правовой ответственности. Акцентируется внимание на том, что лишение родительских прав во многих случаях выступает как избавление от ответственности, а не как наказание. Автором приведены обстоятельства, обуславливающие необходимость рассмотрения лишения родительских прав в качестве юридического факта, а также указаны последствия лишения родительских прав как юридического факта.

Ключевые слова: юридический факт, лишение родительских прав, правовые последствия лишения родительских прав, мера ответственности, семейно-правовая ответственность, отобрание ребенка, семейные правоотношения, семейное законодательство.

The article considers some aspects of the problem of attributing the category "deprivation of parental rights" to legal facts. The author questions the expediency of attributing the deprivation of parental rights to the list of measures of family-law responsibility. It is emphasised that deprivation of parental rights in many cases acts as an escape from responsibility rather than as a punishment. The author cites the circumstances that make it necessary to consider deprivation of parental rights as a legal fact, and also indicates the consequences of deprivation of parental rights as a legal fact.

Keywords: legal fact, deprivation of parental rights, legal consequences of deprivation of parental rights, measure of responsibility, family legal responsibility, removal of a child, family legal relations, family legislation.

Юридические факты в семейном праве специфичны, выступают основаниями возникновения, изменения и прекращения не только семейных правоотношений, но

и отношений, регуляторами которых являются нормы других отраслей права (гражданского, семейного, права социального обеспечения и т. д.). Система юридических фактов в семейном праве структурирована многими элементами, что обуславливает необходимость их классификаций в зависимости от волевого критерия (события и действия); от критерия, опосредованного сроками (длящиеся и краткосрочные); от критерия, связанного с правовыми последствиями (правопорождающие, правоизменяющие, правопрекращающие, правопрепятствующие, правовосстанавливающие) и т. д.

Теория юридических фактов в семейном праве базируется на общей теории юридических фактов. Изыскания в области заявленной тематики немногочисленны и затрагивают лишь некоторые проблемы, что актуализирует настоящее исследование.

Современная цивилистика фиксирует ряд принципиальных элементов правового явления юридического факта. Конструкция его в контексте определения гражданско-правовой природы семейных правоотношений многослойна, что характеризуется рядом научных исследований. Наиболее укрупненное понятие юридического факта дефинируется через призму характеристики определенных жизненных явлений, которые служат основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Следует учитывать и то обстоятельство, что рассматриваемая группа фактов получает статус юридических не с учетом структуры явления, а ввиду признания их таковыми законом. Прослеживается наличие двух составляющих:

– материальная составляющая (жизненное явление, факт действительности);

– идеальная составляющая (предусмотренная конкретной нормой права связь явления и правовых последствий).

Представленные обстоятельства позволяют рассматривать лишение родительских прав через призму фиксации уже свершившегося факта, в правоприменительной практике приобретающего статус юридического факта, влекущего ряд правовых последствий. В научной литературе речь идет о том, что институт лишения родительских прав не имеет длительной

истории в России, его формирование относится к XX столетию¹, предусмотрен всеми кодификациями семейного законодательства советского периода², зафиксирован действующим законодательством.

Родительские права – совокупность прав и обязанностей родителей/родителя в отношении своего ребенка. Родители несут ответственность за жизнь, здоровье, развитие (духовное, психическое, физическое) ребенка. Лишение родительских прав может быть осуществлено только судом и применимо в исключительных случаях. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) содержит исчерпывающий перечень оснований прекращения родительского права. К таким основаниям законодателем отнесены (ст. 69 СК РФ):

- уклонение от родительских обязанностей, в том числе злостное уклонение от исполнения алиментных обязательств;
- отказ взять из родильного дома новорожденного или ребенка из другой медицинской, а также образовательной организации, без наличия уважительных причин;
- злоупотребление правами родителя/родителей;
- жестокое обращение с ребенком, включая психическое или/и физическое насилие;
- покушение на половую неприкосновенность ребенка;
- хроническое заболевание (наркомания или алкоголизм);
- факт совершения умышленного преступного деяния, направленного против жизни, а также здоровья ребенка или другого члена семьи.

Не подлежат лишению прав родители, не выполняющие своих обязанностей ввиду стечения обстоятельств, которые не находятся во взаимосвязи с волей родителей. Правовые последствия лишения родительских прав многообразны, основаны на прекращении всех прав, обусловленных фактом родства, в том числе права на воспитание ребенка, права на

¹ Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3 (51). С. 82.

² Арсеньева Г. В., Вакуленко О. А. Основные этапы кодификации семейного права советской России // Scientific Horizons – 2015: materials of the XI International scientific and practical conference. Sheffield: Science and education LTD, 2015. С. 3.

защиту ребенка, алиментного права от совершеннолетнего ребенка, права на согласие на усыновление ребенка, права на получение соответствующих льгот и пособий и др. Последствия могут быть классифицированы по отраслевой принадлежности: семейно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые, последствия в сфере социального обеспечения и т. д.

Интерес вызывает тот факт, что зачастую отечественная цивилистика рассматривает лишение родительских прав не как юридический факт, а как меру ответственности¹ (юридическая наука представлена и противоположной точкой зрения², однако сторонников последней меньше). Чтобы отнести лишение к категории меры ответственности, необходимо понимать, что именно лишение родительских прав будет определять характерную степень наказания лица, лишенного родительских прав. В практике правоприменения часто лишение прав для родителей является не просто наказанием, а избавлением от ответственности. К таким случаям можно отнести вариации оставления ребенка в родильном доме, передачу его в специализированное учреждение и др. Это случаи, в которых родители самостоятельно предпринимают ряд правовых действий/бездействие для того, чтобы они были лишены прав родителей. Рассматривая правовое явление под таким углом, нельзя согласиться с отнесением правовой категории «лишение родительских прав» к мере ответственности родителей.

¹ Трофимова Г. А. Лишение родительских прав: правовая природа санкции и ее основания // Власть Закона. 2021. № 4 (48). С. 152; Кондрашова М. А. Проблемы применения семейно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 117; Матвеева Н. А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 16.

² Демченко Т. О. Лишение родительских прав: юридический факт или мера семейно-правовой ответственности? // Студенческая наука – взгляд в будущее: материалы XVIII Всерос. студенческой науч. конф. Ч. 7 / отв. ред. А. В. Коломейцев, М. В. Горелов. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 109.

Кроме того, правовая категория семейно-правовой ответственности в контексте действующего СК РФ¹ видится эфемерной. Поясняя, необходимо акцентировать внимание на том, что представленный правовой акт такого понятия не содержит, но можно обнаружить упоминание на «ответственность перед семьей», «ответственность супругов перед обязательствами», что не одно и то же. Конкретный вид ответственности представляет собой систему применяемых государством мер, оказывающих дискомфортные для нарушителей функции. Как указано ранее в статье, лишение родительских прав к такой категории отнести сложно. Сделаем акцент и на том, что лишение родительских прав (в отличие от ответственности, например, уголовного или административного характера) не ограничено сроками. Так, максимальный срок – 18 лет (достижение совершеннолетия), минимальный срок не зафиксирован.

Аргументом в пользу отнесения лишения родительских прав к юридическим фактам выступает и предусмотренная ст. 72 СК РФ возможность восстановления в родительских правах при формировании определенных условий: изменении отношения к воспитанию, изменении образа жизни, изменении поведения. Нормы закона не содержат и количество возможных ограничений и восстановлений прав родителей.

Еще одна вариация исследования факта лишения родительских прав – с позиции охраны прав ребенка². Проблема защиты прав детей находится в центре внимания обществу, периодически обостряется (экономические кризисы, политическая нестабильность)³.

Данная категория также вызывает ряд дискуссионных вопросов. Охрана и защита прав ребенка в первую очередь

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Салчак А. А., Маады А. И. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних // Государственная служба и кадры. 2022. № 4. С. 123; Якушев П. А. Особенности рассмотрения судами дел о лишении родительских прав // Судья. 2022. № 10 (142). С. 38.

³ Филиппов П.М., Джумагазиева Г.С. Права детей и их охрана: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. С. 5.

реализуется в контексте его существования в семье. Указанные обстоятельства подтверждаются рядом отечественных и международно-правовых актов¹. По этой причине охрана и защита прав ребенка должна быть реализована не с позиции лишения родительских прав, а в контексте содействия воспитанию ребенка в семье. Требуется формирование таких механизмов, которые позволяют минимизировать обстоятельства, повлекшие необходимость лишения родительских прав. Рассматривая в целом механизм, одним из этапов которого является отобрание ребенка, следует дополнить, что именно эти действия могут служить элементом системы защиты прав ребенка. Иными словами, нужны комплексные мероприятия, которые прекращают пагубное воздействие родителей на ребенка.

Однако отобрание ребенка не всегда приводит к лишению родительских прав. Семейное законодательство представляет вариации в контексте рассматриваемой темы и видит возможность в качестве последствий отобрания детей вменения ограничения в родительских правах. В этом случае авторская гипотеза также выступает за признание правовой категории «лишение родительских прав» в качестве юридического факта.

В пользу представленных гипотез необходимо указать, что исследование лишения родительских прав как юридического факта позволяет абстрагироваться от процесса, предпосылок, повлекших установление статуса, и определить правовую категорию, которая, в свою очередь, и служит основанием для реализации правовых последствий установления статуса. Тезис о том, что лишение родительских прав является юридическим фактом, доказуем с использованием следующих обстоятельств:

– факт лишения родительских прав возможен на основании ряда сложившихся жизненных условий, то есть оснований, перечень которых является исчерпывающим;

¹ Конституция РФ: принята всенар. голосованием от 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета 2020. 4 июля; Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря; Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

– действующее законодательство предусматривает возможность восстановления родительских прав, то есть изменения юридического факта;

– лишению родительских прав присущи признаки юридического факта: предусмотрено конкретной правовой нормой, содержит информацию об определенном состоянии конкретных отношений, имеет правовые последствия, характеризуется как конкретное жизненное обстоятельство.

В пользу авторской позиции о том, что правовая категория «лишение родительских прав» выступает в качестве юридического факта, говорит система последствий его установления. Как и любой юридический факт, лишение порождает ряд правовых последствий, которые в укрупненном виде с учетом цивилистического подхода исследования целесообразно разделить на такие группы, как:

– последствия семейно-правового порядка: лишение права на воспитание ребенка, на общение с ним и защиту его прав, на совместное проживание, на возможность получения содержания от ребенка в будущем, на приобретение статуса приемных родителей;

– последствия гражданско-правового порядка: лишение права выступать в сделках за несовершеннолетнего ребенка либо давать согласие на ее совершение (в зависимости от возраста несовершеннолетнего и характера сделки), отсутствие возможности давать согласие на эмансипацию ребенка, лишение права наследовать после ребенка;

– последствия социально-правового порядка: лишение права на получение пособий по направлению поддержки материнства и детства, возможности использовать механизмы государственной поддержки в связи с родительством, реализовывать трудовые льготы, связанные со статусом родителя.

Разумеется, представленный перечень не является исчерпывающим и призван доказать статус правовой категории «лишение родительских прав» в качестве юридического факта, порождающего ряд правовых последствий. Фиксация приведенных выше последствий в рамках настоящего исследования выступает элементом доказательной базы авторской гипотезы.

Обратим внимание на то, что в современной цивилистике отнесение правовой категории «лишение родительских прав» к юридическим фактам не является традиционным. Формирование

данной правовой позиции не подлежит оспариванию по причине отсутствия массовости его рассмотрения в указанном статусе. Тем не менее именно представленная доказательственная база позволяет нам выдвинуть принципиальную авторскую позицию о том, что лишение родительских прав необходимо отнести к категории юридических фактов. Дополнительным фактором обоснованности выдвинутой гипотезы служит то, что лишение родительских прав выступает в качестве акта гражданского состояния, и это реализуется в рамках традиционного восприятия в цивилистике их как юридических фактов.

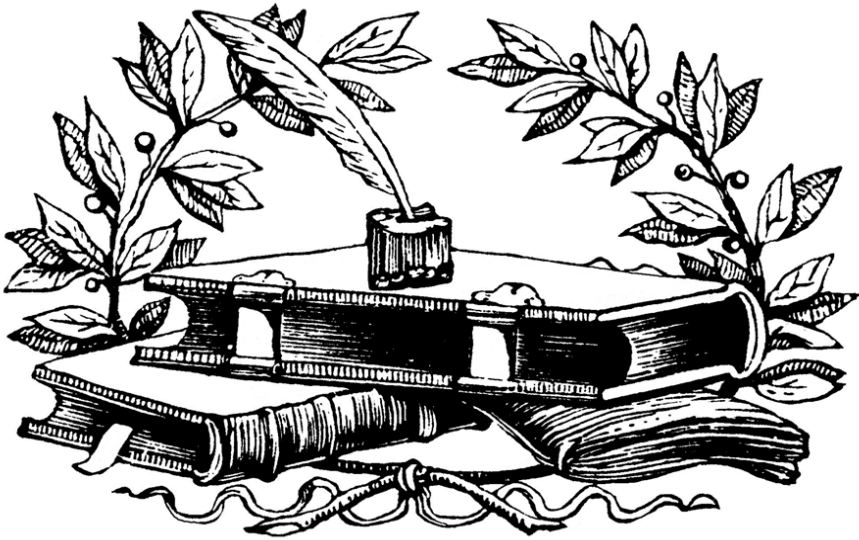
Библиографический список

1. Арсеньева Г. В., Вакуленко О. А. Основные этапы кодификации семейного права советской России // *Scientific Horizons – 2015: materials of the XI International scientific and practical conference*. Sheffield: Science and education LTD, 2015. С. 3–5.
2. Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 12-3 (51). С. 81–83.
3. Демченко Т. О. Лишение родительских прав: юридический факт или мера семейно-правовой ответственности? // *Студенческая наука – взгляд в будущее: материалы XVIII Всерос. студенческой науч. конф. Ч. 7 / отв. ред. А. В. Коломейцев, М. В. Горелов*. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 109–112.
4. Кондрашова М. А. Проблемы применения семейно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2021. № 1. С. 117–124.
5. Матвеева Н. А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 2. С. 16–20.
6. Салчак А. А., Маады А. И. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних // *Государственная служба и кадры*. 2022. № 4. С. 123–126.
7. Трофимова Г. А. Лишение родительских прав: правовая природа санкции и ее основания // *Власть Закона*. 2021. № 4 (48). С. 152–168.

8. Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Права детей и их охрана: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. 92 с.

9. Якушев П. А. Особенности рассмотрения судами дел о лишении родительских прав // Судья. 2022. № 10 (142). С. 38–45.

Раздел

Рецензии. Критика

А. В. Малько

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Поволжского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик Российской академии юридических наук
Россия, г. Саратов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

**Андреев Ю. Н. Методология юридической науки:
учебник. – М.: Проспект, 2024. – 656 с.**

THE BOOK REVIEW

**Andreev Y. N. The methodology of legal science:
A textbook. - Moscow: Prospect, 2024. - 656 p.**

Книга, несомненно, имеет большое значение для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям. В последние годы осложнились и одновременно актуализировались задачи, связанные с изучением гуманитарных проблем, в особенности находящихся в сфере юридической науки, которая призвана обеспечить надлежащее, всестороннее и объективное познание правовой жизни.

Вместе с дальнейшим развитием философии права, социологии права, экономической теории, психологии, естественных и технических наук юриспруденция обеспечивает надлежащее, всестороннее, объективное познание закономерностей правовой действительности с помощью эффективных методов (способов, приемов, средств) в целях формирования должного мировоззрения, правопонимания, правосознания, правового воспитания, а также для повышения качества правовой политики, законодательной деятельности (технологии и техники), правореализации, правоприменения и правовой защиты конституционных и отраслевых прав и свобод граждан, интересов общества и Российского государства.

Автор учебника, доктор юридических наук, профессор Ю. Н. Андреев, уделил особое внимание определению понятия и содержания методологии и методов, классификации и взаимосвязи способов научно-юридического познания, их

соотношению с методами философии, социологии, экономической теории, психологии, математики. Он пришел к обоснованному выводу о допустимости многообразия научных приемов в контексте того или иного теоретического вопроса, но с условием, что проявленный новаторский подход будет соответствовать требованиям и принципам научного познания.

Следует согласиться с тем, что на страницах издания проанализированы виды (уровни) методов научно-юридического познания: 1) всеобщие (философские); 2) общенаучные (логические); 3) собственные и заимствованные; 4) методы, связанные с использованием прикладных юридических наук и методикой проведения конкретных правовых исследований. Всеобщими методами вполне аргументированно названы диалектический и исторический материализм, общенаучными – синтез, анализ, индукция, дедукция и другие. В систему заимствованных из общенаучных и отраслевых знаний Юрий Николаевич Андреев включает системно-структурный, системно-функциональный, сравнительно-правовой, социолого-правовой, историко-правовой, экономико-правовой, математико-правовой (статистический), психолого-правовой, лингвистически-правовой методы, используемые в познании с учетом предмета и целей исследования. В качестве специального метода юридической науки обоснованно рассмотрен формально-юридический (догматический) метод.

Хорошее впечатление производит уважительное отношение автора к истории отечественного права и методологии, к российским и зарубежным исследователям права и методологии, включая ученых, имеющих собственные, несколько отличительные, взгляды и подходы относительно обсуждаемых в учебнике проблем. Полагаю, что студентам-юристам в овладении методологическим «арсеналом» помогут не только изложенные в учебнике научные позиции отечественных и зарубежных исследователей права, но и авторские суждения и выводы, его краткие историко-правовые аннотации и биографические справки о научных деятелях всего исторического пути становления и развития юридической методологии. Впечатляют значительный список литературы, доступность, полнота, достоверность и объективность рецензируемого труда.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.

E-mail: prhouse2016@mail.ru

